Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

№ 1 (53) январь-февраль 2016

Учредитель – Виталий Кузнецов Основан в 2008 году С 2010 г. выходит 6 раз в год Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор Виталий Кузнецов vitalicatalog3@yandex.ru

Зам. главного редактора по связям с общественностью Татьяна Логинова

Зам. главного редактора по международным литературным связям Николай Тимохин

Консультант по международным литературным связям Елена Думрауф-Шрейдер

Заведующий отделом критики Валерий Кириченко

Заведующий отделом публицистики Александр Шерстюк

Заведующий отделом прозы Евгения Романова

Заведующий отделом поэзии Александр Кобелев

Заведующий отделом культуры Татьяна Лапахтина

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль» – г. Иркутск.

Батраченко Виктор Степанович, поэт, публицист, кандидат технических наук, доцент ВГПУ, зам. председателя правления общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество» – г. Воронеж.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России – г. Улан-Удэ.

Борычев Алексей Леонтъевич, поэт, член Союза писателей России, кандидат технических наук – г. Москва.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук – г. Москва.

Горбунов Анатолий Константинович, поэт, прозаик, член Союза писателей России – г. Иркутск.

Зоркин Виталий Иннокентьевич, профессор ИГУ, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств — г. Иркутск.

Корнилов Владимир Васильевич, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России,

член Союза журналистов России, член Международной Гильдии писателей – г. Братск, Иркутская обл.

Орлов Максим Томасович, поэт, член Союза писателей России - г. Братск, Иркутская обл.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств – г. Москва.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России – г. Иркутск.

Харитонов Арнольд Иннокентьевич, публицист, прозаик, член Союза российских писателей, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ – г. Иркутск.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России – г. Темрюк, Краснодарский край.

Редакция просит читателей обращаться с пожеланиями и отзывами, а также с рукописями своих литературных произведений. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Фото на страницах обложки – из архива редакции.

Адрес редакции: 671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.

Тел.: 8 9024582889; 8 9085957230 E-mail: catalog3@yandex.ru
Подписано в печать 25.02.2016. Формат A4. Стр. — 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «СОРІR», г. Новосибирск.

© Северо-Муйские огни Авторский литературный журнал Издаётся с июня 2008 года

Содержание

_
3
4
5
6
9
12
14
19
20
26
28
30
32
32
33
34
35
37
39
40
40 49
49
49
49 52 56 58
49 52 56 58
49 52 56 58

Приветственная страница

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Самуил Яковлевич Маршак

> ... самая лучшая критика – это письма читателей. Валентин Распутин

Обраниная связь

Слово о журнале «Северо-Муйские огни»

.....

Об этом замечательном журнале, выходящем в далёкой от Украины Бурятии, мне рассказал мой добрый друг из шахтёрской Горловки Иван Нечипорук, — насколько талантливый, настолько и энергичный поэт, успевающий печататься в самых разных периодических изданиях бывшего Советского Союза.

- Их наверняка заинтересует ваш рассказ о шахтёрской лошади...

Я, разумеется, мог предложить свой новый рассказ в любой журнал или альманах Донбасса или же других городов Украины, где всю жизнь печатался, но что-то подтолкнуло именно к «Северо-Муйским огням». Догадывался, что в Бурятии особое отношение к лошадям, даже в наше, как любили говаривать раньше, космическое время.

Так или иначе, но я отослал свою балладу в далёкую Бурятию и сразу получил одобрительный ответ. Мало того, у нас тут же завязалась с редакцией дружеская переписка и я получил от неё две электронные версии предыдущих номеров журнала. Скажу сразу: публикации захватили! Первым делом, разумеется, прочёл материалы Александра Шерстюка о моём родном Донбассе. Чётко, сжато и, главное, достоверно описан не только внешний вид нынешних шахтёрских городков, но и шахтные выработки, в частности — лава (место, как расположен угольный пласт). Да, именно так, лёжа на животе и передвигаясь по-пластунски, добывают свой нелёгкий хлеб донецкие шахтёры. Есть, разумеется, пласты и потолще, но есть и такие, где с живота невозможно перевернуться на спину! А ведь надо не просто лазить, а крепить за комбайном стойки, зачищать на конвейер уголь... В своей романической тетралогии «Лугари» я, надеюсь, достаточно «красочно» описал всю прелесть шахтёрского труда, и, вчитываясь в такие же честные материалы собратьев по горняцкому труду, всегда испытываю желание от души пожать им руку.

Интересна публикация Александра Шерстюка и о своей малой родине. Осмелюсь заявить, что мне знакомы эти места, где Россия плавно переходит в Украину, где национальность каждый выбирает себе сам («все записали себя русскими»), где большинство жителей говорят на русско-украинском суржике и носят чисто украинские фамилии... Там, невдалеке, и моя родина.

Привлекает в «Северо-Муйских огнях» и журнальная проза, и поэзия. Многие вещи могли бы украсить страницы и других журналов. Так что любая публикация здесь является для авторов предметом гордости...

Николай ТЮТЮННИК, поэт, прозаик, член Союза писателей СССР, г. Днепродзержинск, Украина.

Я не ошибусь, если назову журнал «Северо-Муйские огни» уникальным во всех смыслах. Сегодня, когда на каждом шагу сталкиваешься с агрессивным бескультурьем и настойчивым вдалбливанием в умы истин и ценностей, генетически чуждых и враждебных всем народам России, он стал подлинным носителем и хранителем всего лучшего в современной российской литературе. Сохранение и сбережение нашей страны – дома Богородицы, её духовности, традиций, святости – есть ли ещё более трудное и благороднейшее дело для нас, кому плевать на власть доллара!

Созданный и ведомый группой подвижников, журнал несёт национально мыслящим людям оптимизм и надежду на возрождение: знакомит с достойными образцами прозы, поэзии, публицистики, учит думать и верить, даёт возможность заявить о себе молодым авторам...

Приятно удивляет тематика и жанровое разнообразие публикуемых произведений и особенно литературная критика, соединяющая аналитику и строгость, желание её представителей рассказывать о самобытных писательских дарованиях.

Александр БОЙНИКОВ, критик, публицист, член Союза писателей России, г. Тверь, Россия.

малый зал цдл 29 января 2016 года, 18.00 Вечер, посвященный 80-летию НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В программе:

Инна ВАРВАРИЦА - лауреат конкурса «Звезда Рубцова» 2015.

член МГО СП России

читает стихи Николая Рубцова;

стихи, посвященные Н. Рубцову;

поэму «ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ».

Игорь КОРОВИН - артист театра и кино

исполняет свои песни на стихи Н. Рубцова.

Ансамбль русской песни «НА ЗАВАЛИНКЕ» исполняет песни на стихи

Николая Рубцова.

Свободный микрофон.

Ведущая

Елена ГРЕБЕНЩИКОВА

Москва. 29 января 2016 года. В Малом зале Центрального Дома литераторов при полном аншлаге прошёл литературно-музыкальный вечер, посвященный 80-летию поэта Николая Михайловича РУБЦОВА. Организаторы решили не рассказывать о перипетиях и драматических ситуациях в короткой и яркой жизни выдающегося русского поэта. Разговор шёл о поэзии Рубцова – такой простой по своей стилистике, на первый взгляд, но очень глубокой по смыслу. Его стихи очаровывают читателей и слушателей той неповторимой русской пронзительностью и напевностью, которые так присущи нашей поэзии. Родная Вологодчина, Русский Север наделили поэзию Рубцова творческой подлинностью, самобытностью и проникновенной образностью. Не зря писатель Фёдор Абрамов называл Николая Рубцова блистательной надеждой русской поэзии.

Вечер был задуман членом МГО СП России Лауреатом конкурса «Звезда Николая Рубцова» 2015 года Инной Варварицей вместе с ныне покойным композитором Александром Болотовым – уроженцем Алтайского края, в 2014 году. Инна Варварица отказалась от проведения своего личного юбилейного вечера и посвятила его любимому поэту Николаю Рубцову. Она открыла концертную программу вечера чтением цикла стихов Николая Рубцова. Прочитала и свою поэму о нём «Чёрный лебедь». Песни на стихи Николая Рубцова прозвучали в исполнении ансамбля русской песни «На завалинке». Литературно-музыкальное объединение «Талисман» было представлено лучшими поэтами и музыкантами – лауреатами и дипломантами разных конкурсов и фестивалей. Звучали стихи о Рубцове и новые песни на его стихи, написанные артистом театра и кино Игорем Коровиным – уроженцем уральского города Красно-Турьинска. Благодарный зал отвечал на каждое выступление бурными аплодисментами.

Юбилейный вечер Николая Рубцова ещё раз доказал, что его поэзия – это цельное художественное явление в русской культуре, отражающее дух русского народа и верность его традициям, любовь к родному краю и тонкие лирические проявления непредсказуемой и прекрасной русской души.

Наталия КАРЕТНИКОВА, собственный корреспондент, Москва.

Из Сибири в снежный Петербург

(Презентация журнала «Северо-Муйские огни»)

Вьюжным зимним днём 12 января этого года в библиотеке №7 Приморского района состоялась презентация журнала «Северо-Муйские огни» и дружественных ему белорусских изданий «Мир животных» и «Метаморфозы». Презентация стала частью творческой встречи с редактором отдела прозы журнала, писателем Евгенией Романовой.

Читатели небольшой, но уютной библиотеки, которая находится в Коломягах, историческом районе на севере города, всегда с удовольствием посещают встречи с современными писателями. Поэтому автор начала знакомство гостей с журналами, дав определение современной самобытной литературе, обширнейший спектр которой представлен на страницах журнала «Северо-Муйские огни».

Самобытную литературу можно условно охарактеризовать как непрофессиональную, или точнее – некоммерческую, то есть литературу, которая не рассчитана изначально на извлечение прибыли. Однако в плане качества такая литература ничуть не уступает произведениям авторов, чьи тексты публикуются ведущими современными издательствами. Журнал «Северо-Муйские огни» и другие издания, ему подобные, не забывая о творчестве профессиональных писателей, выполняют огромную работу по выявлению талантливых самобытных авторов, сохранению и распространению их творчества, которое, несомненно, заслуживает самого пристального внимания.

После небольшого обзора представляемых изданий Евгения Романова коротко познакомила собравшихся со своей творческой биографией и прочитала стихи, в разные годы опубликованные на страницах журнала «Северо-Муйские огни». Гостей мероприятия заинтересовал не только журнал, но и сам Северомуйск. Много вопросов о нём было задано уже после встречи. Некоторых, наиболее любознательных читателей библиотеки интересовало буквально всё: от того, где именно он находится до местного уклада жизни. Временами поглядывая в окно, за которым бесновалась петербуржская вьюга, и вспоминая снежные заносы, через которые пришлось пробираться, чтобы попасть на творческую встречу, кое-кто в шутку заметил, что погода, видимо, решила в этот день добавить антуражности, чтобы все присутствующие полнее прониклись особенностями суровой северной природы, в условиях которой создается журнал «Северо-Муйские огни».

В итоге сошлись во мнении, что редакция журнала делает важное и полезное дело. Как заметила после мероприятия заведующая библиотекой №7 Наталья Воробьёва, очень хорошо, что стали появляться такие журналы, которые объединяют вокруг себя талантливых авторов не только со всей России, но и из других стран.

В рамках творческого вечера Евгения Романова предложила собравшимся послушать песню в исполнении Айбека Маралбаева, написанную на её стихотворение «Любить Россию» по инициативе поэта Виктора Архангельского. Запись музыкальной композиции сопровождалась видеорядом, составленным из величественных картин русской природы. Давая пояснения к видеоролику, автор отметила, что представленные издания, в том числе и журнал «Северо-Муйские огни», уделяют большое внимание патриотической теме, и продемонстрировала издания, целиком посвященные Великой Отечественной войне, выразительные обложки которых всё сказали сами за себя.

Один из присутствующих, публицист и фотограф Николай Белавинский, который ведёт большую волонтёрскую работу в библиотеках, организовывая по своей инициативе мероприятия и выставки, особо отметил, насколько важно уделять внимание воспитанию молодёжи, чтобы подрастающее поколение не забывало о подвигах своих предков, на долю которых достались тяжёлые испытания. Приятно удивило Николая Белавинского и то, что журнал уделяет много внимания произведениям, посвящённым духовному росту и развитию человека. Будучи кадровым донором и членом волонтёрского движения на острове Валаам, где, как известно, расположена одна из древнейших православных обителей России, он с большим интересом отнёсся к данной тематике журнала.

Чуть позже, уже более полно ознакомившись с представленными на презентации изданиями, о журнале «Северо-Муйские огни» Николай Белавинский сказал следующее: «В журнале я открыл для себя много интересных авторов, при этом поняв, что люди пишут от души и со смыслом. Лично для меня такой журнал очень близок по духу, поэтому надеюсь, что в ближайшее время смогу начать и сам публиковать там свои произведения. Хотелось бы поблагодарить редакцию за выпуск такого журнала как «Северо-Муйские огни», ведь подобного рода литература действительно необходима как для подрастающего поколения, так и для более старшего».

После презентации все представленные в библиотеке издания, как «Мир животных» и «Метаморфозы», так и «Северо-Муйские огни», на некоторое время заняли место в одном из выставочных шкафов читального зала. Внезапной, но приятной неожиданностью оказалось то, что посетившие мероприятие читатели после презентации спрашивали о возможности взять визитные карточки с данными журналов. Несомненно, в будущем необходимо будет уделить этому вопросу больше внимания. Особенно учитывая то, что, по словам заведующей библиотекой №7 Натальи Воробьёвой, журнал «Северо-Муйские огни» и в дальнейшем рады будут видеть в стенах библиотеки.

Ева РАЙН, собственный корреспондент, Санкт-Петербург.

Журнал «Новый Свет» (Продолжаем знакомство)

Михаил СПИВАК (заместитель главного редактора журнала «Новый Свет»)

Член Союза журналистов России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Сёмы Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визиря Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекрёсток Виннипег», издаваемой Культурно-Образовательным центром провинции Манитобы. В 2014 году — член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим порусски». В этом же году стал редактором в организационном комитете Фестиваля российского кино в Торонто.

Шахматный лабиринт

История миниатюрной армии

С детства меня завораживала чёткая, логически выверенная композиция шахматных построений. Тогда я подолгу вертел в руках резные деревянные фигурки, напоминающие мне солдатиков, изучал их внешние особенности. В отполированных, покрытых блестящим лаком гранях угадывался характер и предназначение каждой боевой единицы. Одна – мощная, как крепостная стена; другая – высокая и худая, будто создана для бега; голову третьей венчает монаршая корона... Собранные вместе на доске, они буквально на глазах превращались в миниатюрную армию.

Таинственные истории, связанные с появлением древней игры, захватывали воображение, рисуя не только образы яростных сражений, но и тонкой дипломатии. Самая известная легенда об индийском мыслителе, который придумал шахматы для своего господина. В ней хитроумный мудрец попросил малую, на первый взгляд, плату за своё изобретение. Он хотел получить столько зёрен, сколько поместится на шахматной доске, если на первую клетку положить одно зёрнышко, на вторую – два, на третью – четыре, на четвёртую – восемь и так далее. Казалось бы, одного пакета достаточно. Двух – максимум. Однако из легенды следовало, что такого количества зерна не собрать на всей планете. До сих пор трудно визуально представить, но если вдуматься, то станет ясно, что сумма зёрен на доске выглядела бы гигантским 20-значным числом, и для такого объёма потребовалось бы построить амбар размером 10х10х15 км.

Мудрец, вероятно, считал себя самым искусным обманщиком. Как ловко он обвёл вокруг пальца раджу! Но и правитель оказался далеко не простаком. Поняв, что дал маху, он придумал, как отплатить хитрецу той же монетой, не нарушив при этом своего слова... Раджа велел выдавать зёрна по условиям договора, а мудрец должен был их пересчитывать. Чисто шахматная комбинация с одной стороны и достойный ответ с другой.

Так что же заставило индийского правителя позвать мудреца и давать ему задание?

Раджа очень любил воевать, грезил сражениями. Но настоящая война требует огромных затрат на обучение войска, экипировку и снабжение; потом армия понесёт потери, начнутся разрушения и голод. Всё это приведёт к упадку государства.

Раджа задал мудрецу единственный вопрос: как воевать и не истощить казну? Гениальным решением на клетчатой доске стали белые и чёрные фигурки из дерева, камня или слоновой кости. Их армии обрели законы ведения боя, капитуляции и, самое главное, ничего не стоили воюющим сторонам.

Всё это я узнал позже, а в те годы ставил фигуры рядком на подоконнике и разглядывал их в блестящих лучах солнца.

Самыми понятными мне казались ладьи с зубцами и бойницами наверху. Они выглядели точь-вточь как стрелковые башни, влитые в опоясывающую замок стену. Старые, хмурые бастионы под защитой свирепых пушек, которые с возвышенности пристально наблюдают за притихшей в страхе долиной.

Ладьи как бы сами просились ставить их по краям доски, чтобы с обеих сторон охранять мою армию. Ладья оказалась бесценна и в наступлении. Тяжёлая и грозная фигура. Как только пехота пробьёт брешь в обороне противника, туда немедленно вторгаются ладьи и разрушают с тыла всю неприятельскую систему фортификации.

Рядом с ладьями, в стойлах, копытами бьют кони. Лёгкая, маневренная кавалерия. Как в фильме про Чапаева, «красная» конница стремительно налетала и обращала в бегство плохого и обязательно трусливого врага. Не было предела моему детскому восторгу и от подвигов неуловимых мстителей. Особенно, когда они под залихватскую песню устраивали скачки с пальбой из наганов и всегда выходили победителями.

Конь изящная фигура, единственная из всей шахматной армии, которая умеет перепрыгивать через свои и чужие фигуры и пешки, что превращает его (коня) в мастера закрытых построений. Блокада, лишение противника мобильности и захват плацдармов – его основная работа. Не зря существует выражение «ход конём», означающее неожиданный поворот событий, обходной манёвр.

Вот слон у меня вначале вызывал полнейшее недоумение. Достаточно было на него один раз взглянуть, чтобы закралась тревожная мысль: он болен? Понятно, что любой приличный, уважающий себя слон обязан иметь хобот, огромные уши и маленький хвостик. А этот, на доске, худой и длинный, чуть выше пешки и в остроконечной шапке.

Оказывается, первые слоны действительно выглядели как их прототипы, потому что шахматы появились в Индии, где эти животные массово использовались на строительных работах и в военном

деле. Хобот и уши они «потеряли» по дороге в Европу, куда привезли их арабские купцы. В суровом климате слоны не живут, поэтому для европейцев оказались в диковинку. Единственный, пожалуй, случай, который приходит на ум, это слоны полководца Ганнибала, которые в 218 году до н.э. появились на альпийских склонах. Переход выдался им не по силам. Теплолюбивые животные погибли на заснеженных тропах.

Отношение к слонам у основной массы средневекового европейского населения, вероятно, было, как сегодня – к инопланетянам. Приходилось что-то решать с этим заморским чудовищем. Так, некогда ушастый слон превратился в долговязого епископа (bishop), обзавёлся головным убором, высокой митрой, и нарядился в длинную сутану. При этом он сохранил свои главные боевые качества – дальнобойность. В открытых позициях эти фигуры обладают поистине разрушительной силой, особенно, если действуют в связке.

Иногда слонов называют офицерами. Вероятно потому, что они стоят рядом с королевской четой, как настоящие гвардейцы. Но какой офицер бывает без фуражки, погон и в длинной мантии? Не офицер, а сплошное недоразумение. Настоящий шахматист никогда не назовёт слона офицером. Это удел парковых любителей.

Король стоит в центре своего войска. Он важный и тихоходный, в бою единица бесполезная. Как минимум, в самом его начале. Но если упадёт король, то и вся армия сдаётся в плен. Поэтому в случае опасности – как настоящий – шахматный король прячется в замок. Как только послышится далёкая канонада и топот конских подков, шахматный король оставляет все дела в центре и убегает на край доски. Он перепрыгивает через ладью и закрывается ею. Бегство в укрытие называется рокировкой. Главное отличие короля от остальных фигур в том, что его нельзя срубить. Ему можно объявить мат – пленить, но не убрать с доски. Любой другой фигурой можно пожертвовать или обменять. В партии допускается иметь два ферзя, но не два короля одного цвета. Как правило, девочкам этот нюанс не слишком нравится. Ферзя иногда называют королевой, женой короля... Как так, две жены? Непорядок!

С пехотой всё предельно ясно. Солдаты держат строй впереди остальных фигур. Пешка – единственная боевая единица, которая не оборачивается и не отступает, с какими бы угрозами она ни столкнулась впереди. Особо отличившимся, за их отвагу, присваиваются воинские звания. Достигшая «последнего моря» – края доски (по горизонтали) пешка, имеет право стать на выбор любой фигурой, кроме короля. Двоевластие недопустимо, зато новые ферзевые доспехи будут впору отважному солдату.

Что же касается ферзя, то у меня к нему имелось много вопросов. Самый щекотливый: каким образом властный визирь, первый министр государства вдруг сменил пол и стал королевой? С этим конфузом следовало деликатно разобраться.

Выяснилось, что история шахматной королевы берёт начало в той же Европе. Дело было в Испании во второй половине XV века. Юная королева Кастилии Изабелла вступила в брак с Фердинандом Арагонским и сосредоточила в своих руках огромную власть. Дама была твёрдого характера и весьма амбициозная. Она постоянно с кем-то воевала. Начала с подавления внутреннего мятежа; сильно поубавила свободу знатных грандов и урезала независимость городов. Она дала бой португальскому королю, наголову разбила его войско и заставила отказаться от притязаний на кастильский трон. В её правление армия Кастилии штурмом взяла город Гранаду, что привело к окончанию 780-летнего мусульманского господства на Иберийском полуострове.

Муж при Изабелле оставался блеклой тенью, именуемый малопривлекательным словом «консорт», что означало «муж – просто муж», не имеющих иных полномочий.

Крутого была нрава Изабелла, не уступала могущественному визирю. Поэтому европейцы в её честь стали называть самую сильную фигуру.

Кстати, название самой игры состоит из двух слов «шах» и «мат», что с персидского языка переводится – король мёртв. Очень ёмкое название, характеризующее главную идею всей баталии.

Немного ностальгии

Году в 1982 я попал во Дворец пионеров, в клуб замечательного человека и тренера Игоря Валентиновича Волчихина. Помню, как этот грузный мужчина в костюме-тройке и с большими очками на носу стоял возле демонстрационной доски, что-то рассказывал и с невозмутимым спокойствием игнорировал наше баловство. Он организовывал для нас турниры и назидательно после партии поучал: «Ну, что же ты не поставил мат с лишним ферзем? Это делается вот так». А ещё он показывал нам иностранные монетки и называл столицы тех государств. Так шахматы косвенным образом способствовали расширению детского кругозора.

Через несколько лет я стал заниматься у другого прославленного в Кузбассе и за его пределами заслуженного тренера РФ Евгения Николаевича Андреева. С этого момента начался мой стремительный рост. Шахматы перестали быть просто увлекательной игрой, а превратились в стиль жизни. Победи или проиграй; ничья – только передышка. Когда мы возвращались с турниров, Евгений Николаевич порой спрашивал: «Со щитом или на щите?» Так я узнал спартанское изречение, которым описывали исход боя.

С кемеровской командой мне довелось побывать во многих городах Советского Союза: от Ангарска на востоке, до Москвы и других городов европейской части СССР. Особенно запомнились мемориалы Р.Г. Нежметдинова в Казани и летние фестивали в Алма-Ате. Поездки наши, кстати, и

проживание полностью оплачивались государством, и даже суточные выдавали на питание. Так что советское прошлое у нас было не таким уж тёмным, как сегодня может казаться тем, кто по возрасту не застал те времена.

В кемеровских клубах я познакомился с отличными ребятами, с которыми до сих пор продолжаю поддерживать общение.

Так происходит (тьфу-тьфу, как говорится), где бы я ни оказался, везде мне встречаются действительно очень хорошие люди.

В Израиле я играл за клуб города Беэр-Шевы, основателем и бессменным руководителем которого на протяжении десятков лет являлся легенда израильского шахматного мира Элиягу (Леонид) Левант. Международный арбитр из Ленинграда. Несмотря на свои звания и занятость, человек он очень простой и доброжелательный в общении, моментально располагающий к себе собеседника. Мне и раньше доводилось бывать в достойных шахматных клубах, но нигде я не встречал такого большого количества гроссмейстеров: Юдасин, Алон Гринфель, Голод, Цейтлин, Михалевский, Темкин, Хузман, и это далеко не все. Неоднократно в клубе появлялся старый друг Леванта Виктор Корчной.

Забавный случай произошёл в середине 90-х. Я беседовал с Элиягу в его офисе, как вдруг появляется молодой парень, старшеклассник лет шестнадцати-семнадцати. Спросил разрешения закипятить чайник, набрал воды, поставил его мимо электрической подставки, нажал кнопку... Смотрит с удивлением – лампочка не горит. Он поворачивается к Элиягу:

– У вас чайник испортился, – и убежал.

Он, кажется, играл партию. Мы переглянулись.

Элиягу улыбнулся:

– Это Боря Аврух – наш будущий чемпион.

Как в воду глядел. Через пару-тройку лет парень действительно засверкал на израильском шахматном Олимпе. А чайник тогда пришлось мне кипятить. Проблем с включением не возникло, наверное, потому что чемпионство мне не грозило.

Я играл в «национальной» лиге (если условно перевести название с иврита), это вторая – лига мастеров и кандидатов, после «международной», в которой принимали участие гроссмейстеры.

Сколько я помню Элигу, все годы он помогал участникам своего клуба. Когда мы с ним познакомились, первое, что он после этого спросил: «Как твои дела? Имеются ли какие-то проблемы?» Это не были формальные вопросы. Он действительно выручал людей. Помогал им с квартирами, с оформлением различных документов, с решением каких-то чисто бюрократических проблем в Сохнуте, и многое-многое другое. Все их проблемы он принимал, как свои личные.

Затем была моя эмиграция в Канаду. К своему удивлению, я увидел отсутствие большой популярности шахмат. Хоккей, кёрлинг – да. Даже свой королевский балет имеется. Но ни одного шахматного клуба или школы, какой была старая добрая кемеровская детско-юношеская спортивная школа Е.Н. Андреева. Кажется, были какие-то попытки раньше создать кружки, но все они закончились ничем.

В 2011 году я стал руководителем и тренером шахматного клуба «Эрудит». Так появилась отличная возможность передать детям знания, которые я получил от своих наставников. Любой хороший шахматист – я самонадеянно причисляю себя к ним – рано или поздно понимает, что знания как жидкость. Они не должны оседать и уходить в песок. Им следует перетекать в другие сосуды. Работа началась с детьми 7-8 лет, которые до этого не умели играть в шахматы. Передо мной стояли две основные задачи: заинтересовать детей и, сохранив заинтересованность, настроить их на кропотливую работу.

Через год ученик клуба порадовал меня первой серьёзной победой – он выиграл чемпионат провинции Манитобы в своей возрастной категории и принял участие в чемпионате Канады. Затем победы шли непрерывным каскадом на городских и провинциальных соревнованиях. Не было случая, чтобы на турнире кто-то из учеников клуба не взял призовое место. А в 2015 году нам выпала уникальная возможность представлять Канаду на Первых Всемирных играх юных соотечественников в Сочи!

Как-то меня спросили, не станет ли для меня огорчением, если ученики превзойдут своего учителя. Вспомнилось, как говорили древние мудрецы: «Не бывает зависти к своему сыну и к ученику».

Играть или не играть?

Бытует распространённое, но ошибочное мнение, будто шахматы учат логике и развивают математическое мышление. Позвольте заверить, даже если вы в школе не освоили деление в столбик, это не помешает стать сильным шахматистом. Серьёзные занятия шахматами и практика научат вас анализу и расчёту, закалят характер и приучат к самоконтролю, обязательно преподнесут горький урок поражений и сладкий запах победы. Как хороший солдат, любой хороший шахматист всегда амбициозен и мечтает стать генералом на 64-клеточном поле будущих баталий.

Шахматы не теряют популярности уже более полутора тысяч лет. Тому есть причина: они в миниатюре моделируют нашу жизнь. Глядя на строй фигур, любой при желании увидит себя в нём. Надо только внимательней присмотреться.

Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить. Водьтер

Александр БОЙНИКОВ

г. Тверь

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Родился в 1960 году. Окончил факультет романо-германской филологии Калининского (ныне Тверского) государственного университета по специальности «немецкий язык и литература». Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ТвГУ, литературовед, литературный критик, публицист, краевед, лауреат областной литературной премии имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (2006).

Автор книг «Поэзия Спиридона Дрожжина» (2005), «Аполлон Коринфский: Неизвестные страницы биографии, письма, стихотворения» (2005), «О поэзии, критике и дегенерации» (2006), «Каблуковские гримасы» (2007), «Заложники иллюзий» (2011), «Липачи» (2014) и более 500 научных, литературно-критических, публицистических и краеведческих статей и очерков.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ ТВЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Из книги «Липачи»: памфлеты, фельетоны, полемика. - Тверь: СФК-офис, 2014. - 240 с.

«Дружеское» озверение членописца

Вопреки Вашему твёрдому убеждению, Вселенная не пляшет под ту дудку, что у Вас в штанах, даже если Вы свято в это верите.

Карлос Руис Сафон

Дружеское послание... Уже само упоминание об этом лирическом жанре, известном ещё в античной литературе, сразу воскрешает в памяти светлую, страстную и романтически-далёкую пушкинскую эпоху, когда он пышно и благодатно расцвёл в русской поэзии. В стихотворных посланиях или посвящениях, близких по стилю к письму, поэты непринуждённо и доверительно беседовали с друзьями о материях серьёзных и не очень. Вот как Денис Давыдов призывал «на пунш» своего сослуживца по гусарскому полку:

Бурцов, ёра, забияка, Собутыльник дорогой! Ради Бога и... арака Посети домишко мой!

Некоторые послания могли превращаться в литературный памфлет, скажем, «Послание к Цензору» А. С. Пушкина:

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой, Сегодня рассуждать задумал я с тобой. Не бойся: не хочу, польщённый мыслью ложной, Цензуру поносить хулой неосторожной.

Какой высокий, отточенный, величавый стиль! И потому не без доли читательского любопытства от встречи с уже современными вариациями подобного жанра я начал листать книжку тверского стихотворца **Бориса Зверева «Фигуры речи»** (2007) с красноречивым подзаголовком *«дружеские посвящения»*. Открывает её авторское «Обращение к фигурантам», которое непроизвольно заставило насторожиться: *«...За строки подсолённые // Не дуйтесь на меня: // Ни злобой, ни обидами // Мой не насыщен стих, // Друзьям я не завидую, – // Я радуюсь за них».* Почему? Да опыт подсказывает: когда местные пииты настоятельно уверяют, что в их «подсолённых» стихах нет ни злобы, ни обид, именно этого там обычно – выше самой высокой крыши.

Интригует начало стихотворения «Карелы (к друзьям)» (при цитировании везде сохранена орфография автора):

Володька Саморядов из карел, Что в области у нас ассимелили (?? – **А. Б.).** У них считался праздник за пробел, Коль пару, тройку душ не загубили.

Не пугайтесь, это всего лишь частные особенности национального менталитета... А вот последующий глобальный вывод о скрытой пассионарной энергии карельской души, которая при некоторых пикантных обстоятельствах пробуждается и даёт о себе знать в крайне активных действиях, пожалуй, нагонит страху:

В соседних сёлах наворотят дел, Вкусив питья домашнего разлива. Давно известно: выпивший карел Страшней войны и атомного взрыва. Глубоко копнул поэтик в теории этногенеза!.. И вроде хочется посмеяться, да неудобно: ведь докопался Зверев почти что до состава преступления, предусмотренного статьёй 282 УК РФ, т.е., в данном случае, до унижения национального достоинства трудолюбивого и умного карельского народа. С чем его и поздравляем. Таких прецедентов в современной тверской графомании ещё не было.

Видимо, сомневаясь в том, что читателя вряд ли проймёшь до конца столь радикально-мудрым открытием в одной из многочисленных национальных сфер России, Б. Зверев делает гениальный стилистический ход. В качестве основы своей «фигуральной» образности он выбирает срам. Да-да, срам, т.е. те части тела, которые человеку стыдно показывать посторонним. А что стыдно им показывать, знают с детства все нормальные люди. Стало быть, есть очень веские основания определить творческое амплуа Зверева как срамописец или (что гораздо точнее) членописец. Именно сия неотъемлемая и достойная мужская принадлежность послужила для него практически единственным средством создания всего спектра тропов – метафор, олицетворений, перифраз и т.д. Например: «Ведь от оргазма до маразма // У членов так недалеко», «Мой индекс Доу-Джонса // Упал и не встаёт» (сочувствую. – А. Б.), «Сто этих самых бы ему да прямо в глотку» и др.

Точная адресация «посвящений» конкретным лицам, виноват, «фигурантам», не помешала Звереву проявить удивительную способность к широким обобщениям – национальным, социальным и даже геополитическим. Ни дать, ни взять – пушкинский размах! Так, обращаясь к Валентине Карпицкой, очевидно, белоруске по национальности, он в привычном срамописном слоге излагает конгениальный способ решения острой межгосударственной проблемы – упрочения союза «Руси и Беларуси»:

Не будет ни вражды, ни шовинизма, А лишь одна сплошная благодать, Когда начнут два братских организма Взаимо дружка в дружку проникать.

Не менее возвышенные чувства питает членописец и к Александру Когану:

Любого затрахает слогом, Забьёт стихотворной тирадой Поэт, по фамилии Коган, Из славного Бежецка-града <...> Воздействуя мощью хоризмы (sic! – **A. Б.**) Он в эти мгновения страшен: Бывало, с особым цинизмом Насиловал слушавших Саша.

Само желание хотя бы улыбнуться окончательно исчезает на этих строках. Ведь срамные выпады бездарнейшего стихоплёта Зверева покоробят любого порядочного человека, даже неискушённого в тонкостях этики и весьма далёкого от поэзии. Исключительно хамством, а не иронией, сарказмом или, на худой конец, ёрничеством, словно ядом, пропитаны почти все зверевские «посвящения». Причём не на шутку разгулявшийся членописец безо всякого стеснения хамит даже молодым девушкам, например, Анне Сургур:

Заведёшь себе типа лохматого, И не станешь второю Ахматовой, Ну, а если пошлёшь всё же на... его, Может, станешь второю Цветаевой.

Столь же грубо и грязно Зверев нахамил Евгению Сигарёву, Марине Крутовой, Надежде Веселовой, Софье Вето, Максиму Страхову, Сергею Тверскому, Глебу Сафонову, Виктору Кметю и другим. А священника Геннадия Ульянича, прекрасного исполнителя православных песен, он назвал... «поп-звездой». Если это – шутка, то она неуместна. Если это всерьёз, то перед нами – откровенная пошлятина. Звереву от неё – ха-ха-ха! – смешно. А нам? Нам отвратно.

Что же за «феномен» всплыл гнилым пузырём на поверхность тверского графоманского болота? Очередной эпигон порнографической поэзии? Не только. Известный специалист по психолингвистике, книге Валерий Белянин, исследуя В своей «Психологическое филологии литературоведение» (М.: Генезис, 2006) отражение типологических черт личности в художественных текстах, сделал вывод о том, что «истероидные лица предпочитают род деятельности, связанный с миром искусства» и что их собственная позиция в нём «носит парадоксальный или эпатажный характер и содержит многочисленные обвинения и оскорбления». Заключение о степени истероидности доблестного «посвятителя» пусть даёт соответствующее медицинское учреждение, но факт художественной невменяемости Зверева я констатирую со стопроцентной гарантией.

Однако мужской половой орган своими неуёмными запросами изводит членописца не только в его стихотворных экзерсисах, но и в жизни. Из посвящения Валентине Громовой, главе администрации Берновского сельского поселения:

Ох, разошёлся, страсть во мне клокочет Охота мне Валюшку, просто жуть! Пускай не всю, хотя б один кусочек, И даже я согласен на лизнуть!

Действительно, полная жуть! Лирическая расчленёнка. А, между тем, во вступительной анонимной заметке «Об авторе» сообщается, что «саркастичный и точный в слове от природы (как это? – **А. Б.**) Борис Зверев (гордо восседающий в клоунском цилиндре рядом с портретом А. С. Пушкина. – **А. Б.**) нашёл себя в зарисовках с натуры постсоветского времени», «в 2003 году был награждён дипломом первого областного конкурса самодеятельных поэтов, посвящённого памяти незрячего поэта Михаила Суворова. Любит хорошую поэзию, бардовскую песню». И вдобавок «успешно закончил Горицкую среднюю школу». Величайшее достижение! Почему же не детский сад или ясли?

Сомневаюсь я, однако, что «успешно закончил». Иначе откуда у Зверева такая тупая, словно взгляд кобры, и мутная, точно помои, ненависть к университетскому образованию? Ведь он, набросившись на Глеба Сафонова, «обличает»: «Все (эка занесло! – А. Б.) в ТГУ, как этот Глеб, // Не пашут и не сеют хлеб, // Страну не кормят молоком, // А только чешут языком». Взять да и закрыть все эти университеты к такой-то матери! Мракобесие в кубе. Можно подумать, сам Зверев денно и нощно засевает всю страну хлебом и обкармливает всё российское население молоком.

Добавлю, что он в этой книжонке вынес *«последнее предупреждение»* мне, литературному критику Александру Бойникову:

Любого поэта спокойненько Натянет на критики пяльцы Товарищ с фамилией Бойников. Ему это – словно два пальца.

Если сей членописец думает, что, всучив мне в прошлом [2006] году в Каблукове собрание своих «творений» с более чем симптоматичным названием «Мания величия», он стал моим «товарищем», это – глубочайшее заблуждение. Даже в своих приятелях я Зверева никогда не числил и потому «дружеским» его посвящение не считаю. Собственно говоря, о какой «дружбе» разговор, если его дальнейшее членописание опять пахнет уголовщиной, а конкретно – статьёй 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью):

Но, если вновь в Каблуково-село Приедет поэтов он пялить, Подкараулим его за углом И критику этому ввалим. Жахнем сперва из засады колом, Ругая с плеча матюгами: «Стихопатолог! Стихов костолом!» – А после... ногами, ногами.

Разоблачать это наспех зарифмованное хамство бессмысленно: оно говорит само за себя, достойно украшая непомерно толстым мазком автопортрет «дружески» озверевшего охальникачленописца. Такое ощущение, будто он, как мультяшный кот Леопольд, заглотил слоновую дозу таблеток озверина, но, в отличие от симпатичного животного, уже не в состоянии подобреть.

Впрочем, кто из нас и кому ввалит – очень большой вопрос. Это, во-первых. А, во-вторых, сейчас самому членописцу впору подальше спрятаться в какую-нибудь нору. Иначе разъярённые друзья-карелы во главе с Александром Коганом за столь учтивые любезности в свой адрес уж точно побьют кольями генератора «дружеских посвящений». И на один из них, возможно, посадят. И поделом.

И вот ведь какая мысль приходит на ум: это «последнее предупреждение» сделано не столько Бойникову, сколько будущим руководителям каблуковских мастер-классов. Пусть-ка задумаются о том, что их ждёт, ежели они, не дай Бог, вдруг начнут «пялить поэтов», т.е. позволят себе проявить принципиальность и усомниться в гениальности строк вроде процитированных выше. Самое время пригрозить им колом с ногами, чтоб знали, ракалии, как надо правильно выдерживать генеральную линию в воспевании достоинств истинных графоманов.

Путёвку в жизнь зверевской книжонке дал редакционно-издательский отдел Тверской областной специальной библиотеки для слепых имени М. И. Суворова. Есть у неё, как ни странно, и редактор – некая **Оксана Шевелёва**, которая, получается, и вправду не видела, что выпуск этого «литературно-художественного издания» – несмываемый позор для библиотеки. Кому и зачем понадобилось пачкать светлое имя прекрасного поэта Михаила Суворова, чьё творчество изучается на филологическом факультете Тверского государственного университета в рамках курса «Литературное краеведение XX века», ничем не прикрытым срамословием?

«Скажу вам напоследки я: // "Простите дурака!"» – не устаёт юродствовать Зверев. Нет, таких дураков, как наш дорогой членописец, не прощают. И даже не лечат. Их дружно жалеют и надёжно изолируют. По крайней мере, от читателей.

Валерий КИРИЧЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Член Союза журналистов СССР и России. Руководитель городской авторской литературной студии «ГАЛС». Автор книги прозы «Юность ещё впереди» (Иркутск, 2015 г). Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (номинация «Критика», 2015).

Курс судьбы поэта Юрия Баранова

Сборник стихов «Гром небесный», не иначе, можно найти на просторах Интернета. Сборник другого иркутянина – «Гул небесный» стоит почти бездыханным на полках книжных магазинов вот уже несколько лет. И всё же **«Град небесный»** – тоже иркутского поэта – только что вынут из полиграфических машин.*

Сине-голубую книжку карманного формата с росчерком газотурбинных струй самолёта над белыми кучевыми облаками мне презентовал на «Литературном квартале» главного сквера Иркутска в день города сам автор. Скажу честно, книжку стихов прозаика и детского писателя я открыл с нетерпением – мы оба в какой-то степени породнены Дальней авиацией: Юрий Иванович – военный лётчик в Сибири, а я – тогда ещё сержант отдельного батальона авиационно-технического обслуживания авиаполка стратегического назначения в Карелии.

И всё же: что нового открою я в этом человеке, которого знаю как литератора? Если коротко, то его поэтический труд – о державности и верности России, о православной составляющей поэта и его месте в социуме, о гражданской позиции чуть ли не в мировых процессах бытия и лирических экскурсах в окружающий мир, о личной поэтической лаборатории и любви к своей лётной профессии. Ну и, конечно же, о времени и о себе. Всё это – в семидесяти стихотворных произведениях, отчасти, как мне показалось, выстраданных душой. А вот стоило ли «страдать», попробуем спокойно и аргументировано разобраться.

Прежде всего, главное замечание – стихи Юрия Баранова стопроцентно авторские, они не навеяны чьим-то признанным талантом, в них нет надоевшей оскомины подражательности под какого бы то ни было классика: что вышло из-под пера, то и вышло. И в этом – самобытная ценность поэта.

Краткое предисловие к книге опускаю преднамеренно – я никогда не читаю чужих рецензий, пока не напишу свою. Как говорил Виктор Гюго, объясняя, почему он не читает других авторов, «коровы не пьют молока, чтобы не испортить собственное».

Что касается рисунков, выполненных самим Юрием Барановым почти в таком же количестве, сколько и стихотворений в сборнике, то они, на мой взгляд, ошеломительно талантливы. Тонкая графика иллюстраций вызывает столь же тонкие эмоции, как и сами сюжеты рисунков, их содержательные акценты, философия пространства и деталей метафорических чёрно-белых картин. Поразительно то, что контуры и детали рисунков так экономны, так ненавязчивы и в то же время так самодостаточны, что просто диву даёшься: поистине профессиональное чутьё у художника, мастерски сочетающего русский пейзажный, русский графический стиль и ... мистику современного модернизма. Отсюда, наверно, внутреннее вдохновение и поэтической составляющей Юрия Баранова.

Меня всегда привлекает творческая лаборатория поэта, его видение стиха, отношение к собрату по перу и самой поэзии, ну и, конечно же, мировоззрение поэта. Надо сказать, что в «Граде небесном» этой проблеме посвящено немало строк. «На голубом без грунта полотне // Рисую краской чувственной и вечной // Свои стихи, что виделись во сне», – говорит Юрий Баранов, раскрывая истоки своего вдохновения, когда душа закрыта от мирских забот и распахнута для творчества. И всё же поэт, ностальгирующий по своей профессии даже в забытьи, не всегда доверяет интуиции: «Какою правдой наше небо дышит? // И мог ли истину увидеть я во сне?» – спрашивает он.

Истинно русский лётчик-поэт даже в отставке всегда в строю: «В обойму зарядил слова // Слова, готовые стрелять // Слова такие всё сожгут // И в каждом сердце оживут». И пусть эта рифма глагольная и противоречивая, в гражданственных стихах она к месту. Хотя в то же время именитый классик мог сказать и по-иному: «глаголом жечь сердца людей». Но высказаться иначе Ю. Баранов, видно, не может и заявляет далее: «Я падал и в строй становился опять // Такая судьба для меня благодать // И гнать чужеземную чёрную рать!».

Но не слишком ли воинствен поэт? Что-то сильно попахивает поспешностью простенькой рифмы. Если поэт исконно русский, то не следовало ли обратить свой праведный гнев на внутреннюю «скрытую рать»? Было бы куда справедливее. Однако он всё равно воюет: «Я курс судьбы хочу равнять // На маяки военных песен». А почему не «гражданских», «мажорных», «лиричных» песен? «Солдатских», наконец? Не пора ли встать на путь мира и согласия? Иначе какими тропами пойдёт на новую войну поэт? И нужна ли она ему? Вот в чём сакраментальный вопрос касательно творческой лаборатории поэта и нашей реальной жизни.

Другая «запятая» в «Граде небесном» – философия местоимений «мы» и «я», а точнее – их уместность в конкретном стихотворном произведении. Говоря о проблеме преемственности поколений, Ю. Баранов резюмирует: «Растрачено и заложено // Нажитое отцами // И тело Родины нашей // Мы сами покрыли рубцами». Но почему «мы»? Если поэт хочет за что-то взять личную ответственность – флаг ему в руки, пусть так и говорит: «Я сам покрыл рубцами». Честный сверстник поэта и читатель его стихов никакими «рубцами» Родину не покрывал. Мало того, кто зло бросал реплику «В этой

^{*}**Юрий БАРАНОВ. Град небесный:** Стихи – Иркутск, «Форвард», 2015. – 127 с., с илл.

стране дураков», он тут же парировал: «Так ты, выходит, тоже дурак?!» Нет, русофоб себя хотел видеть умным! Так что путь поэтических обобщений очень скользкий и рискованный.

Тем не менее, поэт продолжает: «Мы разодрали державу // Жадной рукой окраин». Да окстись, поэт! Мы-то тут причём? Мы и все окраины высказались чётко и ясно за сохранение Советского Союза, однако «троица» – всего лишь троица, облечённая государственной властью! – начихала на волю народа (то есть на «мы»!) и сделала всё по-своему. Разве поэт об этом не знает, разве он об этом слышит впервые? Так зачем же публичный стих наполнять сомнительными сентенциями? А вот когда он пишет далее: «Кто там ещё на Россию? // Мы не таких видали!» – совсем другой коленкор. Именно все мы в ответе за Родину, если у границы реальный враг, а не сконструированный антирусским телевидением.

И когда литературный коллега заявляет со страниц своей на вид прелестной книжки: «Мы осколки империи // Кухонные аналитики // Над горьким стаканом водки // Громим вождей и политиков», оппоненту-патриоту становится не по себе. Он не считает себя «осколком империи», не сидит за стаканом водки, когда душа на разрыв, а вот «кухонный аналитик» он – как и все, потому что если выйдет на площадь без **письменного** разрешения властей и в микрофон «отблагодарит» любую партию за нескончаемую болтовню, его тут же пригласят «на беседу». А что: разве в России хоть когда-то было иначе? Однако видение окружающего мира у автора сборника почему-то скатывается нередко на политологический аспект: «Мы живём на раскоряку // И нелепы, и смешны // То ползём с каким-то бряком // То взлетаем до Луны // То спасители Европы // То дубасим всех подряд». Опять это обращение «мы». «Дубасим»-то не мы, а политики, как в приснопамятные дни развала Советского Союза. Неужели поэт не понимает, что не все думают о той же Украине так, как пишет он в своих стихах? Ведь в России обрусевших украинцев сегодня наберётся ещё на две Украины - там родина их дедов и прадедов, там могилы их предков. Разве гражданская позиция поэта в такой ситуации верна? Разве она служит и так хрупкому в России межнациональному миру? Разве сам поэт не из украинского Мелитополя? И как он посмотрит в глаза бывшим друзьям лётчикам – украинцам, когда они прочитают его «поэзию»? Обернуться это может только персоной нон-грата. Как и для другого иркутского поэта, который «прошагал» сегодня в своих виршах якобы русским сапогом по Эстонии и Латвии.

Такое стихоплётство – совсем не во благо России, которая ещё недавно клялась в братстве по крови с украинцами. Однако вот уже четверть века вместо отторгнутой Украины в братья нам определили ... Казахстан! Но политика движется по спирали, мы снова станем братьями украинцам. Что тогда будут писать барановы и сотоварищи? И что они писали об Украине в советские времена? Политическая мимикрия! Потому резон ли включать в сборник стихов политику, далёкую от поэзии? Не лучше ли необдуманной поэтической публицистикой упражняться в стол? Потомки скажут спасибо, и курс судьбы поэта будет выверенным.

На этом можно было бы поставить жирную точку в рецензии и отправить в печать. Но всё ли было бы по-честному по отношению к поэту? Думаю, нет. Просто он политику ни с того ни с сего «воткнул» в середину сборника, тем самым спровоцировал читателя «отвернуться» от поэта. Я так поступать не могу, как бы мне ни было тяжело читать это. А потому – вновь о стихах.

Мерило особенностей творчества любого поэта – богатство стихотворных образов и метафор, да притом таких, каких нет у поэта-собрата. Многообразие же метафор и образов – бесконечно. Найти их в собственной душе, а не на просторах Интернета, – вот ключевая задача поэта. Есть ли они у Юрия Баранова? Да, есть. И немало. Это и струящийся снегопад над храмами – белыми ангелами Сибири, и вышитый серебром туман рассвета на фоне летнего неба – «голубом без грунта полотне», и «лиловость рассвета в лиловости ночи», где «запах сирени как горечь разлук»: «И ржаво и грустно увянет сирень. // И падает занавес. Синяя тень».

Что сокрыто в этих двух безыскусных строках поэта? Наша юность и затем наша старость – «синяя тень» под занавес жизни. Круговорот их, как и самой Природы, неотвратим. «Всему своё время!» – постоянно твердит «Радио России». Занавесу жизни – тоже время своё: «И когда я улечу к Престолу,// Спросят ангелы, каких я сфер: // «Господи! – отвечу. – Я же русский! // Павший за Россию офицер».

Лирический герой Юрия Баранова здесь искренен и настолько адекватен читателю, что может иногда всколыхнуть сердце и накатить слезу на глаза, если ты тоже давно убелённый сединой офицер. Ведь способен сказать иркутский поэт вдруг яркое слово! Если бы так же адекватна этому слову была композиция сборника. А она, к сожалению, не продумана нисколько, всё «свалено» в кучу, даже наспех. Политики больше, чем лирики, а поэтическая публицистика довлеет так явно, что собственно поэзию приходится отыскивать как песчинку золота в груде... руды!

Поспешность в выборе поэтического слова порой настолько очевидна, что просто диву даёшься. Вот к примеру: «Ржавеют созвездья сирени, // Грязнится лиловая **стыдь**».

Или: «Сибирскую стать узнаю. // Зелёную **чудь** отмолили».

Мало того, что повторы найденных ранее образов «ржавой сирени» и «лиловой лиловости», так ещё и неуместные московско-рязанские и воронежско-тамбовские архаизмы времён Владимира Даля типа «стыдь» и «чудь». Неуклюжая попытка их использования в современной поэтической лирике и явные штампы типа «сибирская стать» наподобие давно изжёванной «сибирской шири» ну просто умиляют! Вот только не от восторга. А поэтический портфель Ю. Баранова – «как эпилог в романе», «не хрюкает, не лает», «он к звёздам улететь ... готов». Как говорится, без комментариев!

Ny6/NUNCTNKa

Наталья ВАСИЛЬЕВА

г. Рязань

Васильева Наталья Павловна - единственная дочь поэта Павла Васильева. Живёт в Рязани.

Инженер по образованию (окончила Московский авиационный институт). Работала в рязанском КБ «Глобус», преподавала технические дисциплины в одном из колледжей Рязани.

Вот уже много лет Наталья Павловна ведёт огромную литературно-просветительскую, научную и общественную работу.

Глубоко, до тонкостей, до мельчайших деталей знает биографию и творчество своего отца.

Ею написано множество статей о П. Васильеве, в которых она делится своими интересными наблюдениями и открытиями.

Наталья Павловна является составителем сборника стихов и поэм П. Васильева «Подымайся, песня, над судьбой!» (Рязань, 2001 г.).

Doublespeak Павла Васильева

Поэты всех времён были в оппозиции к власти. Известен приём, который на языке Байрона называется «doublespeak», а на языке Пушкина «двуречие». И тот и другой им пользовались, и даже с удовольствием, т.к. здесь можно было проявить остроумие. Не пренебрегал этим приёмом и Павел Васильев. Doublespeak Васильева встречается на каждом шагу. Первым по этому поводу высказался С.П. Залыгин: «Уже не однажды было замечено, что как только Васильев начинает говорить о чём-то совершенно новом, о чём надо сказать впервые – о своём современнике, о строителе ТУРКСИБа, о первом совхозе в казачьей станице Черлак, о новых идеях – он то и дело становится немощным, блеклым, язык его начинает напоминать статью из газеты». [1.С.15]

Нельзя сказать, что Васильев про эту свою особенность не знал. В протоколе допроса (уголовное дело 1932 года) он своей рукой записывает: *«Это лирика, которую я не стряпал, а писал совершенно искренне»*. Поэт перечисляет: *«*Ярмарка в Куяндах», *«*Сестра», *«*К портрету Р» (*«*Новый мир»); *«*Киргизия», *«*Семипалатинск» и др. (*«*Красная новь»); *«*Путь на Семиге» и др. (*«*Огонек»). Правда, в том же протоколе допроса он признается, что стихотворение *«*Строится новый город» он написал *«... из-за денег, спешно, чтобы заработать»*. Было и такое.

В. Ф. Михайлов говорит: «Павла Васильева несла поэтическая стихия редкой мощи и в напоре своём ворочала глыбами поэм, выбрасывала на берег алмазы и самоцветы лирики. Но было в этом потоке и немало сора – стихов-однодневок... рифмованных лозунгов <...> пока всё сваливают в кучу...» [4.С.19]

Конечно, отбор идёт. Из двухсот тридцати стихотворений, оставшихся нам, половина — шедевры, остальные можно назвать «сором», но не надо спешить. Требуется с этим «сором» внимательно разобраться.

«Doublespeak» или «двуречие», называйте, как хотите, Васильев применял постоянно, потому что в отношении него была развязана самая оголтелая травля сразу же после его первой поэмы «Песня о гибели казачьего войска». Травля усилилась после статьи М. Горького «Литературные забавы», в которой пролетарский писатель заявил, что Васильев хулиганит почище Есенина и что от «хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа». [3]

И всё же Васильев надеялся понравиться власти и убедить её в своей лояльности. В свои дивные стихи он строчками вставлял советскую скороговорку, чем портил шедевры. Это заметили Л. Чащина и Ю. Русакова. Так, в царственной «Анастасии» встречается именно такая скороговорка. Начинается «Анастасия» замечательно:

Не смущайся месяцем раскосым, Пусть глядит через оконный лёд. Ты надень ботинки с острым носом, Шаль, которая тебе идёт. Шаль твоя с тяжёлыми кистями – Злая кашемирская княжна, Убранная чёрными цветами, – В ней ты засидишься дотемна... [1.С.189]

А заканчивается штампом:

Выстоять и умереть не тяжко За страну мечтаний и побед. Ведь пока мы ссоримся и ладим, Громко прославляя тишь и гладь, Счастья ради, будущего ради Выйдут завтра люди умирать. [1.С.191]

А в стихотворении «Расставанье» следом за божественными строками: «Твои глаза немножечко косили, -/ Нет, нет! - меня косили, как траву...» встречается халтура типа: «Заседлывай коней, забудь про жалость -/ Во имя счастья, песни и любви». Спрашивается, зачем Васильев это делает? Несомненно, хочет понравиться. Но Муза тут же покидает его. Это очевидно. «Павел Васильев в 1918 - 1921 годах был ещё отроком, не оттого ли по младости своей, или по горячности, он даже загибастей, что ли, беспощадней молодого Шолохова. Если автора «Тихого Дона» жжёт и печалит горечь от братоубийственной бойни..., то запевщика «Песни о гибели казачьего войска»... заносит до кровавой крайности:

... Мы прокляли тех, Кто для опавших, что вишен, утех Кости в полынях седых растерял, В красные звёзды, не целясь, стрелял, Кроясь в осоку и выцветший ил, Молодость нашу топтал и рубил. Пусть он отец твой, и пусть он твой брат, Не береги для другого заряд... [4.С.10]

Захватывая в целом поэму, в которой так живо, певуче, ярко и красочно цвела старая казачья вольница, скажем так: тут Пашка, видимо, желая уравновесить свое восхищение былым да и для того, чтобы прошло в печати, в конце поэмы всё же немного подвыл... Так волк одинокий, сильный и вольный зверь чует охотников до его жизни, облаву, выстрелы... когда приступали с ножом к горлу – кромсал себя по живому, бросал им куски мяса. А так – швырял кости – небрежным слогом: подавитесь! Конечно, не надо так драматизировать, но Васильев «подвывал», желая понравиться власти – это чувствуется. С другой стороны, до сих пор мало кто заметил в поэме «Песня о гибели казачьего войска» иносказаний, которые заставляют читателя думать так, как хотелось бы автору. Иносказание васильевское – изобретательное и безрассудно смелое до дерзости. Он не боится спорить с властью. Вот он спрашивает, самым оскорбительным для неё образом:

Атаман, скажи-ка, по чьей вине Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?

На первый взгляд, кажется, что в самом вопросе содержится ответ: сам атаман и виноват. Но это только на первый взгляд. А если прочесть внимательно, то: «Водяные бабы да Урлютюп/ Слушают щучий хлюп. Так тихо в краю, что слышен «щучий хлюп». И вдруг:

На гнедых конях летаем, Сокликаемся, Под седой горой Алтаем Собираемся. Обними меня руками Лебедиными, Сгину, сгину за полями За полынными... [1.С.228]

От чего все всполошились? А от того, что из-за Урала пришёл *«полк Степана Разина и латыши»*. Значит, причина всему вовсе не атаман. Вот в частушечной перекличке поют комсомольцы:

Не желтей, не вянь, камыш, Выстой под морозами, Нонче славится Иртыш Крепкими колхозами... [1.C.240]

Но в ответ мы слышим ропот недовольных казаков:

«Што за нова власть така – раздела и разула. Ещё живы пока в станицах есаулы!..»

А вот сказка про чёрта, где Васильев явно высмеивает твердолобый атеизм комбедов:

Чёрт распинается, Обут, одет: – Бога, грит, товарищи, Действительно нет!.. [1.C.244] Этой васильевской подначки простодушный М. И. Калинин не заметил и даже предложил издать «Сказ о чёрте» отдельной книгой. Но не издали, и правильно сделали.

- Мы, грит, не каторжные, Это что ж, Засевай пшеницу, Овёс и рожь. Отдавай задаром, Да это что ж? Содирай со тела Двенадцать кож!.. - Почему, откуда, Как это так - Для Советской власти Всякий - кулак?.. [1.C.245]

А это уже прямой намёк на грабительское раскулачивание. На протяжении поэмы Васильев, по крайней мере, трижды жалеет белоказака. Первый раз, рассказывая о бегстве казачьего отряда за кордон:

Белопёрый, чалый, быстрый буран, Чёрные знамёна бегут на Зайсан... Настигают пули волчий косяк, Что же ты нахмурился, молчишь, казак? Поздно коня свёртывать, поди, казак, Рассвет как помешанный пляшет в глазах. Обступает темень со всех сторон, Что побитых воронов – чёрных знамён... [1.С.236]

В. Ф. Михайлов пишет: «И слово в заглавие «Песни…» найдено точное: гибель. Гибель не только казачьего войска – народа, языка, песни и жизни». Смешон К. Зелинский, который предлагает взамен «Гибели…» новое название: «Победа красного сокола над чёрным вороньём». Он абсолютно не понял (как и все мы тогда) васильевского двуречья. А Васильев продолжает жалеть белоказака. Старая казачка поёт:

– Спи ты, моё дитятко, Маленький-мал. Далеко отец твой В снегах застрял, Далеко-далёшеньки, вдалеке, Кровь у твово батюшки на виске... [1.С.238]

И, наконец, в третий раз Васильев жалеет казака:

Дыры глазниц проколола трава, Белая кость, а была голова, Са́женная на саже́нных плечах. Пали ресницы, и кудерь зачах... [1.С.250]

Последний плач выдаёт Васильева с головой: кудерь – это принадлежность казачьей причёски. Участь поэмы, да и самого поэта, была решена: поэму не напечатали при жизни автора. Интересен приём, чисто васильевский, когда одной строчкой поэт опровергает утверждение, которое изложено во всех предшествующих (или последующих) строчках. Так, в стихотворении «Прощание с друзьями» он пишет:

Хорошо в стране нашей, – нет ни грязи, ни сырости, До того, ребятушки, хорошо! Дети-то какими крепкими выросли.

Но несколькими строчками выше есть слова, которые заставляют нас в этом усомниться:

Попрощайтесь, попрощайтесь, дорогие, со мной, – я еду Собирать тяжёлые слёзы страны.

От чего плачет вся большая страна? Вот вопрос! Такой же приём используется в стихотворении «Я полон нежности к мужичьему сну». Вначале поэт оправдывает мужика, объясняя его отсталость тем, что:

Он сеял всю жизнь пшеницу и рожь И не слышал, как гремят соловьи...

Потом поэт вступается за мужика, потому что тому плохо:

Рассвет по ромашкам шёл к мужичьему дому, Поглядеть в окошко, как мужику спится. Как мужику спится? Плохо мужику спится. Вот какая-то птица к нему садится И начинает разговаривать по-худому.

Это весьма прозрачный намёк на раскулачивание и коллективизацию. Открыто говорить об этом было запрешено.

В 1936 году Васильев начинает писать в рязанской тюрьме поэму «Христолюбовские ситцы». Тут уж он не то что «подвывает» – «воет». Вторая и третья главы так испорчены васильевским агитпропом, что С. П. Шевченко считает поэму очень слабой, но не будем спешить. Вот вторая глава начинается со стройки пятилетки, и здесь мы явно слышим есенинское: «Милый, милый, смешной дуралей...».

Согнувшись под стальным копытом, Нежданный получив удар, На ящерицу С перебитым Хребтом Похож был Павлодар. Обшит асфальтной парусиной, Гугнив И от извёстки бел, Ещё он лаял мордой псиной И кошкой на столбах шипел... [1.С.536]

Но всё же безжалостная техника побеждает природу:

Огромен, Многорёбер, Ярок, В плакатах с головы до пят, На курьих косточках хибарок Стоял Текстильный комбинат... [1.С.537]

Главный герой поэмы – художник, которому П. Васильев даёт (не случайно) фамилию Христолюбов. Антиподом Христолюбову является друг детства, а теперь секретарь парткома с фамилией Смолянинов (от слова «смола»). Что говорит само за себя. В третьей главе художник беседует с председателем совхоза Федосеевым:

Христолюбов Рисую. Что ж, Фёдор Петрович, знаете вы художников? Федосеев А как же? Разве не видали В моей квартире на стене Картин? Христолюбов Нет-нет... Федосеев Товарищ Сталин на трибуне, И Ворошилов на коне. Христолюбов Вам нравится? Федосеев Конечно. Христолюбов Очень? Федосеев Иначе б их не приобрёл И не держал бы... [1.С.563-564]

Этот диалог вырезали из текста поэмы, опубликованного в журнале «Октябрь» в августе 1956 года. Крамолу не допустили. Но уже в сборнике 1957 года «крамола» напечатана, хотя купюры есть. В поэме «Одна ночь» вырезан Есенин:

Когда соловей Рязанской земли Мёртвые руки Скрестил – Есенин, – Они на плечах его понесли, С ним расставались, Встав на колени. Когда он, Изведавший столько мук, Свёл короткие с жизнью счёты, Они стихи писали ему, Постыдные, как плевки И блевота... [1.С.374]

А ведь именно в 1957 году начался спор: убили Есенина или это было самоубийство. Васильевская точка зрения (поэт был затравлен) – это точка зрения многих, но высказана она была впервые, и издатель испугался её публиковать. И только в ленинградском сборнике 1968 года мы прочли эти слова про Есенина, а также в поэме «Принц Фома» крамольную строчку «Мужик развёрсткой недоволен» вместо напечатанной в 1957 году – «Мужик в деревне недоволен». Будучи изначально уверен в своей правоте, Васильев спорил с Н. Асеевым, «противопоставляя своё знание народного быта, коренного уклада жизни, не изменяющегося в течение долгих сроков и не могущего измениться сразу». Н. Асеев вспоминает: «Маяковский, да и я, казались ему чересчур поспешными людьми, старающимися изменить бытовой идиотизм деревенской жизни без точного знания её уклада». В отличие от этих поэтов, Васильев не видел никакого «идиотизма» в укладе народной жизни и прославлял эту жизнь в своих поэмах. А когда, согласно велению времени, он должен был в конце поэмы «убить» своих героев и проклясть всё прошлое, то делал это так вяло и неохотно, что слабость финалов поэм была видна невооружённым глазом. Это отмечают многие исследователи: Сергей Куняев (Москва), Валерий Михайлов (Алматы), Ольга Иост (Павлодар). Точнее всего объясняет это О. А. Иост: попыткой «угодить идеологическим запросам и тем самым уверить в своей преданности» [5.С. 35].

Требуется подробное исследование doublespeak Павла Васильева, т.н. причины в разных случаях были разные – от желания просто угодить власти и понравиться ей до, напротив, желания поспорить с властью и дерзко посмеяться ей в лицо, и, наконец, элементарно заработать деньги на кусок хлеба, чего Васильев даже не скрывал.

Но мы все должны помнить главное, то, что сказал про Васильева А. Хвалин (Владивосток): «П. Васильев первым понял, что путь на крови, по которому повели Россию – тупиковый». Он это понял раньше всех. Открыто выступать по этому поводу было невозможно. Оттого его doublespeak так изобретателен и разнообразен. Есть даже целое стихотворение – иносказание, на которое, кстати, никто почти не обращает внимания.

Песня юго-западных славян

Прискакали два лыцаря к красотке, У красотки вся квартера освещена. Выставила им водки и селёдки, Полюбовника за дверь выставила она.

Звякали уздечками серебряными кони На привязи. Огни потушил телеграф. Дала красотка лыцарям по иконе, Но полюбовник, «смертию смерть поправ»,

Вновь возвратился в обогретое место, По-другому повернулось дело теперь: Он её жених, а красотка – его невеста, Дверь закрыта. Лыцари, выламывайте напрочь дверь!

Смысл мне видится в том, что вместо Бога России предлагают другого идола, и слова *«смертию смерть поправ»* явно указывают, кого именно. Поэт отчаянно призывает «лыцарей» спасать Россию от этого идола: *«Лыцари, выламывайте напрочь дверь!»*. Васильев «выламывал дверь» изо всех сил и поэтому погиб.

Елена ПОПОВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл. Методист Детско-юношеского центра. Руководитель детского литературного клуба «Амфир». Автор 5 книг стихов. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Ответственность за будущее России

В России что-то есть от Европы, что-то – от дикой, не подчиняющейся никаким законам Азии, и всё же идёт Россия по зыби времён то напролом, а то осторожно шаря в потёмках сучковатым, с глубокими трещинами посохом, оступаясь, падая и снова поднимаясь, только ей одной свойственным путём. По-особенному происходит культурное и духовное развитие её народа, который, что греха таить, часто по неразумению своему впадает из крайности в крайность.

«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Причём разрушения больше, чем созидания. А созидание, не имея в своей основе надёжного фундамента накопленного веками опыта, подчас являет собой жалкое зрелище. Мы идём, наступая на одни и те же грабли, пытаясь изобрести и выдать за «ноу-хау» то, что давно существует...

Интерес к художественной литературе, пропавший в нестабильные 90-е годы, вновь пробуждается. И не просто пробуждается. Ломающий старый лёд весенний паводок бурлит, наконец-то почувствовав возможность показать силу и мощь. Сметая всё на своём пути, он затопляет берега. Глянешь на реку в половодье: вода мутная, почти чёрная. Так и в нашей литературе: народное слово вырвалось, понеслось по российским просторам...

Чуть ли не каждый человек, кое-как освоивший письменную речь, считает себя поэтом. В немалой степени способствуют этому средства массовой информации. Сети Интернета отлавливают и вытаскивают на сайты «Стихи.ру» и «Проза.ру» охотников до мировой славы, печатные издания не столь требовательны к творчеству авторов. Мы долго, разрушив до основания старое и строя новый мир, несли культуру в массы: «Искусство будет принадлежать народу!» А чтобы народу оно было ближе и понятней, высокую планку, определяющую суть творчества, приспустили. Она всё ниже, ниже...Потерялась цель: будить словом чувства и мысль, на смену ей пришло самолюбование.

Не берусь никого судить, ибо для каждого автора важно быть услышанным. Горько то, что, не предъявляя к своему творчеству особых требований (планка-то занижена!), мы формируем вкус и внутренний мир читателя, неосведомлённого в тонкостях литературного ремесла... Вместо высокохудожественных произведений читатель сталкивается с редким цинизмом и пошлостью.

Все что-то пишут, строчат в надежде увековечить своё имя, забывая жить... Причём жить достойно. Помните у Н. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Нравственность, патриотизм, любовь ко всему живому и к себе, как части мира, должны лежать в основе любого творчества.

Что касается техники стихосложения, это – тема отдельная. Новоявленные авторы, «всё знающие и умеющие», творят сами, не придерживаясь никаких правил. Неграмотность – это полбеды. Разглядывая в строчках крупицы зарытого до поры до времени дара, автору можно доступно объяснить простые и не слишком простые истины, но при условии, что он готов воспринимать новое. Плохо, когда автор, умиляясь собственной гениальностью, ничего вокруг не видит и не слышит, как глухарь на току. А если волею судьбы он оказался в самом эпицентре грозного паводка – держитесь! Разотрёт в порошок вместе с льдинами. Но, закрывая глаза на очевидное, мы привыкли дружно чествовать очередного героя...

Как грибы после дождя, растут многочисленные литературные объединения. Литературное пространство России напоминает раздробленную на мелкие княжества феодальную Русь, которая в трудный час вместо сплочения искала союзников за своими пределами. Так и мы: каждый входит в своё отдельно взятое маленькое «государство». Грустно мне и как-то не по себе. И классиков там чтят, и бурную деятельность имитируют, но проглядывают за этой внешней «мишурой» истинные цели. Доминирует стремление быть в центре внимания, а выбранные способы не всегда корректны...

Истинных словотворцев в каждом литературном объединении стало мало, а графоманов никто не одёргивает, и они, довольные молчанием (знаком согласия), выпускают сборник за сборником. Членство в тут и там возникающих писательских организациях напоминает сетевой маркетинг: вошедший в ряды писательской организации привлекает новых членов, а те, в свою очередь, выискивают следующих кандидатов для уплаты писательских взносов. Настоящим поэтам, с великолепным видением, особым мироощущением издаться – вот парадокс! – трудно.

Фактически литературными объединениями руководят люди, или совершенно не имеющие отношения к литературе, или не обладающие достаточным мастерством. А может, так и надо: не всем быть Пушкиными?

К начинающим авторам относиться тоже можно по-разному. Все мы в начале творческой стези не застрахованы от ошибок. Со временем ненужная шелуха слетает – и взору предстают посеянные когда-то, а теперь прорастающие неокрепшими ростками зёрна. Учась ходить, дети малые падают, набивают синяки... Этот процесс неизбежен. Но никто не станет отрицать, что каждому автору необходимо обучение и опытный наставник.

Только мы, и никто другой, ответственны за литературное будущее России. Каким оно будет? Время мудрее нас, и оно, в отличие от людей, беспристрастно.

Mpribaa ita mostritecikoří typome

Писатели России о поэзии Владимира Скифа

«Под сырой осенней позолотой...»

(Из очерка «Моя Сибирь, моя Россия»)

Владимир Скиф, сибиряк, иркутянин, отец троих детей и автор двух десятков книг, лауреат премий имени Ершова, Эдуарда Володина, Николая Клюева и др. – в общем, человек известный. Владимир Бондаренко почему-то предположил, что Скиф – истинный поэт эпохи Водолея. «И не только потому, – пишет Бондаренко, – что родился 17 февраля 1945 года, под знаком Водолея; всем творчеством своим он как бы предваряет наступающую эпоху Водолея, эпоху России». Не могу с этим согласиться, ведь эпоха Водолея – это концепция (согласно определению Википедии), лежащая в основе представлений культуры Нью-Эйдж, о том, что на смену эры Рыб (ассоциируемой с христианством) приходит новая эпоха, в которой будут господствовать учения, представляющие синтез различных вероучений и современных научных достижений. Т.е., по сути это антихристианство – то, что разрушает Россию, весь мир. Я бы не стал отлучать поэта Скифа от великой русской христианской культуры, записывая его в приверженцы религии «нового века». Нет, он вырос на русской почве, крона его таланта шумит в нашем, русском лесу. Таким я его и увидел – стройным, с выбеленными сибирскими морозами волосами, седобородым, но моложавым, поэтом с искренней, звонкой, но глубокой, как Байкал, поэзией.

«Смирнов, который изменил фамилию», – так иронично объясняет Скиф происхождение своего псевдонима. Скиф улыбается, я улыбаюсь в ответ, его слова тоже отзываются во мне шуткой, но какой-то грустной: «Главное, Родине не изменил. Главное – Родине верен остался». И останется! Последнее – совсем уже без иронии.

У меня коровы нету. Но как только алый круг Заскользит по белу свету, Я иду на мокрый луг. Острой бритвою-косою Я размашисто кошу. Даже в полдень под грозою Травы-павы тормошу.²

Нет, не он изменил свою фамилию. Это Блок его благословил из далёкого далека, это сама Поэзия поставила его в первые ряды тех «с раскосыми и жадными очами», которых «тьмы, и тьмы». Кому-то ведь надо возвещать миру, что «так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит!/ Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжёт, и губит!» И не Блок напророчил, что «Россия — Сфинкс», вечная древняя загадка. Так судил нам Бог:

Архангелом набросана вчерне Судьба России, длящейся веками. Она – то в небе, то на самом дне, То скипетром сверкает, то курками.⁴

Так судил Бог: коль хотите нести правду, быть совестью народов, помните – в мире будете иметь скорбь (Ин. 16, 33). Из столетия в столетие мы протягивали руки и взывали:

Придите к нам! От ужасов войны Придите в мирные объятья! 5

А они в ответ:

...глумясь, считали только срок, Когда наставить пушек жерла! 6

¹ См. статью «Поэт эпохи Водолея», Владимир Бондаренко. http://symill.ucoz.ru/news/stikhi vladimira skifa/2010-03-04-30

² Владимир Скиф, см. на сайте: http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm

³ Скифы. Александр Блок. Избранное. Москва, "Детская Литература", 1969.

⁴ Владимир Скиф, см. на сайте: http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm

⁵ Скифы. Александр Блок. Избранное. Москва, "Детская Литература", 1969.

И приходил роковой срок (и приходят новые сроки), и пушки стреляли (и опять будут стрелять), стонала земля, плавилась, рассыпались в прах горы, но стоял человек, русский человек. «Мильоны» их? А нас?

…Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами! ⁷

В глазах Владимира Скифа плещется Байкал, и в поэзии его, морозной, свежей и по-сибирски крепкой, играет волнами «Славное море – священный Байкал»:

И мой Байкал. И этот чистый свет, Мои глаза и душу напоивший. Я не загинул. Я ещё поэт, Не зря, быть может, на земле светивший. 8

И ешё:

Под сырой осенней позолотой Оживаю от душевных ран... Из меня уходит сумрак плотный, Как с Байкала-озера туман. 9

Воистину, выплеснувшееся на землю и ставшее Байкалом небо, сибирская ширь заживляют все раны души и изгоняют из неё сумрак. Что перед этой красотой, необъятностью вся наша боль, все наши слёзы, невзгоды, разлуки? Лишь штрихи легкого дождя, лишь ветерок, опахнувший лицо... Не потому ли так свежо лицо Владимира Скифа, так неуловимо-легка его улыбка? И так точно́, так проникновенно его слово?

Посреди дороги древней В тишине почую Русь. И душой к родной деревне, Как к иконе, прислонюсь. 10

Пусть болью проникнута его мысль о родной земле. Но и надежда живет в его слове, и благодарность Богу за все. А в этом и есть полнота, в этом и есть сила:

И увижу: в тёмном небе Так и кружит вороньё. То кровавый снег, то пепел Век мой сыпал на неё. У деревни сто отметин, Сто зарубок, сто могил: Кто любил её на свете, Кто мечами порубил. Слава Богу, что живая, Что не мёртвая она. В небе рана заживает, Красным полымем полна. 11

Наша сила в вере, в любви к родной истории, в преданности нашей великой стране. Да, мы Скифы, но Скифы великие, вечные, непобедимые...

Игорь ИЗБОРЦЕВ, член Союза писателей России, г. Псков.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Владимир Скиф, см. на сайте: http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30

⁹ Там же

¹⁰ Владимир Скиф, см. на сайте: http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm

¹¹ Владимир Скиф, см. на сайте: http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm

«Все боли века я в себе ношу»

Мне приятно сказать своё слово о творчестве Владимира Петровича Скифа – талантливейшего русского поэта, по моему глубокому убеждению, входящего в десятку лучших поэтов всей России. Его стихи – по-сибирски сдержанные и глубокие, чужды надрывного пафоса, который у нас сегодня, увы, среди мужчин-поэтов, числящих себя патриотами, часто переходит в пораженческие рыдания по поводу кончины России. Увы, оснований для квасного патриотизма нет, мы живём в суровое время, предъявляющее России суровые геополитические и социальные вызовы. Тем мужественнее должен быть русский поэт. «То не поэзия, что не делает меня чище и мужественнее» – сказал кто-то из мировых философов.

И эти слова в полной степени можно отнести к творчеству Владимира Скифа. Его вырывающееся из глубин души самоцветное слово трогает сердца читателей, даже самых взыскательных и искушённых. После прочтения стихов Скифа хочется жить, любить, творить на благо страны, хочется страдать и бороться. А иначе для чего нужны стихи? Я не буду тут писать о системе образности Владимира Скифа, про то сказали и, я уверена, ещё не раз скажут профессиональные критики (в частности, блистательный и снайперски точный в оценках Вячеслав Лютый).

Мне, как поэту, а не критику, важнее другое – талант Скифа, поставленный на службу России, лучшему в ней. Способность Скифа-поэта любить Россию не с завязанными глазами, не через розовые очки, а любить в свете пушкинских заветов – принимая такой, какой её нам Бог дал, с непростой русской историей, трагичными изломами и величайшими прорывами, её, летящую в бездну и вдруг воспаряющую победно в зенит на глазах изумлённого мира, приготовившегося к её кончине – парадоксальную нашу Россию, способную рождать таких поэтов, как Владимир Скиф.

Книга «Молчаливая воля небес» ясно показывает, что её автор сейчас на взлёте и ещё не раз порадует всех нас, своих коллег и – главное! – читателей духовными прорывами и душевной глубиной.

Диана КАН, член Союза писателей России, г. Новокуйбышевск.

Прекрасный удел поэта

Крым. Краем света считали его древние греки, «медалью на планете» назвал чилийский политик и поэт Пабло Неруда. Замечательное географическое расположение полуострова сделало его границей и местом соединения между Европой и Азией. После возвращения Крыма в родной дом, в Россию, он стал действующей ареной встреч. Летом 2015 года проведено множество поэтических фестивалей, конкурсов, презентаций. Это было сближение общений уже существующих ЛИТО и рождение новых. Большой континент России провёл немало творческих форумов в Крыму, а Первый Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» составом выступивших поэтов, писателей, композиторов, исполнителей с первой попытки доказал полноправность эпитета «международный» в названии его. Это высокая планка творчества. Поэты крымских городов услышали лучшее из поэзии москвичей, казанцев, тверичан, сыктывкаровцев, тамбовцев. А орган литературного издания «Литературный Крым» №8 2015 года дал возможность и читателям познакомиться с произведениями победителей. Дополню к сказанному, что на страницах газеты читатели имеют возможность знакомиться с произведениями не только крымских авторов, но и талантливых писателей и поэтов России.

Россиянам давно известны стихи и публицистические работы Владимира Скифа, поэта и литературоведа из Иркутска. А теперь знают его и крымчане. Напевность поэтических строк полюбилась многим композиторам. Владимир Зоткин, Виктор Грозин, Сергей Маркидонов, Анатолий Тепляков, Евгений Якушенко, Анатолий Криштопа дарят музыкальные крылья стихам Скифа, а барды: Владимир Браништи, Николай Зарубин, Евгений Куменко – и музыку сочиняют, и песни на стихи Владимира исполняют.

Волнует и чарует поэтика строк Скифа. Он глубиной сердца, ранимой душой говорит о России, а создаётся впечатление, что это Россия горестно и мудро размышляет из самой патриархальной глубинки, "то молчит, то кричит". Литые, тяжёлые строки, взятые из «смёрзшейся от горя памяти», врезаются в душу. «Пулемёт памяти строчит», высвечивая, словно кадры, «разбомблённые храмы», «разбитую колокольню, и Россия предстаёт «в терновом венце». (Стихотворение «Ноябрь перекрасил синеву»). Автор продолжает задавать жёсткие вопросы о судьбе. Поэтические тропы ярко создают впечатляющие, даже «эксклюзивные» образы: «холодный лунный лоск», «стеклянной луны», «луныпереноски», «кувалда заморского ветра». Волнующе зримо он изобразил время, которое «бьётся пульсом на каждом челе»:

Спит земля, тихо время струится, Бьётся пульсом на каждом челе. («Земля») Произведения рассказывают о состоянии человека во Вселенной и о самой Вселенной: «Живому сердцу одиноко», «Душа Вселенной холодеет». Вот уж, действительно, «выдохнул миру интерес», «притронулся плавною рукой», а «вложил... сердечный непокой». Создаются смысловые поля: торжественная красота мира и человеческий интерес. Природа не отделена, не оторвана от Лирического героя, его волнений и ощущений. С каждой строкой ярче смысловая окраска, поэтический рост слова усиливается:

Вживи себя в сей Божеский замес, Чтоб радуга вставала до небес, Чтоб равновесье ветер потерял, Чтоб ты себя в себе не повторял, А взял свою судьбу наперевес и клином света обтесал замес.

Далее тематическое расширение продолжается и вырастает до философского вывода. Но это после работы над собой, после борьбы с сомнением, «тьмою в углах души», когда ты

…вышиб темень из углов души, Плеснул, как пламя, радости ковши, Тогда и выйдет Храмом на крови Произведенье веры и любви.

(«Замес»)

Стихи «пашут» мозги. Вникая в их содержание (а иначе и не получится) хочется и дыхание, и «взвихренную кровь», и «смертную любовь» отдать «безумству храбрых», чтобы «вышибить темень из углов», плеснуть, «как пламя, радости ковша», «идти за Родину в атаку». В стихотворении «Бабушка» встаёт некрасовский образ «женщины в русских селеньях». Только время угадывается другое. Читаешь строку «снегов бескрайние закрома», и предстаёт перед тобой далёкая сельская периферия. А образ бабушки не может быть оторван от привычного деревенского уклада жизни. Для бабушки привычно:

Скосить траву, сметать зарод, Не убиваться в недород.

А строка «от нужды детей спасти» снова напоминает некрасовскую мысль: «На праздник есть лишний кусок». Владимир Скиф подчёркивает великую роль русской женщины, которая в жестокое время войны и разрухи выносила совсем не женские тяготы. К концу стихотворения автор делает образ обобщающим. Всё может бабушка:

Достать звезду, построить дом Россию выласкать трудом. От Витебска до Колымы все дети бабушкины – мы.

Общей была беда, не только родственники забирали в свои семьи детей погибших на фронте, это я могу подтвердить своей жизнью. В стихотворении «Сталинград» поэт, говоря «об аде земном», иносказательно назвал войну священной:

И Ангелы в окопах Сталинграда Вставали в ряд с солдатами войны.

Для всех живых и погибших «лучшей из всех наград», «как орден величавый»

Вставал непокорённый Сталинград, В лучах своей непобедимой славы.

Журнал «Доля» познакомил крымских читателей с творчеством Владимира Скифа ещё в 2013 году, поместив на страницах стихи сорокалетней давности. Но как мудро показал поэт, что время только укрепило его убеждения:

Чем старше я, тем строже выбор Красавиц, здравиц, новизны. И, кажется, что я не выбыл Из песен, музыки, весны. Чем старше я, тем достоверней Мысль, что спасёмся красотой, И мне всё ближе Достоевский,

Чем Короленко и Толстой. Чем старше я, тем гуще время Замешивает жизнь мою. И всё отчётливее кремний Скрипит у бездны на краю.

Разнотемна поэзия Скифа. В его стихи «вошёл простреленный капелью снег», «душою космос овладел». В других строках он ругает «власти, словно твари неразумные // За собой влекущие войну». В стихотворении «Валентину Распутину» поэт даёт высокую оценку писателю за его постоянную заботу о чистоте природы:

Россия будет спасена! И в этом есть твоя заслуга. Борьбы невиданной накал Очистит Родину от смога. Задышат Волга и Байкал! И в этом есть твоя подмога.

Тема поэта и поэзии – трепетная тема для автора. Прекрасно высказал своё мнение Владимир Скиф вот такими строками:

Поэтов мало, стихотворцев рать, И это очень грустная примета. Ведь только Бог способен выбирать В своей Господней милости – Поэта. Сергей Есенин – он под Богом был, И на вопрос, который не был шуткой: «Кто в мире вы?» Сказал, как отрубил: Кто в мире я? Я – Божья дудка!»

Поэзия – «прекрасный мой удел», – признаётся Владимир Скиф, творческое вдохновение дарит ощущение полёта:

Какая улица прямая!
Простреленный капелью снег Вошел в стихи. А я летаю Под облаками по весне. Вошли стихи... И без усилья Душою космос овладел. Там я отращиваю крылья: Таков прекрасный мой удел.

Прекрасным своим уделом называет Скиф поэтический труд, так пусть он таким останется и далее, светлым и вдохновенным.

Нина ПЛАКСИНА, Крым

«Сам свою я выбираю долю...»

Стихи Владимира Скифа чисты, прозрачны, глубоки, светоносны, как озеро-море священный Байкал. О них нельзя говорить презренной прозой. Их надо читать, слушать, осязать, чувствовать, зрить, обонять, погружаться в мелос и растворяться в нём... В них отражается РУССКИЙ КОСМОС, рыдает РУССКОЕ СЕРДЦЕ, сквозит обжигающий РУССКИЙ ВОЗДУХ, сияет вселенской мудростью РУССКАЯ ЛЮБОВЬ, и осеняет светом РУССКАЯ НЕБЕСНАЯ БЛАГОДАТЬ.

О таких, как Скиф, в народе говорят: – ПОЭТ от БОГА! Или – ЕГО при рождении поцеловал в макушку Господь! В макушку – в тот пульсирующий родничок, который осязаем только у младенца, невинного и чистого создания. С годами он, родничок этот, костенеет, зарастает косностью. У Владимира Скифа в его стихах этот Божественный родничок не заилился и сохранил свою природную свежесть и чистоту... Стихи Скифа целуют читателя прямо в сердце.

«О-о-о! Сколько пустяшных восторженных фраз и ни одной цитаты из скифских стихов!» – воскликнет докучливый критик. Цитаты? Они все уже давно растасканы по книгам многочисленных стихотворцев. Я и сам не раз подворовывал из Скифа. Чего греха таить. И всё-таки одну цитату из СКИФА не могу не процитировать: «Сам свою я выбираю долю, // Проживаю заданную роль. // Нет поэта без любви и боли, // Потому что СЛОВО – это боль».

Удачи тебе, Володя! И если слово – это боль, то я за тебя болею.

Евгений СЕМИЧЕВ, секретарь правления Союза Писателей России, г. Новокуйбышевск.

Лира, созвучная русской душе

Поэзия Владимира Скифа неукротима и многогранна. В ней явлена целая гамма чувств и страстей – от любви до ненависти, от праведного гнева до тихого покаяния, от искромётного веселья до ностальгической грусти. Разливаясь, как река в половодье, лирика Скифа созвучна широте и безоглядности русской души.

Русская душа – вот главное сокровище, которое поэт хотел бы уберечь для мира, для Вселенной. Ставя душу превыше всех материальных благ, Владимир Скиф готов то защищать её с мечом в руке, – то баюкать, как дитя в колыбели. Недаром его лирическое «я» иногда приобретает богатырские, былинные черты:

Обниму полмира, полземли, Рассеку ладонью небеса, Чтобы ливни Божии сошли И омыли святостью глаза.

Ставя знак равенства между душой и вечностью, поэт восклицает:

...Между моей душой и вечностью земли Совсем зазора нет. Мы с ней нерасторжимы. Мы в космосе – вдвоем! Друг друга мы нашли.

Символично, что поэт с таким мироощущением родился на берегу священного Байкала. В лирике Скифа Байкал занимает особое место, выступая, как абсолютная мера неподкупности, чистоты и силы. «Посмотри, как небесное зеркало стало светом байкальской воды», – призывает поэт, отвергая «призрачные мерки» суетной бездуховности:

И лишь Всевышнему угодный, В веках, во времени сквозной, Байкал, холодный и свободный, Сияет звездной глубиной.

Такова же и щедрая, многозвучная, покорная лишь Всевышнему поэтическая лира Владимира Скифа, без остатка преданная России и родному иркутскому краю. Знаменательно, что поэт обогащает отечественную литературу целой галереей ярких портретов русских писателей, своих земляков и живописных пейзажей Прибайкалья.

Светлана СЫРНЕВА, секретарь правления Союза писателей России, г. Киров.

В центре русского пространства

Стихи Владимира Скифа не только ворвались в русскую душу читателя, но и уже растворились в ней! Не зря он много печатается в «толстых» ведущих русских журналах таких, как «Москва» и «Наш современник», «Простор», литературных альманахах и газетах...

Хорошего поэта, как говорится, можно узнать сразу, прочитав несколько стихотворных строк:

Янтарным светом осеняет осень Пространство мира и провалы сна...

Или стихотворение, написанное на приезд друга «К Байкалу»:

Байкал – не Крит, не Уолл-Стрит, Не мексиканский колорит. Байкал – он космоса предтеча. Здесь тонут солнце и звезда, Столкнулись лава и вода. И волны бьют до Хубсугула. Мой друг забыл про все года, И в ночь метнулась борода, И до Байкала досягнул.

Или на смерть Сталина:

...мама чёрной ниткой галстук обшивала, Пионерский галстук – чёрною каймой. Я бы мог повторить слова литературного критика В. Лютого о поэте Скифе: «в его стихотворениях очень много глаголов, которые в пейзажной лирике обладают волшебными свойствами: они оживляют деревья, холмы, небо, облака, солнце...»

Основные черты лирики Владимира Скифа – это страсть и сила чувств в сочетании с умной мыслью, поэтическая молодость, помноженная на зрелый жизненный опыт и сердечность в сочетании с высокой культурой стиха. Прочитав новый сборник стихов «Молчаливая воля небес», в который раз убеждаюсь, что поэт обладает незаурядной творческой индивидуальностью и очень разносторонним поэтическим дарованием.

Русские поэты не могут жить без великих пространств и великой равнины. В Европе они задыхаются... Европа же по сравнению с Россией «кротовая нора», как называл её Наполеон, которого мы гнали по русской равнине, пока не загнали в ту самую кротовую нору.

Вот и поэт Скиф живёт в самом центре русского пространства, рядом с Великим Байкалом. Он и родился под знаком Водолея, знаком России, куда входит и его любимая Сибирь.

Он ещё и дитя Победы, родился в 45-м году. У него психология ПОБЕДИТЕЛЯ. Как же ему не быть ПОЭТОМ?

Владимир Скиф неутомим, как жокей, сидящий на лошади. Лошадь пущена в галоп и её уже не остановить до финиша... до конца... Такой ритм жизни избрал не сам автор, а такова его судьба.

Когда умер последний русский гений и мой учитель Юрий Кузнецов, у меня было ощущение, что и поэзия умерла. Нет!!! Пока живёт в русской глубинке Муза и заглядывает на кухоньку к провинциальным авторам – Поэзия бессмертна. А поэты, как Божьи искры, одна разгорится, а другая потухнет, но в итоге «Костёр рябины красной» будет гореть и в Перми, и в Москве, и в Иркутске! Слава России! Слава её поэтам!

Игорь Тюленев, секретарь правления Союза писателей России, г. Пермь.

Владимир СКИФ

г. Иркутск

Секретарь правления Союза писателей России.

Победитель V московского международного конкурса поэзии «Золотое перо-2008», лауреат Международной литературной премии имени П. П. Ершова (2009), победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010), лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова (2013), Международной премии «Имперская культура» (2014), Всероссийской литературной премии имени Николая Клюева (2014), премии издательского дома «Российский писатель» (2014), ежегодной премии журнала «Наш современник» (2014), Международной литературной премии «Югра» (2015, за перевод «Слова о полку Игореве»). Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015).

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из нового

Среди лип

1

Я прожитых дней не забыл, не прибавил, Где ночью сырой средь лепечущих лип В любовном чаду своё сердце оставил, И мне показалось: я вправду погиб.

А ты среди листьев, смеясь и балуя, То жадно играла, то нежно лгала, И жарким огнём своего поцелуя Меня опалила и небо зажгла.

Сияли жуки, светлячки и улитки, Земля озарилась, как будто бы днём. И долго во тьме лепетавшие липы Сгорали со мною – последним огнём.

2

Не истончится лист, судьба не откачнётся, Когда среди веков я вдруг тебя найду. И тот – минувший век – из-за тебя начнётся, Я к липе вековой неслышно подойду. Ведь это Пушкин здесь с прелестницею славной С восторгом пировал под липою густой. И небожитель Фет преображался фавном, Окрестность огласив: – Любимая, постой!

Степенный, смуглый Блок из прошлого являлся, И томно, и легко, как Ангелы с небес. Под липою сидел, с тобою целовался, А, может, уносил тебя в небесный лес.

Терзался Пастернак, и ночью шёл под липы С любимою своей прощаться навсегда. В аллее золотой ветвей тяжёлых скрипы Звучали, как небес осенняя гряда.

И лишь Есенин пел и глубоко, и звонко:

– Ой, липа ты моя, зелёный мой прибой!
И рядом ты была – красавица-девчонка...
Ах, это ты была! И рядом я – с тобой...

3

Мир многомерный отражается, В прозрачном небе, как в трюмо. К моей душе летит, снижается Очарование само.

А я и вправду – очарованный Тобой уже который год – Твой поцелуй, тобой дарованный, Несу, спасаясь от невзгод.

Ступеньки лет – живая лестница, По ним, не замедляя бег, Ко мне от Пушкина прелестница Перебежала через век.

Мне жить в самом себе не просто, Не просто мне в себя смотреть. Во мне ворочается космос, Как будто раненый медведь.

И я постичь себя пытаюсь, Непостижимое узреть. Борюсь с собой,

с собой братаюсь, Стремлюсь любимую согреть.

Моя любовь, как дальний остров, Глядит в меня издалека. Там бьются волны, светят росы И проплывают облака.

Там жизнь вершится без нажима, Там вспышки глаз и угли губ Нацелены неустрашимо В мою космическую глубь.

И я, большой, неизмеримый, По краю космоса лечу. И слышу: – Я с тобой, любимый! Лететь мне рядом по плечу.

Любимая! Не стань постылой, А коль остынешь, помни впредь: Погибну я среди пустыни, Как будто раненый медведь.

С Чеховым

Опять по небу длинно-длинно Плывут живые облака.
– Откуда вы?
– Из Сахалина! –
Как будто выпали слова.

Неужто с острова? Оттуда, Где шёл я с Чеховым в туман, И сполохом большого чуда В меня вливался океан.

Он – то разнузданный, то

льстивый

Щенком ложился подле ног. А Чехов тихий, не спесивый, Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха. Я с ним пытаюсь говорить...» И замолкал смиренный Чехов, Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили, Где в синеве закат дрожал... Как будто в норы заходили, В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской Он занимался много дней, Лечил, расспрашивал о близких И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали, Или не ждали: время – дым... Но видел Бог – они страдали, И Чехова направил к ним.

Восьмитомник Блока

Неужто я – предатель Блока? Я путь свой к Блоку начертал, С ним был и жил. Я видел Бога! Но как-то бедствовал жестоко, Чуть было Блока не продал.

Его могучий восьмитомник Уже в коробку отгрузил, Уже отправил на подъёмник, Но Блок – учитель мой и скромник – Мне из коробки погрозил.

Нет, не грозил! Но я увидел, Как он плечами вдруг поник. Неужто Блока я обидел? И я – себя возненавидел И – неуклюжий грузовик.

Прости меня, великий гений! Я, как летучую звезду, Без колебаний и сомнений Твоё собранье сочинений Догнал и сдёрнул на ходу.

Мой восьмитомник, обещаю Хранить, как тайну, твой огонь, Где Незнакомка очищает, И мне грехи мои прощает Христа пробитая ладонь.

Не упасть бы, не разбиться Посреди разломов дня. Расхитители, убийцы Тайно смотрят на меня.

Им неведомо, наверно, Что испытан я собой, И надеждою безмерной, И бессмертною судьбой.

Что ведёт меня прямая Сквозь разломы бытия. ...Я-то знаю, понимаю: Для врагов – загадка я.

Наталия КАРЕТНИКОВА

г. Москва

Член МГО СП России, член комиссии по творческому наследию С.А. Клычкова.

Сергей Клычков. Возвращение из небытия

Нет ничего отраднее возвращения народу золотого родного русского слова, которым так искусно владел поэт и прозаик Сергей Антонович Клычков! Сергей Клычков родился в 1889 году в Тверской губернии, теперь это северное Подмосковье. Заповедный Талдомский край, деревня Дубровки – малая Родина поэта, воспетая им в самобытных стихах. И как прозаик, Клычков уникален. Три его романа написаны волшебным языком лесной тайны. В литературоведческих диссертациях, появившихся во второй половине 20 века, его называют предтечей нашего Михаила Булгакова и родоначальником литературного направления, названного магическим реализмом, задолго до всемирно известного писателя Габриэля Гарсиа Маркеса. И в прозе, и в поэтической интонации поистине талантливого автора отразилась драматическая судьба родной земли.

Та же Русь без конца и без края, И над нею дымок голубой – Что ж и я не пою, а рыдаю Над людьми, над собой, над судьбой?

Эта судьба стала его личной трагедией. В роковом 1937 году пришёл к нему неотвратимый, безжалостный и страшный смертный час. Сергей Клычков был арестован по ложному доносу, осуждён и расстрелян 8 октября 1937 года. Каждый раз я убеждаюсь в том, что ничего не бывает в нашей жизни случайно! Это можно сказать и о нашем Московском фестивале «Душа моя, как птица...» им. Сергея Клычкова, который прошёл вот уже в третий раз в концертном зале библиотеки № 52 на ул. Конёнкова. Я давно мечтала об этом и вот моя мечта сбылась! Вернуть Москве того, чьё имя связано с ней неразрывно, я хотела давно, с тех пор, как впервые побывала на родине С.А. Клычкова и приняла приглашение участвовать в Талдомском фестивале «Серебряный журавль» в 2007 году. Мою идею фестиваля поддержала заведующая библиотекой № 52 Гребенщикова Е.А. и озвучила её перед руководителями нашего района. Преодолев трудности самого разного рода, мы провели первый фестиваль, получив благодарность от его участников и гостей. Так Сергей Клычков снова возвратился в Москву!

В Москве Сергей Клычков, будущий поэт и прозаик, жил вместе с отцом с 11 лет, учился (реальное училище Фидлера, Московский университет, Народный университет Шанявского). Здесь он долгие годы жил, трудился, творил и любил. Здесь появились на свет его первые книги, и он обрёл известность в литературных кругах среди поэтов «серебряного века». В Москве водил он сердечную дружбу с известным скульптором С.Т. Конёнковым. Сергей Тимофеевич Конёнков был влюблен в музыку и русскую классическую литературу. Революционные события 1905 года, заставшие скульптора в Москве, подсказали ряд новых тем. Для него, родившегося в крестьянской семье, революция была делом справедливым и необходимым. В дни первой русской революции Конёнков на Арбате с друзьями создали боевую революционную дружину. В костяк этой дружины входил и поэт Сергей Клычков. Именно Сергей Клычков познакомил скульптора с мало ещё известным молодым поэтом Сергеем Есениным. Поэт часто стал бывать в арбатской мастерской Коненкова. Конёнков ввел его в круг московской культурной элиты, помог продвижению его творчества.

В 2014 году отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны, участником которой был Сергей Антонович Клычков, воевавший почти три года. Перед уходом на войну он написал эти строки:

Прощай, родимая сторонка, Родная матушка, прости, Благослови меня иконкой И на дорогу покрести.

Прощался поэт с тем, что было им любимо, дорого и мило:

Прощайте, травка-говорунья И сиротина-борозда, – Прощайте, ночи-полнолунья, И ты, далёкая звезда...

Во время военных действий Клычкову довелось много тягот пережить: он был ранен, контужен, попадал в газовую атаку. Среди всех известных поэтов тех лет только Сергей Клычков и Николай Гумилёв участвовали в военных действиях. Война оказала очень большое, переломное влияние на их творчество, да и на само жизненное мироощущение.

Много лет Сергей Клычков был связан творческой дружбой с Анной Ахматовой, Николаем Клюевым, Петром Орешиным, Осипом Мандельштамом и другими известными поэтами.

Даже после посмертной реабилитации книги Клычкова не издавались на Родине. Заново его имя открылось читателям благодаря учёному-слависту, профессору Каннского университета Мишелю Никё, опубликовавшему произведения Клычкова во Франции в 1970 году. В России стихи Клычкова впервые были переизданы в 1988 году. Наши любители поэзии смогли наконец-то насладиться мелодиями Клычковских стихотворений:

Куда плывёт простор бескрайный, Откуда льётся свет? Вот это тайна... тайна, И ей разгадки нет! Весна, берёз зеленокудрость И свежесть их лица... Вот только это мудрость, Которой нет конца! Отрадно, что сейчас творчество Сергея Клычкова изучают в российских школах и университетах, его произведения переведены на многие языки мира.

Литературоведы разных стран пишут диссертации, основываясь на творчестве Сергея Клычкова. В Москве в Институте мировой литературы РАН и в Литературном институте проводятся Клычковские чтения.

В 1992 году в деревне Дубровки, в родном доме поэта силами земляков-энтузиастов и потомков поэта был открыт его мемориальный музей. Все, кому дорога отечественная литература, радовались возникновению музея Сергея Клычкова, воспринимая это событие как осуществление исторической справедливости. Впервые побывав на родине поэта, начинаешь всей душой постигать красоту его стихов:

Лежит заря, как опоясок, И эту реку, лес и тишь С их расточительностью красок Ни с чем на свете не сравнишь!

В Доме-музее Сергея Клычкова собраны уникальные экспонаты (около 1000 единиц хранения). Ежегодно летом на поляне возле дома поэта проводится литературные праздник «Сенокос в Дубровках». Музей стал центром научной и просветительской работы, направленной на изучение и популяризацию творческого наследия поэта. Талдомский район Подмосковья называют не зря Журавлиной родиной, ведь там по весне гнездятся серые журавли и выводят своих птенцов. Несколько лет в Доме-музее С.А. Клычкова на первом этаже была размещена интереснейшая экспозиция Музея Серого журавля.

К великому сожалению, здание музея ветшает, требует серьёзного ремонта. Культурная общественность Талдома и Москвы бьёт тревогу не первый год. Членами комиссии по творческому наследию С.А. Клычкова за подписями видных деятелей культуры нашей страны направлялись письма в самые высокие инстанции, вплоть до министра культуры России. Но воз и ныне там! Горько сознавать, что нынешних правителей в области культуры самого разного уровня эти многочисленные обращения одинаково не трогают!

Об этом и многом другом рассказывала участникам и гостям фестиваля заведующая Домом-музеем С.А. Клычкова в Дубровках Т.А. Хлебянкина. Своими воспоминаниями делились и потомки Клычкова, его родные внучки Татьяна Викторовна Тихонова и Екатерина Георгиевна Смирницкая. Муж Татьяны Викторовны создал сайт Сергея Клычкова, где собрано много материалов о нём и его произведения: http://www.klychkov-sa.ru/

У нашего Московского фестиваля были достойные предтечи. Это и Межрегиональный фестиваль православной песни и поэзии «Серебряная псалтирь» в Дубне, и Талдомский фестиваль авторской песни и поэзии «Серебряный журавль». Всего год назад Московский литературно-музыкальный фестиваль «Душа моя, как птица» имени С.А. Клычкова получил статус международного, ведь кроме жителей России его участниками стали поэты и композиторы из зарубежья. Беларусь, Болгария, Германия, Казахстан, Литва, Украина были там достойно представлены. И вот в 2015 году более трёхсот участников из разных городов России, Москвы и Подмосковья прислали свои конкурсные произведения. Ханты-Мансийск, Актюбинск, Самара и Саратов, Нижегородская область, Ростов-на-Дону и Краснодар, Симферополь, Брянск, Тула, Тверь, Вышний Волочёк и Петергоф – такова неполная география нашего фестиваля.

Фестиваль традиционно открывают литературно-музыкальные фотокомпозиции о жизни и творческом пути Сергея Антоновича Клычкова. На экране возникают образы поэта, его родных и друзей, фотоснимки Дома-музея С.А. Клычкова в Дубровках и памятника поэту в Талдоме работы скульптора Д.А. Стритовича, который был почётным гостем нашего первого фестиваля.

Страницы биографии Сергея Клычкова озвучивает Председатель Оргкомитета фестиваля Елена Анатольевна Гребенщикова. К участникам фестиваля первыми обращаются Почётные гости. В нынешнем 2015 году среди них был секретарь правления Московской городской организации СП России Дмитрий Силкан. Он сердечно поздравил всех с открытием фестиваля и передал приветствие и поздравление от Председателя МГО СП России В.Г. Бояринова. В своём выступлении Д.В. Силкан дал высокую оценку деятельности Оргкомитета фестиваля. От имени МГО СП России наградил членов оргкомитета фестиваля памятными медалями и Дипломами. Награды был удостоен и глава Муниципального округа района Бибирево И.О. Паршин за деятельную помощь в реализации этого культурного проекта. Игорь Олегович был инициатором создания и выпуска литературного альманаха «Душа моя, как птица...» по итогам фестивалей 2013 – 2014 г.г.

Увлечённые творчеством и личностью замечательного русского поэта, прозаика и переводчика Сергея Клычкова, прекрасного Леля нашей русской земли, мы слушали стихи о нём, песни на его стихи в исполнении их авторов. Желанными гостями всегда являются земляки поэта из Талдома. В 2014 году это был мужской фольклорный коллектив «Заигрыш». Молодые ребята выступали в русских народных костюмах. Они порадовали нас русскими народными песнями. Прозвучали в их исполнении и песни о Талдомском своём журавлином крае. В нынешнем году к нам приехал лауреат Талдомского фестиваля «Серебряный журавль» Юрий Гнездилов и привёз свои новые песни.

Говорят, что поэзия ныне переживает не самые лучшие времена, но наш фестиваль убедительно доказывает обратное: тонкая, умная, душевная поэзия и сегодня востребована! Расширяется география фестиваля. С каждым годом произведения, присылаемые для его конкурсной программы, всё ярче и интереснее.

Наш фестиваль стал настоящим праздником для всех, кому дорога русская культура, и новым этапом на долгом пути возвращения из забвения на Родину прекрасной поэзии и прозы Сергея Антоновича Клычкова.

Ему друг Сергей Есенин посвятил одно из своих лучших стихотворений «Не жалею, не зову, не плачу...» и называл Сергея Клычкова «Истинно прекрасный народный поэт».

Байкало-Амурские страницы

Стук колёс ж/д состава Ночь пробудит, и волна До вершин хребтов достанет, – Содрогнётся тишина.

Эхом горы отзовутся, И в ответ раскаты нам – Песней юности вернутся Про дорогу – БАМ.

В. Кузнецов

Анатолий ПОДЗАРЕЙ

г. Протвино, Московская обл.

Анатолий Иванович Подзарей – автор книги «Мы строили БАМ не в белых перчатках» (Протвино, 2008).

Участвовал в строительстве восьми тоннелей Байкало-Амурской магистрали. Прошёл путь от рядового инженера до руководителя крупного подразделения − тоннельного отряда №16 Управления строительства «БАМтоннельстрой».

Работал на строительстве (с 1975 г.) 12 лет и все годы вёл дневниковые записи.

Из документальной повести «Мы строили БАМ не в белых перчатках»

Памятник у дороги

Ночь. Над Северомуйском светила яркая луна. Морозы ослабели. Наступило временное потепление. На улице дышалось легко, и уже никто не спешил уйти в дом. Кабинет постройкома ярко освещали электрические лампы. В нём собралась команда волейболистов отряда перед отправкой на районные соревнования в Северобайкальск, проводимые между сборными командами Нового Уояна, Нижнеангарска, Гауджекита и Северобайкальска. Ехать нужно было за 360 километров.

Понятны возбуждение и радость ребят, так как с большим трудом удалось уговорить начальника отряда Смирнова отпустить их. Смирнов подписал восемь командировочных удостоверений лесорубам Николаю Добханову, Михаилу Москвитину, Владимиру Борисову, проходчикам Борису Веркиенко и Юрию Майорову, монтажнику Юрию Черепанову, механику участка Юрию Кан. В состав команды вошли директор ДК «Тонельщик» Владимир Шевчик и я, как игрок и ответственный за поездку.

Перед отправкой я провёл инструктаж со всеми отъезжающими. Погрузившись в вахтовую машину, в 11 часов ночи мы отправились в дорогу. Автомашину вели по очереди два шофёра: Мелехов Виктор и Еньшин Владимир. Ребята за последнюю неделю уже несколько раз ездили в Нижнеангарск, поэтому очень устали без выходных, им хотелось отдохнуть. Но спортсмены уговорили их ехать в дальнюю дорогу снова в ночное время.

«Вахтовка» выехала из посёлка. Пассажиры вспомнили о спартакиаде в Нижнеангарске прошлым летом, когда наша команда заняла второе место, хотя был шанс занять и первое. За окнами машины промелькнули огни бараков строительно-монтажного поезда №597, затем Восточный портал. На перевале нас проводили огни производственных площадок стволов №№3, 2, 1.

Мой любимый перевал, с которым у меня связано много событий, менялся с каждым месяцем. Лес, красота которого раньше поражала моё воображение летом и зимой, был частично вырублен, потеряв свою первозданную красоту. Теперь по его хребту пролегла отсыпанная автодорога, по которой днём и ночью ехали тяжёлые автомашины и различная техника. На площадках стволов вырос комплекс зданий, освещённых ночью ярким электрическим светом.

Электроэнергия подавалась со ствола №3 двумя электростанциями мощностью 2,5 тысячи киловатт каждая, с турбинными двигателями от самолётов. Одна такая электростанция потребляла в сутки более пятнадцати тонн дизельного топлива, что огромным бременем ложилось на плечи отряда – для обеспечения электростанции топливом на трассе Северомуйск – Северобайкальск было задействовано сто бензовозов.

Вдоль автодороги через хребет протянулись по обе стороны строящиеся линии электропередач ЛЭП в 35 киловольт, ввод в эксплуатацию которых планировался к концу года. Северо-Муйский хребет стал барьерным участком на трассе БАМа и стал передним краем строительства магистрали. Сюда стягивались мощные технические силы, и скоро хребет должен был превратиться в гигантскую строительную площадку. Возникла необходимость на всех стволах создать тоннельные отряды.

Посёлок Тоннельный, на другой стороне хребта, встретил нас морем яркого света и глубоким снегом. Здесь мы сделали небольшую остановку. Ребята сбегали к друзьям и принесли гитару. Дальнейшую дорогу скрасили песни. В районе посёлка Новый Уоян автомашина остановилась, потому что водители решили передохнуть и немного подремать. Было далеко за полночь. Все пассажиры тоже погрузились в сон. Тепло быстро улетучилось из машины, холод забирался под одежду. Ребята зашевелились, ёжились и укутывались.

На рассвете машина двинулась дальше. Я пытался рассмотреть сквозь замёршее окно очертание леса, чтобы определить место нахождения. За многочисленные поездки по этой дороге мне стал знаком каждый

мостик, каждое строение. Когда наступил рассвет, машина остановилась у свежей могилы. Все вышли. Пирамидка-памятник был покрашен в зелёный цвет за небольшой металлической оградкой. На памятнике прикреплена фотография молодой женщины. Это Пана Ишенко – наша работница из Северомуйска, трагически погибшая в автомобильной аварии. «Магирус» на крутом повороте упал с высокого берега реки в пропасть. Сидевшая в кабине Пана сразу погибла. Водитель в тяжёлом состоянии был доставлен в больницу, но через неделю умер.

Я хорошо знал Пану. Она была одна из первых продавщиц нашего Северомуйского ОРСа. Мне пришлось оказать помощь мужу Дмитрию, ставшему вдовцом, в перевозке тела жены из Нижнеангарской больницы в Усть-Баргузин, на её родину, где она родилась и выросла. В семье было двое детей – две девочки, одной из которых на тот момент исполнилось два годика, другой – пять лет.

В 1975-1976 годах система снабжения продуктами питания отдалённых участков строителей магистрали только начинала формироваться через УРСы и ОРСы при строительных трестах. В 1976 году при тресте «Нижнеангарсктрансстрой» было организовано Управление рабочего снабжения (УРС), которое начало создавать торговые точки сначала на порталах тоннелей, затем в жилых посёлках. Поэтому в эти годы на Северо-Муйском направлении первым десантам строителей было поручено строить деревянные домики под магазины, куда вертолётами завозили товары первой необходимости.

На первых порах в эти магазины завозили обувь, одежду, ткани (особенно тогда модным материалом был кримплен), консервы – всё это было в ограниченном количестве. А вопрос обеспечения питанием строителей решался через котлопункты. На отдалённых участках люди выбирали завхозов, сдавали деньги и уже завхозы организовывали общественное питание: нанимали поваров, готовивших ежедневно еду для строителей. В конце каждого месяца завхоз отчитывался перед народом об использованных средствах на питание.

В Северомуйске первым продавцом ОРСа была Пана Ищенко. Её муж работал водителем в автоколонне. Она часто ездила в командировки в Северобайкальск, Нижнеангарск за товаром для магазина. Особо дефицитным товаром, который она привозила, были спиртные напитки. Тогда в тайге и на первых строительных площадках преобладало в основном мужское население и в тех условиях спирт и водка были самым востребованным товаром. В свободной продаже спиртного не было. С целью упорядочения распределения этого товара профсоюзный комитет во главе с Морозом ввёл систему продажи водки по талонам.

После каждого привоза товара из Северобайкальска Пана докладывала профсоюзному комитету, какой дефицитный товар она привезла, и профком делил эти дефициты по талонной системе, в том числе и спиртное. У людей были личные праздники: дни рождения, юбилейные даты, траурные события, государственные праздники и прочие жизненные дела. Поэтому в канун этих событий и при подтверждении их документами: паспортом, телеграммой и т.д., – они получали в профкоме талон на приобретение того или иного товара в магазине. Талон профкома на спиртное был самым желанным приобретением.

Мороз имел личный резерв талонов на непредвиденные случаи, выдавал мне, как парторгу, несколько талонов для поощрения моего актива помощников, проводивших общественные мероприятия. Об этом резерве знали все в посёлке, и это было для меня большим бременем, ибо отдельные рабочие назойливо под любым предлогом выпрашивали талоны, особенно настойчивыми были механизаторы и водители.

Однажды, на день Первомая, ко мне пришли домой двое машинистов бульдозеров В. Дергачев с В. Морозовым и вымолили у меня два талона. Давая им талоны, я сказал, что продавца магазина Паны нет, она с семьей уехала в тайгу на отдых, и что они её не найдут. Каково было моё удивление, когда вечером я встретил Пану, и она со слезами рассказала о том, что её нашли на речке за 20 километров от посёлка и на бульдозере привезли в магазин, а потом отвезли обратно. Вот так.

В то время среди лесорубов, строителей первых дорог и промплощадок ходили крылатые стишки:

Ни вина, ни фунфурей Не даёт нам Подзарей!

(Фунфуры – на языке местных «бичей» тройной одеколон, употреблявшийся вместо водки.)

Должен сказать, что талоны выручали нас в сложных ситуациях. Зимой возникала большая проблема чистки туалетов, так как при сильных морозах образовывались «сталактиты». Их нужно было разбивать, расчищать. Никто эту работу делать не хотел. И только за талоны на водку находились добровольцы.

...Мы, сняв головные уборы, постояли несколько минут у могилы и двинулись дальше. До Нижнеангарска добрались к девяти утра. В райкоме комсомола узнав порядок соревнований, поехали в Северобайкальск. В Северобайкальске провели тренировку в спортзале, затем сходили в баню и начали готовиться к волейбольным баталиям.

Соревнования длились три дня. В финальной игре встретились две команды: сборная Северобайкальска с командой ТО-11 из Северомуйска. Победу одержали хозяева соревнований при счете 3:2. Судейство прошло необъективно, на что наша команда подала протест. Через некоторое время состоялась переигровка. Зрители заполнили зал, чтобы наблюдать за принципиальной спортивной борьбой за первое место. Огромное напряжение, самообладание игроков и мастерство должны были решить исход встречи.

Мы проиграли, заняв второе место. Но все ещё раз убедились, что в Северомуйске есть кузница спортивных кадров, которая готовит спортсменов, выступающих на всех соревнованиях района. Причём, спортсменов, которые так просто с площадки не уходят. Этой кузницей стал коллектив Тоннельного отряда \mathbb{N}^{11} .

25 февраля 1978 года, Северомуйск.

Зинаида ПОТАРАСЬ

г. Улан-Удэ, Бурятия

Вася-спасёныш

Рассказ

Эта история произошла в Северомуйске. Как-то летом мой сын возвращался домой затемно. Вдруг, почувствовав лёгкий толчок в спину, оглянулся, а на него летела свора собак. Отбившись благополучно от них, он продолжил свой путь. А уже дома обнаружил на своём рюкзаке маленький мохнатый дрожащий комочек, который всеми своими коготочками вцепился в его рюкзак. Мало ему было страхов от своры, а тут ещё во дворе у нас бегают два пса.

Вот так у нас появился котёночек. Я, обнаружив утром его у нас в доме, возмутилась, конечно, что сын притащил очередного котёнка без спроса, тем более, что у нас уже семь лет проживал наш рыжий любимец Огонёк. Но после рассказа сына, я смирилась с присутствием этого симпатичного котёнка. Ведь не выкинешь же маленькое беспомощное существо, тем более, что он накануне так отчаянно боролся за свою жизнь.

Присмотревшись к нему, обнаружила у него на лбу букву «М», что меня умилило – моя девичья фамилия начинается с этой буквы. Тут ещё выяснилось, что он примесь бенгальской породы, правда, вся красота выражается у него на животе.

Жил котёнок у нас несколько дней без имени, пока не приехали к нам мои дочь и внучка. Стали подбирать они для котёнка имя. Решили назвать его Васей, чтобы стал не только красивым, а ещё и умненьким.

Так получилось, что с его появлением через несколько дней исчез из дома наш кот Огонёк. Видимо у Васи настолько сильная воля к жизни, что выжил взрослого кота. Мне очень жаль было нашего рыжего Огонька.

Васёк полюбился всей нашей большой дружной семье за его весёлый, задорный и добрый нрав. Наш «спасёныш» как-то очень быстро подружился с нашими собаками, каждое утро вылетает на крылечко и нос к носу обнюхивается с ними, как будто целует, бегает по двору в догонялки, кувыркается.

А недавно как-то поздненько вечерком обнаружили, что Василька нет дома. Сын выскочил на крылечко и стал звать котёнка по кличке, так как он у нас на кис-кис не отзывается, а только на «Васю». Громко кричит: «Вася! Вася! Василий!». И так несколько раз. Тут, наискосок через пустырь, из-за забора откликается мужчина, и происходит между ним и моим сыном Федей такой диалог:

- Где, кто кричит, кто меня зовёт в столь поздний час? кричит сосед.
- Да это я не вас, а котёнка своего зову, убежал куда-то отвечает мой сын Федя.
- Какого к чёрту котёнка! возмущается сосед.
- Своего, маленького.
- Назови его по-другому!
- Уже поздно!
- Сам знаю, что уже поздний час!!! орёт сосед, теряя терпение.
- Да котёнка уже поздно переименовывать! бросает в ответ мой сын.
- Другую кличку дай котёнку! всё ещё пытается убедить Фёдора сосед.

В это время серенький комочек залетел на крыльцо, и на этом диалог закончился. Правда, мой сын успел подумать: «Может соседу предложить выбрать себе другое имя, а то котёнку будет сложнее кличку поменять, ведь человек-то сможет понять, почему, а котёнок-то – нет».

Ольга ГОЛОВИЗИНА

г. Липецк

Поэт, прозаик. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Зерно добра

Эссе

Если подуешь на искру, она разгорится, если плюнешь на неё, угаснет: то и другое выходит из уст твоих. *(ВЕТХИЙ ЗАВЕТ)*

Сегодня почему-то принято считать всех, кто говорит и пишет о добре, наивными простаками и обвиняют в примитивизме... Мол, что вы впадаете в детство, не видите во всём объёме всех проблем в мире. Что только решительными, жёсткими методами можно разрешить назревшие конфликты... Что Добро должно быть с кулаками...

Вам не кажется, что мы в процессе нашего «взросления» по пути к всеобщему мировому прогрессу немного озлобились? Потеряли индивидуальность в том смысле, что, стали всё делать «как в кино»... И молодёжь уже не видит ничего плохого в том, что мимоходом обижают окружающих (не только словом, но и поступками, далеко не гуманными)... Основную часть дня и ночи проводя у «компа» в виртуальном мире, уже не отличают игру от реальности. И думают, что у них в запасе несколько «жизней» – всё можно успеть...

Старайтесь делать добро ежесекундно – делом и словом. Держите свой разум в чистоте. Поймите, что дарить окружающим радость – это счастье! Если вокруг вас будет тепло, уютно, комфортно людям, то и вам будет хорошо. Как бы это наивно и примитивно ни звучало... Начните с себя...

ЛЮДМИЛА БЕРСТНЕВА

г. Северобайкальск, Бурятия

«Дорога жизни»

Фельетон

Зима! Хорошо-то как! Укрываясь снегом, ещё краше становится новый красавец-город, создавая особое праздничное настроение у людей.

Да вот беда-то, есть ещё и старый город. Всю картину портит! Щитовухи, бараки, балки и общаги, которые изначально строились на временные века. Кто не жил в старом городе, в того можно кинуть камнем, по библейской притче. Но, пожалуй, таких и не найдётся. Улочки, переулочки... Какой он, старый город, в предпраздничные, в ожидании Нового года, дни? Пройдёмся по одной такой улочке, как только стемнеет. Снег. Ветер. Дорога. Стадион.

Магазинчик «Символ» приглашает за покупками ярким светом окошек и горящей вывеской. Отойдёшь от вагончика-магазина, всё! Дальше хоть глаза выколи, тьма беспроглядная и скользкая дорога, по которой шастают туда-сюда машинёшки и так её, дорогу, раскатали, что «мама не горюй». А пешеходных дорожек – тю-тю!

Тихо! Что это? Шарк-шарк, шарк-шарк... А это здесь так ходят зимой – и молодые и старые. Идут на ощупь! Нет, фонарные-то столбы есть! Замечательные столбы – но напрочь ободранные соответствующей организацией несколько лет тому назад.

Столбы грустно стоят, опустив шейки и пропадая от стыда за свой оголённый вид, за то, что они, такие крепкие и красивые, пользы больше не приносят.

О! Кто-то приземлился – шарк-шарк-шлёп! И голос: «Мать... вашу... так, растак и этак!». Молодые, им чё, как мячики – упал, вскочил, высказал темноте свои впечатления и – дальше. Кто постарше, тем посложнее. Пока поймёт, все ли органы на месте, потом на четвереньки, «о-ё» – призывая шапку или сумку вернуться. Примет вертикальное положение, надо дальше шаркать.

В темноте чернеет стадион. Вдруг из-за поворота, справа, выскочила, как угорелая, иномарка. Молодые «мячики» попрыгали к забору. Тётка мыслями побежала, ноги отстали. Молодые у забора диалог ведут трёхэтажным лексиконом, тут же и облегчились с радостью. Тётка в свете фар шаркает на месте. Испугалась что ли? И правда, ну чё страшного, если в полной темноте, на скользкой дороге, на тебя выскакивает машина из-за поворота? Обычное дело!

Водитель нервно тормозит, открывает дверцу и громко перечисляет всю тёткину родню, начиная, естественно, с матери. Тётка явно не согласна с характеристикой своей родни. Кое-как выруливая с дороги, оглушённая потоком «изысканной» речи, обиженно отвечает – эхо уносит слова на мрачный тёмный стадион и трибуны переговариваются: «Твою мать... мать... мать... ё-ё-ё... пошла коза... сам...».

Поговорили. Разошлись, разъехались. И как удачно! Тётка отделалась лёгким испугом, водитель показал широту взглядов. Теперь остался главный участок дороги – поворот. Шаркать надо в темпе, здесь уже с машиной не разминёшься. И пусть под ногами ничего не видно, но уже есть ориентир, путеводная звезда – сияющая помойка. Прямо на помойку, с дома напротив, светит прожектор. То ли жильцы с руками, то ли организация забыла скрутить. И помойка, в темноте, но в лучах этого прожектора, расцветает россыпью «звёзд» и обледенелым «брильянтовым» подступом. У сияющей помойки можно передохнуть. Тут уже знакомая отдыхает, сил набирается.

- Дошла?
- Дотащилась, аж в пот бросило!
- Хорошо! Согрелась...
- Куда уж лучше, ну давай, сейчас и ты согреешься! Разошлись в разные стороны. Шарк-шарк, шлёп! Бац!

Надежда КАЛИНИЧЕНКО

г. Усть-Кут, Иркутская обл. Главный библиограф Усть-Кутской межпоселенческой библиотеки.

Дороги Галины Николаевой

Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно. Идти.

Оноре де Бальза

Первая тропинка Галины Николаевой началась, как и у всех, от порога родительского дома, и случилось это в 1960 году в селе Коношаново, которое находится на берегу реки Лена. В народе недаром говорится: «Где родился – там и пригодился». Все последующие тропинки, по которым судьба вела Галину Прокопьевну, от ленских берегов далеко не уводили, порой приходилось и брести по воде. А Лена – река своенравная, может тёплой и ласковой быть, а может и холодом сковать.

Мечта о поступлении на исторический факультет Иркутского госуниверситета не сбылась. Возможность была, да ещё какая – сразу на второй курс могли взять! Но так бывает – стоишь на развилке дорог, и нет ни одного знака, никакой подсказки, куда лучше повернуть. Галина тогда осталась дома, чтобы помогать родителям, ведь в их семье к тому времени появился на свет уже пятый ребёнок. Пришлось много работать. Она и одежду шила, и по деревням с концертами и докладами ездила. И так юная Галечка разбежалась по этой тропинке, что перед следующим поворотом притормозить не успела. А поворот оказался крутым. Сыночек, первенец, родился с диагнозом – ДЦП. Девять лет – работа, да не одна, а две, три, чтобы заработать деньги на больницы, лекарства, санатории, ведь у Ванечки никого, кроме неё, не было.

В 1988 году Галина приехала на БАМ. На этот раз она освоила профессию повара и трудилась в 138 мехколонне. Подразделение, в котором кашеварила Галина, стояло недалеко от Северомуйска, на реке Муя. На БАМе и сошлась её извилистая жизненная тропка с другой – широкой и ровной, по которой уверенно шагал Александр Николаев. Рядом с ним идти стало легче, и по этой дороге они повели своих детей – повзрослевшего Ваню, Машеньку и Оксану. Но – очередной вираж... Трагическая случайность оборвала жизнь мужа, и с 1994 года Галина осталась одна, уже с тремя детьми, которых надо было накормить, одеть, выучить... Иван стал экономистом, закончил Новосибирскую академию водного транспорта. Старшая дочь изучала банковское дело в Байкальском госуниверситете, а младшая получает юридическое образование. У детей ведь тоже свои тропинки, вон они – вьются рядом с материнской дорогой, вроде сами по себе и на расстоянии, но так, что дотянуться друг до друга легко.

Эх, не рассказать обо всех тропинках и дорожках, по которым Галине пройти пришлось. Не две, не три их было – сотни! Да и не надо обо всех-то, а лишь о тех, что другим радость и пользу принесут. Сказано – сделано. В июне 2015 года в Усть-Кутском историческом музее открылась персональная выставка Галины Николаевой «Дороги...». Давайте и мы пройдём по некоторым тропкам вслед за хозяйкой – она гостям всегда рада.

Восемь лет назад Галина пришла на встречу даванцев – так в Усть-Куте называют талантливых людей, состоящих в народном любительском творческом объединении «Даван», организованном при Усть-Кутском историческом музее. На ту, первую, встречу она принесла две картины, написанные акварелью. Это были воспоминания из детства: вот соседка сидит у окна, поджидая мужа с войны, а вот она уже встречает его, искалеченного, но, к счастью, живого. Именно эти картины находились в начале экспозиции, они стали тем порогом, от которого мы, зрители, вслед за Галиной Прокопьевной отправляемся по заветным местам её жизни.

Про следующие экспонаты Галина сказала так: «Сколько необычной красоты находится прямо под нашими ногами!» А мы рассматриваем её картины из сосновых чешуек и с сожалением понимаем, что не каждому дано умение разглядеть фигуры да образы в невзрачном кусочке коры. А художник не только видит, но и другим показывает. Смотрю я на чубатый профиль самодовольного Чичикова, трогаю осторожно тёплую шершавую кору, принявшую облик гоголевского персонажа, и на ум приходят мастера из бажовских сказов – они в цветных прожилках малахита тоже умели разглядеть красоту и гармонию.

А автор этих творений и, по совместительству, экскурсовод, уже демонстрирует зрителям ... вязаные крючком игрушки, и рассказывает о том, как накануне Рождества было решено приготовить своими руками подарки для больных ребятишек. Каждый тогда сделал, что мог, Галина навязала забавных зверушек и дарила их деткам, которым пришлось Светлый праздник встретить в больнице.

Рядом с игрушками замечаю стол с книгами и дисками. Эта сторона творчества Галины Прокопьевны мне хорошо знакома. На дисках – документальные фильмы по истории Усть-Кутского края и Осетровского речного порта, воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Для того, чтобы создать такой фильм, Галина много разговаривает с людьми, не расставаясь при этом с камерой. Часто в приватных беседах она делилась со мной своей болью – невозможно встретиться со всеми, «иных уж нет, а те далече», а так хочется запечатлеть каждое слово очевидцев исторических событий!

Небольшие яркие книжечки, которые в экспозиции лежат рядом с дисками – это сборники стихотворений усть-кутских авторов с нежными названиями: «Кружева любви», «Родники» ... Да, стихосложение Галине Прокопьевне тоже не чуждо, она же является идейным вдохновителем создания

этих сборников, их составителем и иллюстратором. В качестве иллюстраций служат фотографии, сделанные ею.

Сегодня Галина Прокопьевна руководит секцией фотографов в объединении «Даван», а первый фотоаппарат ей подарил Юрий Иванович Батустин, когда Галина только пришла к даванцам. С тех пор она смотрит на мир через объектив, может быть, поэтому и видит больше, чем другие.

Со стендов с её фотографиями на нас сначала обрушивается буйство красок, потом мы начинаем выделять из хаоса цвета сюжеты фотокартин: изысканный жарок сверкает, как маленькое солнце; бурундук, привстав на задние лапки, потешно позирует перед камерой; ярко-зелёная травинка склонилась под тяжестью огромной прозрачной капли росы; бабочка, сама похожая на экзотическую орхидею, присела на цветок, накрыв его крыльями. А вот на берегу горной речушки остановились люди с огромными рюкзаками за плечами. Уже на следующей фотографии эти люди – на привале, расположились на больших камнях, улыбаются. Теперь они идут по узкой тропе, а горизонт им закрывают пики Байкальского хребта... В честь 40-летия БАМа членами туристского клуба «37-ая широта», в котором состоит и неугомонная Галина Прокопьевна, был разработан маршрут на перевал Даван. Пройти по этому маршруту до конца им тогда не удалось, но фотографий во время похода было сделано много, ведь сибирская природа так прекрасна, что фотоаппарат из рук можно не выпускать и щёлкать им каждую секунду!

На следующем стенде – другие лица, совсем другие. Они испещрены морщинами, а в глазах полыхает зарево войны. Ветераны Великой Отечественной смотрят с этих фотографий, гордо выпрямив спину. Им есть, чем гордиться, они сполна отдали долг стране и нам, своим потомкам. А многие отдали и жизнь... Именно Галина Николаева стала инициатором организации в год 70-летия Великой Победы Бессмертного полка в нашем городе. Но ведь эта удивительная женщина не может просто высказать идею и обозначить план действий. Её деятельной натуре необходимо постоянное движение, она – созидатель, а не сторонний наблюдатель. Поэтому и просиживала часами за компьютером, ретушируя старые фотографии, поэтому и не умолкал её телефон, заставляя отвечать на вопросы, рассказывая и объясняя важность задуманного.

Сколько целей может поставить человек перед собой в течение жизни? Одну, несколько, много? Это зависит, наверное, не только от его сил и возможностей, но и от глобальности цели, ведь на великое деяние и силы великие положить придётся. В 2013 году Галина Прокопьевна стала участницей X Всероссийского фестиваля «Семья России – Царская семья». Поездка на этот фестиваль имела неожиданное продолжение. Оказалось, история царской семьи весьма тесно связана с Сибирью. Цесаревич Николай Александрович Романов побывал на Иркутской земле во время известного Восточного путешествия, в которое будущего Императора отправил его отец – Александр III. Юный Николай останавливался на ночлег в посёлке Залари. В честь этого исторического события в сентябре 2014 года в посёлке прошли царские дни, гостями которых стали делегации из городов Иркутск, Усть-Кут, Братск, Саянск, Черемхово. Конференция, посвящённая царю Николаю Страстотерпцу, открылась фотовыставкой «Русская Голгофа», автором которой была Галина Николаева. И именно она стала организатором строительства Памятного знака, призванного увековечить эту страницу российской истории.

Кажется, в таком важном деле препятствий и особых трудностей быть не должно. Ан нет... Было время, когда Галина с раннего утра и до вечера – одна! – работала в парке, выделенном для постройки Памятного знака, расчищала дорожки, убирала мусор, вырывала траву. Потом у неё появились добровольные помощники, вместе с которыми она и довела начатое дело до конца. В середине сентября 2014 года открытие Памятного знака состоялось – с церковной службой, крестным ходом и освящением знака. Я вижу на стенде фотографии, сделанные Галиной в Залари, вспоминаю эти торжества – я там была, мёд-пиво не пила, но слушала, смотрела и удивлялась огромной, светлой и какой-то нездешней силе этой маленькой женщины с чуть усталыми, но лучистыми глазами. Что есть эта сила – не знаю, не мне судить, но она позволяет Галине выполнять просветительскую миссию во время миссионерских поездок по Нижней Тунгуске и верховьям Лены. И фотографии, на которых она старается запечатлевать всё, что видит, станут её нестираемыми следами.

«Все пути ведут в никуда, но у одного пути есть сердце, а у другого – нет», – так писал Карлос Кастанеда. Я хочу, чтобы наши с Галиной Николаевой тропинки как можно дольше шли рядом – мне хочется долго греться от исходящего тепла её большого сердца.

Галина НИКОЛАЕВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Котёнок

Рассказ

В тот год зима выдалась суровая. Деревня погрузилась в белый морозный туман. Дышать на улице было очень трудно: вдыхаешь в себя холодный воздух, а выдохнуть не получается. Казалось, весь организм встал на борьбу с этим морозом и не хочет отдавать тепло. А дышать-то нужно! И нужно идти.

Несмотря на лютый мороз, занятия в школе не отменялись. Я не могла подвести свою учительницу, Капитолину Александровну. Она попросила принести котёнка на классный час, посвящённый домашним животным. А так как котёнок оказался только у меня, то во время большой перемены я должна была сбегать за ним домой. А идти я решила «по задам», то есть со стороны дворов, так короче и собак меньше.

Утром, когда шли в школу, было холодно, но мы с Серёжкой, Генкой и другими ребятами за игрой в снежки и барахтаньем в сугробах не заметили этого холода. А сейчас, когда багряное солнце проглядывало сквозь туман, мне было ещё холоднее. И, как назло, идти становилось всё труднее, я стала часто проваливаться в снег.

«Ничего, ничего, я быстренько, – подбадривала я себя. – И все увидят, какой у меня красивый котёнок! Дымчатый, с белой грудкой, а на ногах белые носочки. А глаза у него большие и зелёные. А как он любит играть! И как смешно щетинится на свою мать».

Мама моего котёнка, Мурка, жила у нас много лет. Она была серенькая, как старая мамина шаль, в которой мы ходили только во двор – управляться. Однажды, когда Мурка уютно спала на этой шали, я не заметила её и нечаянно уронила. Но тут же подняла, крепко прижала к себе и попросила у неё прощения. Думаю, она меня простила, потому что в ответ лизнула мой нос своим шершавым языком.

Мы уже несколько лет ждали, кода же Мурка принесёт нам котят! Наконец-то это случилось. Один единственный котёнок появился на свет и стал любимцем всей нашей семьи. Мы назвали котёнка в честь его мамы Муркой. К нашему удивлению, скоро обнаружилось, что маленькая Мурка – мальчик! Но менять имя мы уже не стали, потому что к этому имени уже привыкли и мы, и котёнок.

Вот с такими мыслями я и прибежала домой. Увидев меня, мама ахнула: «Ты что это?! Бежишь, толком не застегнувшись, да ещё и без варежек! Что-то случилось?»

Я плюхнулась на скамейку, что стояла возле порога и, привалившись к заборке, чтобы перевести дух, словно снежный ком стала оттаивать в тепле. На ресницах, на волосах, что выбились из-под беличьей шапки, стали появляться капельки влаги. А запах свежеиспечённого хлеба, печёной картошки, и ещё чего-то сладко-кислого, стал дурманить меня. Но нет! Меня ждут. Мне нужно обязательно принести котёнка на урок! Ага! А вот и он. Котёнок вылез из-под печки, где он любил полежать, погреться и понежиться. Выгибая спину и показывая в зевке остренькие зубки, он подошёл ко мне. Я наклонилась, подняла котёнка на руки и спрятала его за пазухой.

Застёгивая пуговицы на старом пальтишке, я проскользнула на кухню. Там открыла шкаф и взяла кусок хлеба из хлебницы. Я хотела положить хлеб в карман, но он никак туда не входил. Тогда я разломила его пополам и разложила в разные карманы. А сама на ходу объясняла маме: «Это Капитолина Александровна попросила принести на урок котёнка. Ни у кого котёнка нет, а у меня есть! Мой Мурка самый красивый! Ладно, мам, я побежала, а то не успею, скоро звонок на урок!» И, захлопывая за собой двери, услышала только обрывки маминых слов: «Будь осторожна. Собаки!..»

А я уже мчалась обратно в школу, задыхаясь и кашляя от морозного воздуха. Но котёнок за пазухой согревал меня своим теплом. Он то и дело пытался высунуть свою мордочку, не понимая, куда это его несут. Я запихивала его назад и просила: «Сиди смирно, а то собаки...».

И так я добежала с ним до конюшни, откуда конюх дядя Лёша выгонял лошадей на водопой к проруби. Лошади фыркали, переминались с ноги на ногу, не хотели идти по морозу. Дядя Лёша их подгонял, размахивая руками: «Но-о, но-о, пошли!»

Мне пришлось пересидеть на изгороди, потому что очень уж боялась я жеребца по кличке Вихрь – он кусался. Подождав, пока дядя Лёша с лошадьми отойдут на безопасное расстояние, я осторожно спрыгнула с забора и побежала дальше. До школы оставалось совсем немного. Мне даже было видно дым, что шёл столбом из трубы школьной кочегарки.

И вдруг, откуда не возьмись, собаки! Они бежали прямо на меня! Добежали и окружили, и одна из них, большая, рыжая, прыгнула на меня со спины. Я упала в снег лицом, крепко прижимая к груди котёнка, который громко урчал от страха. Он выпустил когти и больно вцепился в меня, царапая кожу сквозь кофтейку. А собаки начали меня кусать. Я прятала лицо, закрывая его рукой. В голове мелькало только одно: «Нет! Не отдам вам Мурку! Нет!» И тогда я закричала изо всех сил: «Мама-а-а-а!»

Потом вокруг всё как будто поплыло, в голове смешались шум, крики, лай собак, урчание, перед глазами мелькали зубы, когти и горящие огнём глаза... Всё гудело и проваливалось в холод...

«Ты жива?! Ты жива?» Кто-то больно тёр мне лицо снегом. И как в тумане... стоит дядя Лёша, рядом с ним кто-то ещё, что-то кричат. Потом меня подхватили и понесли. Я им что-то говорила, но меня никто не слышал. Закрыв глаза, я заплакала, почему-то мне стало очень обидно. Плакала молча, беззвучно, а слёзы больно жгли мне глаза.

Принесли меня в больницу, туда прибежала и мама, склонилась надо мной, причитая и целуя. А я, как кукла, которой всё равно, даже боли не чувствовала. Я только шептала: «Мурка, Мурка...» И вдруг услышала голос врача тёти Нелли: «Да жив твой Мурка, вот он!»

Меня раздели, обработали раны, поставили укол и положили в постель.

Проболела я до самой весны. Постепенно зарастали укусы, возвращался голос, и стала спадать температура. А самое главное – я перестала кричать по ночам, мне перестали сниться страшные сны. Ко мне в больницу приходили ребята, приносили домашнее задание, которое передавала Капитолина Александровна. А дома меня ждал мой любимый котёнок Мурка.

Евгений КУНИЦЫН

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Евгений Николаевич Куницын родился в Иркутске в 1974 году, когда страна услышала громкое слово БАМ. В то время редко кто устоял и не поддался порыву души принять участие в стройке века. Женины родители были в их числе. Отец Евгения Николай Иванович Куницын преподавал литературу, был одним из основателей усть-кутского лицея и на протяжении нескольких лет возглавлял его. В семье Куницыных всегда был культ книги, основное пространство в квартире занимали полки с книгами, поэтому Женя рано научился читать и перечитал все книги из семейной библиотеки. Юношу всегда отличали острый живой ум и свободомыслие.

Окончив школу, Женя мечтал поступить на юридический факультет Иркутского госуниверситета. А когда недобрал одного балла, пошёл служить в армию. В армии романтические убеждения и юношеский максимализм столкнулись с суровой действительностью, поэтому мечты о всеобщей справедливости сменились желанием подвергать остракизму все негативные стороны жизни. Тем более, что закончилась перестройка и надвигался развал Советского Союза.

К сожалению, Евгений так и не окончил факультет филологии и журналистики ИГУ. Разрушившийся СССР похоронил под своими обломками основные принципы и устои жизни людей: поменялись нравственные ориентиры, Россия прогнулась и обратила свой взор на Запад, принимая правила капиталистической жизни, да собственно жизнь превратилась в выживание, и было совершенно непонятно, чего ждать от завтрашнего дня. Не видя выхода из тупиковой ситуации и не в силах что-то изменить в своей жизни, Евгений вместо защиты диплома осуществил свою давнюю мечту – автостопом добрался до Чёрного моря.

Евгений Куницын так и не получил диплома о высшем образовании. Но он предпринимал несколько попыток поработать в усть-кутских газетах. Его материалы отличали хороший язык и стиль. Лёгкие, ироничные, они вызывали живой отклик у читателей. Но ему всегда хотелось каких-то перемен. Приходил он и на несколько заседаний усть-кутского литературного клуба «Причал». Когда я спросила, что там было интересного, Евгений ответил: «Торт был вкусный...».

За прямоту, взыскательность к авторам и прежде всего к себе Евгению Куницыну часто приходится выслушивать много претензий. Он с большой неохотой согласился выпустить стихи в сборнике усть-кутских авторов «Строкой касаясь Ленских берегов». И то под псевдонимом Артём Заболотин. «К чему всё это? Стихи сегодня никому не нужны!» – горько подметил Евгений Куницын.

И всё-таки стихи – нужны они или нет – есть! Интересные. Смелые. Необычные. Стихи человека, несомненно наделённого талантом. И читатель ждёт их.

Татьяна Малышева, редактор газеты «Ленские вести».

Пейзаж в моём окне

Пейзаж в моём окне, промозглостью прошитый, в осенний депрессняк под нитями дождя от луж офонарел; зато не сносит шифер. Пейзаж в моём окне заборчив и дощат. Обшарпанный кабак как Рим, и все дороги расходятся на нём –

та в чёрствость, та в нужду; а ветер на ветвях читает некрологи и, варварски смеясь, швыряет их дождю. Пейзаж в моём окне – унылая картина, очей очарова... Отъявленный Дантес! Ручей, найдя овраг, зовёт тушить рябину, которую никто, совсем никто не ест. За скопищем домов, сгрудившихся над свалкой, пожухлый от пустых бутылок стадион. Залётный воронок глаза клюёт мигалкой, за версию приняв, что оживляет он пейзаж в моём окне. Мне нет туда возврата. На офисном столе просроченный макет торговых бутиков, но память-реставратор зачем-то чертит вновь пейзаж в моём окне.

Путешествие в Петербург

В калейдоскопе дат, имён, фигур, наверно, бес попутал расписанья: столкнулись по дороге в Петербург из Золотого века на Сапсане два господина. Первый – говорлив, блестят глаза, и кожа цвета кофе;

второй, напротив, бледен, как налив, лысеющий, но юный Мефистофель. Под шум колёс, влекущих в никуда нейтроны глаз, молящих не мешать им смотреть в окно, плыл ток по проводам. Они замкнули цепь рукопожатьем –

и понеслись разъезды, городки. Столбы сверяли километры судеб со взмахами ухоженной руки, которая, забыв себя, рисует движенье мысли, музыку стиха сердцебиенью в такт, сродни дыханью... И потому, коль первый отдыхал, второй, конечно, говорил стихами о том, что было. Будет. Есть. Держись за данное и взмыленное слово: на станциях нас догоняет жизнь и убивает, словно Льва Толстого.

Идущий без зонта и босиком по крышам привокзальной черепицы дождь в окна бьёт им ломаным крылом и исчезает в сторону столицы купеческой, где выше куполов котируются акции Газпрома; где власть сидит меж птичьих двух голов сиамских близнецов – Фомы с Ерёмой; где каждый – и банкир, и трудовик – на сале глянца с чернью жарят порно; где памятник себе впотьмах воздвиг Никитка-царедворец из попкорна.

Да мало ли о чём, чего не счесть, они в пути вдвоём не размышляли. О том, как отстояли россы честь, и как уподоблялись сами швали. Серпом ли свастикой косили б нас, Бог возвращал России дух и милость. Затем с любовью вспомнили Кавказ: ужели там ничто не изменилось! со времени их ссылок, с той поры, когда Тамара в Терек эдельвейсы бросала? Но в ответ раздался взрыв – Сапсан сошёл, корёжа судьбы, с рельсов.

...Как небо рвёт на части облака! Как безучастны солнце, птицы, сводки!.. А на столе полупустой стакан, и пустота горчит сильнее водки. Не вытеснить её, но грудь тесна, и к горлу подступает... Хоть явитесь во сне. Так безутешна ночь без сна. Как запоздалы выплаты правительств! Отечество! Глаза снедает дым. Но сладок он, скажу тебе, едва ли. Здесь будет всё: бабло, тепло родным. Но тех двоих... Двоих не опознали.

Когда часы длиннее дня, а мысли слов короче, и все будильники звонят тебе «спокойной ночи»;

когда гранит устал ты грызть, раз серость выше радуг, где глупость, зависть и корысть насильничают правду;

когда по рёбра в полынье завяз на пару с бесом, иль ищешь истину в вине, а стыд отправил лесом;

когда горят твои мосты над ледяною бездной, а друг шепнул тебе «остынь», и ты ему не съездил...

Тогда сверяй часы, ножи в диапазоне меццосопрано. Верь, твой путь лежит до остановки «Сердце».

Господа – потому что так модно. Джентельмены – поскольку здесь паб. Завсегдатаи нищих бомондов. Никогдатаи глянцевых баб.

Наше время – в седьмом измеренье истекло, как слеза по стеклу невостребованных поколений в потребительском рае секунд.

У горл**а** свежий след харакири. За душой старых чувств пересуд. А над ней стопудовые гири. Не спилить, не проверить на зуб.

Значит, надо поддать ещё газу, надо выжать из солнца лимон, чтобы въехать в роллс-ройсе на Плазу, в замощённый толпой Гранд Каньон.

Та толпа, мой любезный Козлевич, не умней механической Гну: вечно требует хлеба и зрелищ, а ведётся на пряник и кнут.

Как всегда. Ты измерен, подсчитан, и помыт, и побрит как-нибудь. Скоро вставят всем в головы чипы; как баранов пометят – и в путь

в светлый рай с золотым миллиардом на Титанике, в креме-брюле... Что ж ты плачешь, Адам мой, не надо... Мы пропили последний билет!

Блудный дождь

Полдень палит из пушки, и ты идёшь в шелест листвы под тень городских аллей. Паром заплечным дышит вчерашний дождь. Солнце из чащи туч, как ручной олень, на поводке выходит, бежит вослед, но обгоняя, лижет рекламный шит: по тротуару цок - и ведро монет медных рассыпав и подобрав лучи, звонко смеётся многоголосьем лиц, птиц, площадей; зонтами дневных кафе мимо идёшь ты детских садов, больниц, школ, универа, рынка, как подшофе. Привкус свободы всё же горчит виной. Раз не отстал ты, так обогнал всех без права вернуться. Время тебе стеной... Ты б сквозь неё прошёл, но уже исчез.

Оборвана строка стихотворения и пауза за нею, как лассо, длинней, чем жизнь, но ближе, чем Каренина, застывшая меж рельсов и рессор скупого дня, где вточь по расписанию идут дела, минуты и дожди. Там, подчиняясь прихоти Дизайнера, прошли мы от любви и до вражды. Благодарю. Что сшито, стало порвано. Застыло циферблата шапито: жонглёры, акробаты, тигры, клоуны всё сжалось вдруг в обойное пятно. И, погружаясь в эту тьму обойную, как в паз обоймы - смазанный патрон, я - битый час - себе твержу: не больно мне. Лишь пустота теснит со всех сторон. В ней места нет для плача Богородицы под рявканье расстрельное команд. И медленно, тягуче долго взводятся курки секунд в похеренный роман.

Mostrieckasi rechitea

Анатолий ШЕРСТНЁВ

Северомуйск, Бурятия Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Письмо издалека

Дождина льёт, и ветра свист и вой Опять дают нелётную погоду. А знаешь, как мне хочется домой! К тебе, к друзьям, да и вообще – к народу...

Здесь только сопки – глянь туда, сюда, Тальник и стланик, чахлые берёзы. По профилям идти одна беда! И от тоски в глазах копятся слёзы...

Подруга у меня здесь лишь одна: И о тебе напомнит, и про город, Но и её печальная струна Не заглушает сердца лютый холод...

Печаль, гроза, откинутый полог – Я мир впускаю в воспаленный мозг... О, сколько мне идти к тебе дорог? Стекая с свечки, искрой капнул воск...

1982 г.

Мунку-Сардык (памяти друга)

Мы снова уходим, а ты остаёшься один В туманах белёсых и в росных слезах поутру. И здесь, у могилы,

средь горных манящих вершин, Границу пустую меж жизнью и смертью сотру.

Стояли мы рядом с тобою с печалью в глазах, И нервно инструктор страховку в руках теребил... Могила твоя на гранитных седых валунах Запомнится мне среди множества разных могил.

Вчера мы ещё, веселясь, говорили с тобой, Тянули верёвки и били по скалам крюки. Для жизни других ты пожертвовал смело собой, И больше с гранитных утёсов тебе не сойти...

А время опять набирает стремительный бег, И путь на вершины всё так же красив и тяжёл... Ты мир этот горный живущим оставил навек И поступью твёрдой

к нам в вечную память вошёл.

1983 г.

Галина КОМАРОВА

Темрюк, Краснодарский край Член Союза российских писателей.

Северо-Муйские рассветы

Посвящается издателям и всему творческому коллективу журнала «Северо-Муйские огни»

Журнал скрепляет узы братства И приглашает нас в полёт, Друзьям, как эхо, откликаться, Достичь невиданных высот.

Северо-Муйские рассветы, Северо-Муйские огни – В сердцах содружества поэтов И в ритмах музыки они.

Поэт живёт мечтой единой, Он твой соратник, друг и брат Родник души неотразимой, Как Дева-Муза чист и свят!

Порыв к вершинам вдохновенья, В гирляндах розовый рассвет, Прекрасных дум и рук творенья – Как мая праздничный букет!

Северо-Муйские напевы Разносят ветры по стране. Под клич журавушек и трели – И отзвук музыки во мне.

24.11.2015 г.

Возвратят руки матери детство

Посвящается всем матерям

Прилетит к нам Жар-птица из сказки, Прямо с нашего детства во двор. Удивит материнскою лаской И душевный начнёт разговор.

Над бумажным корабликом Ксюши Вновь взлетит в небо пущенный змей. И добавит в ранимую душу Календарных, из прошлого, дней.

Возвратят руки матери детство, По головке погладить спешат – Заболит повзрослевшее сердце И от счастья замрёт, чуть дыша.

21.03.2015 г.

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Олег СЛОБОДЧИКОВ

г. Иркутск

Историк. Член Союза писателей России.

Лауреат премии журнала «Москва» (2000), премии губернатора Иркутской области (исторический роман «Похабовы», 2011).

Где никого допрежь...

Глава из нового исторического романа «Первопроходцы»

Добрая половина ватаги, ходившей с Поповым и Дежнёвым к востоку от Колымы (1647 год), радовалась спасению душ и не хотела думать о новом походе. Отступники не смущали Федота, он не сомневался, что следующим летом наберёт людей сколько надо, после окончания промыслов, заложил со своеуженниками остов третьего коча. Пригодного для строительства леса было много, судно делали крепким и надёжным, чтобы, кроме товара и съестного припаса, можно было взять на борт до двух десятков человек.

По большой воде, пенящейся бурунами и водоворотами, три судна Федота Попова и три Бессонна Астафьева сплавились к Нижнеколымскому острогу. На приказе сидел всё тот же казак-первопроходец Втор Гаврилов. Челобитную, с просьбой повторно отпустить на Погычу торговопромысловую ватагу из шести кочей, он принял благосклонно, но покачал головой и почесал косматый затылок, когда приказчики попросили и на этот раз отпустить с ними государевым служилым человеком Семёна Дежнёва.

Ещё по весеннему насту Дежнёв вернулся с Алазеи с ясаком от тамошних юкагир и четырьмя десятками своих соболей. Втор Гаврилов посочувствовал невезению товарища, но взял с его добычи государеву десятину, как положено. Вера в милость Божью оставила Семёна. С простреленными ногами и рукой, с двумя рубцами на лбу, скрутившими кожу так, что выгоревшие брови были всегда удивлённо задраны, всё его счастье было в том, что жив. Ещё после прошлогоднего плаванья Дежнёв объявил Втору, что желает вернуться на Лену, и отправил в Якутский острог подписанную приказным челобитную с просьбой разрешить ему, увечному, вернуться на Русь.

Приказный сочувствовал, но прошлогодний дежнёвский посул с неудавшегося похода в сорок семь соболей был записан в окладную книгу, а после возвращения взят с казака не был. Приняв челобитную Попова и Астафьева, Втор стал уговаривать Семёна ещё раз попытать счастье.

– Что с того, что не повезло в прошлом году, нынче с Федоткой и Бессонном просятся полсотни своеуженников и покрученников. Даст Бог, найдёте богатые земли, государю послужите и себе что-то добудете.

Переминаясь с ноги на ногу, прерывисто и сипло набирая грудью воздух, Дежнёв взглянул на товарища сквозь нависшие на глаза волосы, скрывавшие шрамленый лоб, рассеянно пожевал и выплюнул ус.

- Я своё выслужил! Вернусь на отчину с тем, что Бог дал по грехам, построю дом...
- Какой дом? то улыбаясь, то досадливо хмурясь, заводил беспокойными глазами Втор. На тебе неправленая кабала за семь лет, а я должен взять прошлогодний посул. Вернёшься голодранцем и сразу на правёж.

Дежнёв помрачнел, резко вскинул голову, смахивая чёлку, обнажая отчаявшиеся глаза:

- Побойся Бога, мы ведь с тобой много лет выслужили. Неужели возьмёшь с моих крох ещё сорок семь соболей?
- Не самому же расплачиваться? Попов с Астафьевым сильно хотят, чтобы ты шёл с ними. А то ведь Семейка Мотора просится, обещает в казну сто соболей.
- Припёр! с претерпеваемой болью в лице Дежнёв опять шумно вздохнул всей грудью и согласился. Дам больше Моторы, но прошлогодний посул не в счёт?
 - Зачтётся в нынешний! согласился Втор. Даст Бог, вернёшься, с честью отпущу на Лену.

Вопрошающим взглядом сквозь чёлку Семён окинул целовальника Третьяка Заборцева, смущённо помалкивавшего при разговоре казаков, снова пожевал ус и пообещал против сотни соболей, явленной Семёном Моторой, – полторы, с тем, чтобы идти к Погыче с усовским приказчиком Поповым и с гусельниковским – Астафьевым.

На другой день он продал Федьке Катаеву всех соболей, привезённых с Индигирки, а деньги вложил в поход. Отступать было некуда. Семён Мотора, узнав, что Дежнёв обещал против его посула полторы сотни, нахлобучил шапку и с негодованием хлопнул дверью съезжей избы. Но в тот же день

ко Втору прибежал Герасим Анкудинов и предложил отправить вместо Дежнёва его, пообещав казне двести соболей.

Узнав об этом, Семейка Дежнёв побагровел от негодования и стал корить Втора, что тот принуждает к посулу, который невозможно выполнить.

– Или забыл, как Гераська Анкудинов с Ивашкой Барановым грабили торговых людей? – напомнил приказному.

Втор, плутовато посмеиваясь и почёсывая пятернёй бороду, сослался, что не может не принять челобитную на царское имя и радеет за государеву выгоду. Колымский целовальник Третьяк Заборцев опять отмолчался.

Страсти разгорались. Кабальный должник Дежнёва Герасим Анкудинов, почуяв заминку, предложил Втору отпустить его за двести сорок соболей. Потом набавил ещё сорок. Покладистый Семён Дежнёв вдруг разъярился, стал лаять приказного: тот не мог не понимать, что собрать столько соболей невозможно даже в самом богатом краю.

– Ты же знаешь, что государь не получит с Гераськи ни хвоста! Зачем потакаешь? – кричал. – Он и тысячу пообещает, что ему? По прошлогодней кабале не может со мной расплатиться: всего-то двенадцать рублей десять алтын с полуполтиной. Тебе бы, как приказному, поставить его на правёж, а не принимать несбыточные посулы.

Намёки на попустительство по службе Втора не смутили, он только приговаривал, что радеет за государеву прибыль, хотя глаза его блуждали и беспокойно прыгали по рубленым стенам.

Пригрозив приказному жалобой, Дежнёв выскочил из съезжей избы, заплатил писарю и тот написал с его слов, от его имени жалобную челобитную царю. Жаловался Дежнёв на Герасима Анкудинова, обвинив его не только в старых и нынешних грехах, но и в домыслах о нём. Втора Гаврилова с Третьяком Заборцевым он не упоминал, но без того было ясно, что приказный и целовальник потакают беглому янскому казаку.

С пламенеющим лицом при свидетелях Дежнёв подал челобитную Втору Гаврилову, тот почитал, постыдил товарища за смутные догадки, будто Герасим набрал три десятка самых беспутных людей, грозит торговых и промышленных бить, грабить и идти на Погычу самовольно, а там бить и грабить иноземцев, с которых Дежнёв собирался взять прибыль; будто торговые и промышленные Гераську с его людьми боятся и оттого идти с ним, с Семёном, на Погычу не хотят.

В челобитной была скрытая угроза приказному, который обязан усмирить Анкудинова, но не делает этого.

– Кто же тебе поверит, что шесть десятков хорошо вооружённых и снаряжённых людей боятся трёх десятков босяков? – обидчиво спросил Втор и посоветовал: – Может, перепишешь?

За написание челобитной было заплачено по ленским ценам – рубль. Так просто выбросить на ветер ещё один Дежнёв не желал.

- Отправляй, как есть! упёрся, бодливо глядя на приказного.
- Тебе ответ держать, вздохнул Втор и подписал челобитную.

Дело было сделано. Тяжба между Дежнёвым и Анкудиновым проходила на слуху у колымского сброда и становилась посмешищем. Гераська при Дежнёве ворвался в съезжую избу, молодецки подпёр бока кулаками, спросил, сколько соболей явил Семейка по последнему слову, и пообещал к тому посулу на семьдесят больше.

Втор Гаврилов положил на стол широкую ладонь с растопыренными пальцами и объявил:

– Не верю! С караваном пойдёт Семейка не за двести восемьдесят, как явил, а за двести восемьдесят пять. У него кое-что есть на чёрный день, а на тебе неправленая кабала и связчики на подбор: вошь в кармане блоха на аркане. Что с вас взять?

Торговые люди, снаряжавшие кочи своим подъёмом, с облегчением вздохнули и поддержали приказного. Поход намечался отчаянным, из которого без добытого богатства лучше бы не возвращаться ни Дежнёву, ни Попову, поскольку они вложили в предприятие всё, что имели. Бессон Астафьев также снарядил три коча и погрузил на них весь нераспроданный товар. Вместе со спросовыми у диких народов медными котлами, топорами, пешнями, колокольчиками, одекуем, он надеялся с выгодой продать за Камнем тринадцать компасов в костяной оправе, бараньи кафтаны, одеяла, варежки, чарки, рыболовные снасти, рубахи ярославские, красные кожи, медные пуговицы, холст, восковые свечи, перец, неводное прядено. Шесть пищалей, три винтовки, порох, двести пудов муки брали на себя его покрученники и своеуженники. Всё это по таможенной оценке стоило тысячу семьдесят три рубля.

Целовальником от торговых и промышленных людей, собиравшихся в новый поход, снова был избран Федот Попов. Один из бессоновсих кочей брался вести бывалый мореход и передовщик Афанасий Андреев, другой – сам Бессон, третий был доверен малоопытному в морском деле казаку Семёну Дежнёву.

Но распря между колымскими служилыми людьми на том не закончилась. Анкудиновский промышленный Пятко Неронов за двенадцать дней до похода подал Втору жалобную челобитную, что Семейка Дежнёв бранил его неподобной бранью, Сидор Емельянов и Иван Зырянин жаловались, что Дежнёв грозился их побить. Все они просили царского суда и старались задержать казака на Колыме. Семён же перед выходом подал исковую челобитную на целовальника Третьяка Заборцева, в которой требовал уплаты за семьдесят соболей.

К отплытию были готовы шесть судов с грузом и с шестью десятками мореходов, но желавших идти на Погычу было больше. Герасим Анкудинов, грозя Семёну Дежневу, метался по низовьям Колымы, прельщая торговых людей снарядить его в поход.

20 июня на Мефодия-перепелятника, когда Михей Стадухин в низовьях Индигирки ждал разводий и попутного ветра, а Василий Власьев, преодолев волок, шёл к Верхнему Колымскому зимовью, поставленному и оставленному прежним целовальником Петром Новосёловым, шесть судов при обычных торжествах и напутствиях пошли от Нижнего острожка правой протокой. Вблизи моря караван догнал большой коч, сидевший в воде почти по кромки бортов. Народа на нём было вдвое против разумного. Он пристал к борту бессоновского судна, которое вёл Семён Дежнёв, на его палубу перескочил Герасим Анкудинов и заявил, что идёт своим подъёмом. Представить государеву служилому человеку наказную память он отказался: я, дескать, и сам служилый.

Коч у Герасима был добрый и крепкий, явно принадлежащий торговым людям. Как он оказался у него, оставалось в тайне: Анкудинов об этом говорить не желал, в ответ на расспросы зловеще посмеивался. На его судне теснилось три десятка самых неудачливых колымских беглецов, крикунов и пропойц.

- Что с ними делать? растерянно развёл руками Дежнёв, спрашивая совета у целовальника.
- Что поделаешь? нахмурился Федот и глубже натянул шапку. Не пустить следом не можем. У нас они ничего не просят.

На том казак с целовальником сошлись: пусть идут куда хотят, за то им самим ответ держать, а мы их к себе не принимали.

Наконец задул попутный ветер, между коренным берегом и льдами появилась широкая полынья. С тем ветром Михей Стадухин вышел из устья Индигирки.

– С Богом, что ли? – волнуясь, взглянул на Пантелея Федот Попов. Тот огляделся по сторонам и согласился, что день для выхода благоприятный. Передовщик Афанасий, торговые люди и своеуженники поддержали их. Герасим Анкудинов со своими удальцами стоял в стороне, никого не торопил и, предусмотрительно, не выходил в неведомое первым.

На шести кочах были подняты железные и каменные якоря. Скинув шапки, мореходы запели молитвы, обычно читаемые перед выходом. Суда покачивали мачтами, течение реки и отлив повлекли их к морю. Люди запели громче и радостней. Ватага Герасима Анкудинова тоже сбилась в кучу, лужёные глотки беглецов заголосили, прося заступничества и доброго пути у Николы Чудотворца.

Федот нахлобучил шапку, махнул рукой Пантелею Пенде, чтобы старый мореход вёл судно первым. Ертаульный коч выгреб на ветер, белая борода Пантелея затрепалась на пол-аршина впереди лица. Его люди потянули фалы-дроги, над судном поднялся и вздулся, смазанный жиром, кожаный парус. Чуть зарываясь в волну тупым носом, обвязанным пучками прутьев, первый коч двинулся к восходу.

За поповскими шли бессоновские суда. Герасим Анкудинов скромно пристроился в конце каравана и вскоре вызвал одобрение опытных мореходов: его перегруженное судно, приспустив парус, легко перекатывалось с волны на волну и не отставало.

Обгоняя караван, по жавшемуся к воде небу неслись сырые облака, оседали влагой на одеждах и парусах. Ветер был свеж с коварными порывами и завихрениями, срывавшими брызги с волн.

– Не нравится он мне! – бормотал Федот и с беспокойством оглядывался на судно, которое вёл племянник Емеля.

Сказать вслух, что такой ветер зачастую переходит в бурю, он опасался и с надеждой смотрел на корму ертаульного судна, то опускавшуюся, то задиравшуюся на пологих волнах. Трепавшаяся на ветру борода Пантелея Пенды стала мешать старому мореходу и он затолкал её за пазуху.

Промышленные люди сидели вдоль бортов, поглядывали на отдалившийся берег – мрачные чёрные сопки, мшистую болотистую тундру и для укрепления духа читали молитвы. В большинстве они выбирались на Колыму морем, плаванье мало кому было в диковинку, но управлять судами могли немногие.

Вскоре раздался утробный вопль: Емелькина якутка исторгла из себя съеденное утром. Следом за ней свесилась за борт юкагирка Афанасия Андреева, с рыком сплёвывая тягучие слюни. Прожиточные своеуженники взяли в поход женщин, на что в старые времена среди промышленных людей был запрет. Их стало выворачивать первыми. Шутили над жёнками недолго. Лица одних промышленных были свежи, у других напряглись и посерели. Приглушенные, стыдливые звуки рвоты стали раздаваться и с других судов.

А ветер усиливался, круче и выше поднимались волны, пенились белыми гребнями. Кочи стало разносить, но все они были видны друг другу. Герасим Анкудинов, восхищая опытных мореходов, не только держался на плаву, но с удальством болтался неподалёку от Дежнёва и покрикивал, мстительно подначивая казака.

Так, без видимого солнца караван шёл к восходу дольше двух суток. Наконец на жёлтом тундровом берегу показался крест. Промышленные, ходившие в эти места с Исайкой и Пустозёром радостно закричали, указывая вход в залив, где можно было спрятаться от бури, которой все ждали и опасались.

С востока проход был укрыт скалами, по правому борту защищал от ветра низкий и плоский остров. Суда обошли его и оказались в просторном заливе. С полуденной стороны на воде покачивался

битый лед. На песчаной косе лежали обкатанные прибоем стволы деревьев. Удивлённые появлением судов, низко над водой носились многочисленные утиные стаи.

- Губа! указал спутникам на плавник Федот Попов. Где-то река с лесом, а значит с соболями, смутно намекнул на окончание морского похода и добавил: Надо освежить запас воды.
- Слава Богу! с облегчением перекрестился кормщик Дежнёв. Он не был новичком в море, но впервые вёл судно сам. Тут нам буря не страшна! скинув шапку, поискал глазами восток.
- Здесь у нас была мена! торопливо рассказывал пустозёрский промышленный. А на острове много костей: оленьи рога и бычьи головы, осмотрелся по сторонам, желая с чем-нибудь сравнить, и указал на бочку с водой: Такие! А то и боле!

Семь кочей под вёслами неспешно уходили вглубь губы, люди внимательно высматривали берега. Оголодавшие анкудиновские беглецы бросили якорь и начали ловить рыбу. Гусельниковские суда встали неподалёку от них. Федот Попов, высматривая разводья в плавучих льдах, направил свой коч дальше, к реке. Емеля и Пантелей повели суда следом. В поисках устья они болтались на воде несколько суток, пока их не нагнали остальные суда.

Издали устье реки заметить было трудно. Сначала показалось селение с кожаными лодками на песчаном берегу, с полуземлянками из плавника и костей, затем открылась река, загородившаяся двумя песчаными косами. С береговых озёр с отчаянными криками налетали чайки, из воды высовывались чёрные и глазастые нерпичьи головы. Было тепло, и сеял мелкий дождь.

Река впадала в губу многими заболоченными рукавами. Устье густо заросло ивняком. Лёгкие лодки с судов Попова поднялись до пресной воды и наполнили берёзовые бочки. В то же время промышленные люди Бессонна Астафьева с казаком Дежнёвым высадились на сушу, чтобы осмотреть селение. Едва они подошли к нему из-за землянок полетел град камней и стрел. Промышленные отступили к воде и для острастки дали залп. Порезать кожаные лодки здешних жителей Семейка не дал. Под насмешки Анкудинова его люди вернулись к кочам.

- А дозволь нам сходить на погром! - крикнул Анкудинов, с удальством указывая на своих голодранцев, ловивших рыбу.

Едва поставив сеть, они уже выпутывали из ячей жирных гольцов. Их коч был обвешан распластанной юколой. Но Дежнёв приказал дождаться возвращения кочей целовальника.

Река оказалась явно не той, которую искал Федот Попов. Заправившись питьевой водой, он вернулся к судам, стоявшим против селения. К этому времени, кожаные лодки жителей таинственным образом исчезли.

Дежнёв снова послал на берег отряд промышленных людей, чтобы взять аманат. Вместе с ними пошли анкудиновские беглецы. Но землянки с кровлей, обтянутой толстыми кожаными ремнями, были покинуты. Из зарослей ивняка то и дело выскакивали толпы мужиков, похожих на чукчей с Чукочьей реки, в сторону охочих людей летели камни и тяжёлые стрелы с костяными наконечниками.

– Однако недружелюбно встречают! – с удручённым видом развел руками Дежнёв и велел возвращаться. Идти на приступы и аманатить ему явно не хотелось.

Анкудинов со своими голодранцами обшарил землянки и вынес несколько мешков вяленой рыбы:

– Давай, веди нас на погром! – корил Дежнёва. – Ты государев человек, не я!

Его люди, понуждая других промышленных следовать за ними, несколько раз высаживались на берег, пытались преследовать здешних мужиков, но те растекались по зарослям ивняка и тундре, преднамеренно завлекая преследователей.

Дежнёв стал пытать промышленных, ходивших сюда с Мезенцем и Пустозёром:

- Однако вы были здесь не с мирной меной?

Те упорно уверяли, что в прежнем походе не пытались аманатить и почти не грабили.

К этому времени установилась благоприятная погода. Рассеялись тучи, небо стало прозрачно-голубым, по вершинам далёкого хребта катилось ясное солнце, ветра не было, не было даже лёгкого движения воздуха, и на судах безжизненно обвисли паруса. Пока охочие двух ватаг и приставшие к ним беглецы думали, как подвести под государя здешний народец, на небе показалась тучка, всё замерло: умолкли даже крикливые гагары и чайки, перестала плавиться и пускать круги по воде рыба, стало тяжко дышать.

Задуло с полудня, со стороны гор, да так резко, что люди на судах вынуждены были схватиться за шапки. Ветер усиливался. Кочи поволокли якоря по дну и стали продвигаться к выходу из губы. Пенда сунул шапку за пазуху вздувшейся камлеи, голова его с длинными волосами и бородой превратилась в треплющийся флаг. Иные зазевавшиеся гребцы с тоской глядели вслед уносившимся шапкам, крепко держались за борта и лавки судов. С дежневского коча сорвало лодку. Она заскакала по воде, едва касаясь гребней кормой и носом.

Пантелею с его людьми удалось вытянуть якорь и развернуть коч по ветру. Погоняемый им, он без паруса помчался в открытое море. Глядя на него, другие суда последовали примеру старого промышленного и были выброшены из губы ураганом. Тут уже никто не думал, куда и как плыть: все заботы были лишь о том, чтобы удержаться на плаву, полагаясь на милость Божью и помощь Николы Чудотворца.

Буря отнесла кочи ко льдам. Опытные мореходы иногда заходили в них, спасались от волн. Такие заходы требовали большого умения и немалого везения, и пока Пантелей не решался на это,

гребцы устало висли на вёслах, стараясь не упускать друг друга из вида, суда лавировали между льдинами.

При солнце и безоблачном небе резко начавшаяся буря так же неожиданно закончилась. При безветрии еще гуляли волны и скрежетали льды. Вдоль едва видимого берега открылось широкое разводье чистой воды. Отдохнув, мореходы опять налегли на вёсла, выгребая ближе к суше.

Скалистые сопки мыса, мимо которых кочи вышвырнуло из губы, остались за кормой. По левым бортам, до края, расстилалось море с плавающими льдами, по правым, в полутора верстах, сколько хватало глаз, виднелась тундра, изрезанная мелкими речками, озёрами. Подойти к берегу не позволяла глубина. Дул лёгкий попутный ветер, потрёпанные кочи подняли паруса и продолжили путь на восход. Впереди опять шёл поповский коч под началом Пантелея Пенды, борода старого сибирца колыхалась, указывая направление. Замыкал караван Герасим Анкудинов.

– Ещё верных трое суток прошли от губы, – с недоумением переговаривались на судах. – Где Погыча?

Всем было понятно, что сутки в море не мера пути: волны, ветер, течения могут как погонять, так и сдерживать, и всё же со дня на день люди ждали увидеть устье реки и конца плаванья, но в море падали только ручьи и мелкие речки. Стала пропадать за кормой и равнина, которой, казалось, нет конца. Берег стал круче и скалистей.

Вскоре с моря было замечено селение. Вода в бочках кончалась, припас вяленой рыбы тоже, нужно было подойти к устью речки неподалёку от селения, чтобы запастись свежей водой. Кочи вошли в залив, встали на якоря, спустили на воду лодки с пустыми бочками и подарками для инородцев. Но едва приблизились к суше, на них беспричинно напали здешние жители. С кочей стали стрелять и отогнали их, но воду пришлось брать солоноватую.

- Мезенец с Пустозёром озлили их всех, что ли? ругался Федот Попов, пристально оглядывая берег. Отчего никто не хочет торговать?
- Вот и я думаю, неспроста это! поддакнул Дежнёв со своего судна. Третье селение проходим везде одно и то же.

Рыба в море не ловилась, возле судов крутились и фыркали нерпы. По ним стреляли из пищалей, ранили, но добыть не могли. Анкудиновские беглецы голодали. По христианскому состраданию поповским и астафьевским людям пришлось делиться с ними хлебом.

Кочи подошли ещё к одному селению с землянками из камней и костей, у воды лежали большие байдары. На приглашение торговать и эти жители стали пускать стрелы, метать камни из пращей. Взять у них аманат или ясырей не удалось.

– На кой они нам? – с раздражением вразумлял попутчиков Пантелей Пенда. – Надо идти пока Бог даёт попутный ветер. Не упомню такого везения в погоде, как нынешнее. Не упустим – дойдём до Погычи!

Дежнёв охотно соглашался, что задерживаться из-за пустячного торга и ясака не стоит. Анкудинов же зловредно корил всех, что не радеют государю, не подводят под высокую руку здешние народы. И снова суда шли в виду берега, пока не открылся залив, перегороженный торчавшими из воды камнями. Место походило на губу, образованную устьем большой реки. Она расширялась, имела несколько глубоких заливов. Здесь тоже были селения. Кочи нашли устье небольшой речки, не похожей на Погычу. Это так расстроило мореходов, что лежбище моржей и заморная кость, найденная при отливе, не сильно их обрадовали. Один только Пантелей восторженно оглядывал окрестности и не мог скрыть душевной радости.

– Надо спешить! – поторапливал. – Здесь явно нет соболя. А ветер попутный! – глаза его горели, пальцы рук нетерпеливо сжимались в кулаки.

Федот понимал его. О том, что до ледостава уже трудно вернуться обратно, на Колыму, понимали многие, но вслух об этом не говорили. Быть же застигнутыми зимой в таких безжизненных местах не хотелось никому. «Соберём кость на обратном пути!» – решили передовщики и согласились, что иного пути как на восход у них нет.

Суда вышли из залива и снова подняли паруса. Горы подступали всё ближе к воде, волны бились о чёрные неприветливые скалы, крутые и отвесные. Между тем потемнело небо, попутный ветер стал усиливаться и вскоре задул, поднимая крутую волну. Началась буря. Шторм не унимался трое суток. Серое небо стелилось по воде, ложилось на верхушки мачт. За низкими тучами потускневшей медью мерцало солнце.

Изнемогая от усталости, Федот передал руль своеуженнику Осташке Кудрину и прилёг. Спал он глубоко и не сразу очнулся, когда почувствовал, что трясут за плечо. Открыл глаза, увидел в сумерках склонившегося над ним спутника с мокрой, выбеленной солью бородой.

– Необходимый Камень то ли кончился, то ли повернул к полудню. Нас уносит на восход, к островам.

Федот поднялся, схватившись за растяжки мачты, стал смотреть за корму – чёрные скалы удалялись. Коч Герасима Анкудинова болтался в полёте стрелы, зарываясь носом в волны. Время от времени они захлёстывали его борта. Шапками и кружками беглые мореходы отчерпывали воду. Сам Герасим неутомимо маячил на корме. Другие суда разбросало по сторонам, но все они были видны.

Федот достал из кожаного мешочка маточку-компас, посмотрел на заплясавший наплав. Суда несло на юго-восток от Необходимого Камня. Герасим махал ему рукой, указывая на острова. Передовщик отодвинул плечом Осташку, встал к рулю, приказал измотанным, пугливо озиравшимся

людям поднять парус. Гребцы перестали грести против ветра к видимому берегу, устало отдаваясь ему и волнам. Иные пытались и не могли отодрать от вёсел скрюченные пальцы.

Коч Попова с приспущенным парусом пошёл к островам, Дежнёв и Анкудинов последовали за ним. Следом двинулись Бессон Астафьев и Афанасий Андреев, с полуночной стороны приближался коч Пантелея.

Был август, круглосуточный день менялся ночными сумерками. При неясной видимости суда вошли в укрытую от волн бухту, борт к борту встали на якоря. Гребцы попадали возле своих мест, не имея сил сушиться.

– Караул по часу, – присел на корме Федот. – Я первый! Всё отсырело, надо бы фитили просушить, да дров нет, – подумав, он решил не мучить людей, не отправлять на берег за плавником: – Суши фитили и подсыпку за пазухой! Отдыхать всем!

На его судне были две фузеи с кремневыми замками. Он поставил их рядом с собой, проверил кремешки, подсыпал сухого пороха на запалы. До берега было саженей двадцать, глубина позволяла не опасаться отлива, но надо было следить за якорным тросом.

Перебарывая усталость, Федот разглядывал угрюмые безлесые скалы. Суша походила на остров, хотя могла быть и продолжением Камня, возле которого так долго и трудно шли на восток. Пролив никак не походил на устье многоводной реки, хотя, в низовьях Лены другой берег тоже не всегда разглядишь. Льдин на воде было мало, но много их лежало на суше: принесённые ветрами, выброшенные прибоем, одни чернели обкатанными боками, другие поблескивали сколами.

Федот то и дело ронял голову на грудь, перед взором пролетала какая-нибудь нелепица, из чего понимал, что недолго спал, заставлял себя встать, ходил по борту, перешагивал на другие суда и обходил их. Укрывшись парусами, одеждой, одеялами, повсюду корчились от сырости спавшие люди: храпели, сипели, кашляли, стонали.

Пару раз перевернув склянку с песочными часами, Федот разбудил Семёна Дежнёва и с наслаждением укутался сырым меховым одеялом. Пока он стоял на часах, рубаха и кафтан подсохли на теле, вскоре потеплело и стало греть одеяло. Федот вытянул ноги и провалился в глубокий сон.

Проснулся он оттого, что его опять трясли за плечо. На карауле стоял бессоновский своеуженник Елфим Меркурьев. Спросони он показался Федоту весёлым и удивлённым: смотрел кудато за борт, указывая одной рукой, другой толкал целовальника.

Попов поднялся, щурясь. Рассвело. Из-за низких туч не понять было, какое время суток. На берегу, возле кожаных лодок толпилось полтора десятка людей в одежде из кож и птичьих перьев. Их лица были покрыты узором татуированных родовых знаков, как у тунгусов, а из губ, ниже уголков рта торчали клыки.

Федот крякнул от удивления, протёр глаза. Береговые люди не показывали признаков враждебности. Судя по всему, они приплыли на кожаных лодках, которые сушились на камнях, перевёрнутые вверх дном. Попов с укором взглянув на Елфима, перекрестился:

- Всех перерезать могли! - шепеляво пробормотал иссохшим во сне языком.

В голове оживали воспоминания о старых сибирских сказителях, говоривших про безголовых, одноногих и одноруких, со ртом меж лопаток – каких только сказок о неведомых землях не бытовало в его юности.

- Руками машут, торговать зовут! смешливо взглянул на него Елфим.
- Буди Семейку! приказал целовальник, стряхивая с глаз остатки сна.

Любопытство оказалось сильней усталости. Один за другим поднимались промышленные люди и беглецы Герасима, продирали глаза, таращились на инородцев, а те миролюбиво переминались возле своих лодок, махали руками и показывали причудливые раковины.

– Спусти-ка нашу лодку, – приказал Федот племяннику, – возьми бисера, корольков, да посмотри их товар, – обернувшись к Дежнёву, таращившемуся на диковинных людей с соседнего судна, спросил с усмешкой: – Аманат брать будешь?

Тот, смущённо хмурясь, поёжился:

– Так ведь не знаем, что у них, сколько их и чьи, – пробормотал, оправдываясь.

Сквернить первую встречу с неведомым народом Семейке явно не хотелось. На пару с Елфимкой Меркурьевым в лодку сел бессоновский промышленный Фома Семёнов.

- Буду глядеть на вас с коча! - напутствовал их Семён Дежнёв, - если что, пальну картечью.

В другой лодке, с разинутым до ушей ртом, плыл Емелька Степанов. С судов за ними пристально наблюдали спутники с ружьями при тлевших фитилях. Это ничуть не смущало зубатых людей: похоже, они не знали огненного боя.

Емелю с покрученником и Елфима с Фомой они тесно обступили всей толпой, восторженно завыли, увидев бисер и стеклянные бусы, стали совать свой товар: раковины, шкуры птиц, стрелы, наконец, догадались предложить несколько моржовых клыков средней и малой величины. Мена стала налаживаться.

Посланные вскоре вернулись, а зубатые всё не расходились, восхищённо разглядывая бисер и корольки.

- Зубы у них не настоящие! поднимаясь на борт, пояснил любопытным Емеля. Дыры в губах, а в них вставлены кости... Показали нам, что вокруг вода. Значит, мы на острове.
 - А товар бросовый. Кроме моржовой кости брать нечего.

Инородцы, поняв, что торг закончен, сели в кожаные лодки и стали выгребать из залива, бесстрашно болтаясь на волнах.

- Вдруг рыбий зуб привезут на мену, разглядывал полученные клыки Елфим. Маловаты. А меньше брать не велено. Я им показывал, что большие нужны, похоже, поняли. Бисер-то охотно берут. Фома Семёнов, поглядывая на Емелю, прыскал со смеху:
- На Емельку пялились, улыбались душевно, в зятья примеряли. Может, высадим? Приплывём лет через двадцать, а тут все рыжие.
 - А что? с удальством отвечал Степанов. Высаживайте, если дядька позволит!
 - А якутку кому?
 - Не пропадёт! Жёнка добрая и не брюхатится.
 - Выбираться надо, чтобы не зимовать среди камней! не принимая веселья, напомнил Федот.
 - Куда? с горькой усмешкой спросил Фома.

За Федота ответил Пантелей:

 Да теперь уже только в одну сторону. Обратный путь заказан: через две недели на устье Колымы встанет лёд.

Люди смущенно примолкли, услышав то, что было на уме у всех. Нечаянное веселье стихло. Такого долгого пути к Погыче никто не ждал.

Зубатые люди наведывались в залив несколько раз. При высокой волне и сильном ветре они бесстрашно ходили по морю на больших кожаных лодках. В каждой было по десять-пятнадцать гребцов, очень слаженно работавших вёслами. Бисер и корольки потрясали их красотой, Емеля – своим видом, но больших моржовых клыков они везли мало.

Едва стих ветер и улеглись волны, все семь кочей вышли из залива на гребях и направились на закат дня, к темневшей полоске коренной земли. В туманной хмари, снова завиднелись вершины гор. Льдин в море было мало. Дождавшись попутного ветра, суда подняли паруса.

В сумерках августовской ночи, на руле впереди идущего судна стоял сам Федот Попов. Его покрученник, бывший на носу судна, вдруг завопил. К нему кинулись все, кто бодрствовал. Другие, натягивая на ходу одежду, выскакивали из жилухи.

Люди не сразу поняли, что видят, а потому крестились, вглядываясь в неведомое. На воде лежал огромный кит. Он не шевелился и не пыхал воздухом. Впереди него другое чудище шевелило лапами и тянуло тушу в ту же сторону, куда шли кочи.

Федот повёл судно в обход кита, и его люди увидели, что чудище – это огромная кожаная лодка. По виду в ней сидело больше полусотни человек, они слаженно гребли вёслами и тянули за собой тушу. Ни такой огромной рыбины, ни такой лодки никто из мореходов прежде не видел.

При догнавших их кочах дикие люди бросили вёсла, ощетинились копьями и костяными луками, показывая, что готовы обороняться. По виду оружия это были чукчи. Несколько стрел воткнулись в борт. Федот велел не отвечать стрельбой и пройти мимо. Суда обошли инородцев с их добычей, те снова налегли на вёсла, продолжая тянуть тушу к берегу.

Скалы стали приближаться. Кочи правили к тем местам, откуда были унесены к острову. Здесь было много плавучего льда, иные заливы оказались забиты им. У чёрных скал, покрытых мхом, суда кидало придонными волнами, они то и дело рыскали, не слушаясь руля и вёсел. Гребцы, выбиваясь из сил, мысленно молились и высматривали расселины, по которым можно выбраться на сушу.

Здешний берег круто уходил на юго-запад, а суда сносило ветром прямо на камни. Гребцам приходилось налегать на вёсла, чтобы не быть выброшенными на них. Своей силой быстрей всех ходил коч Григория Анкудинова. Благодаря многолюдству он вырвался вперёд, высматривал место возможной стоянки. Вдруг его ладный торговый коч так резко остановился, что сорвалась с варовых ног и упала к носу мачта, сидевшие за вёслами гребцы повалились.

– Отпрядыши! – закричал Федот, махая рукой, чтобы другие держались дальше от берега.

Очередная волна сперва отхлынула, обнажив чёрное днище коча, затем приподняла его над подводным камнем и бросила к скалам. Судно стало быстро погружаться в воду. Гребцы, кто стоя, кто сидя, изо всех сил налегали на вёсла, пытаясь подвести тяжелеющее судно к мели. Следующая волна прошлась по палубе.

– Помогайте, братцы! – закричал Герасим.

Его люди побросали вёсла, стали отвязывать лодки, но они не могли уместить и четверти ватаги. Между тем шесть кочей сбились в кучу и качались на волнах, отгребая от скал. Семейка Дежнёв вертел головой по сторонам и кричал:

- Спасать надо!

Федот обернулся к Пантелею. Тот передал руль кому-то из подручных людей и стоял на носу с шестом. К нему под борт подвёл своё судно Афанасий Андреев. С того и другого спустили лодки. Два коча с большими предосторожностями приближались к тонущим. Анкудинов резал тросы и кидал в свои лодки, в которых уже сидели его люди. Они подгребли к ближайшим судам Попова и Дежнёва, освободились от груза и промокших людей, по одному гребцу в лодке вернулись к кочу, который со скрежетом било о скалы.

Федот спустил на воду свои лёгкие берестянки, они засновали по пологим волнам, вывозя терпящих бедствие. Последним поднялся к нему на борт Гераська Анкудинов. Злой, как бес, отыскал дурным взглядом одного из промокших, стучавших зубами товарищей, резким ударом хлестнул по его лицу.

- Я зачем тебя ставил на шест? - заорал, размахивая руками.

Побитый спрятался за спинами столпившихся товарищей, выискивая защиты от разъярённого атамана.

- Что бросили? через борт спросил Анкудинова Дежнёв.
- Одеяла, одёжка, харч, парус... Пока волна не уляжется, как достанешь? Якорь! отчаянно вскрикнул и хлестнул себя по лбу мокрой ладонью. Железный, два пуда!
 - Якорь бросать нельзя! согласился Федот.

Два перегруженных людьми коча, его и Дежнёва, отгребали от берега к другим, качавшимся на волнах. Спасённые стали перебираться, распределяясь по ним. С судна хотел улизнуть незадачливый вперёдсмотрящий с лиловым синяком под глазом. Анкудинов схватил его за ворот парки:

- Куда? Плыви за якорем! Ишь, сам-то успел одеться.
- Один, что ли? жалостливо всхлипнул тот, оглядываясь на товарищей. Я же мокрый. Околею!

Одному снимать якорь даже Герасиму показалось делом невозможным.

Со мной пойдёшь! – рявкнул, и стал спускаться в лодку, привязанную к борту.

Ценный якорь был вывезен, посиневшие от холода люди втянуты на борт поповского коча. Им дали сухую одежду и позволили отдых. Шесть судов с предосторожностями продолжили путь, выискивая место для стоянки и отдыха. Запас дров кончился – сушиться было нечем. Между тем, пришлось идти на гребях вдоль берега ещё день и другой, пока караван не вошёл в просторный залив. Берега его были низменными, покрытыми тундровым мхом.

Укрывшись от ветра и волн, кочи встали на якоря. От бортов к суше засновали лодки с бочками для пресной воды, с плавником. На небольших, но многочисленных береговых озёрах ещё кормились сбившиеся в стаи утки. Промышленные набили птицы, наловили рыбы, на судах задымили очаги, люди стали готовить горячую пищу.

Отдохнув, промышленные пошли вдоль берега в поисках устья реки. Просторный залив с редкими вольно плавающими льдинами открылся за мысом. Один за другим кочи вошли в его спокойные воды. Уставшие гребцы в одной из бухт заметили много больших байдар и полтора десятка юрт, сложенных из камня, на скале – крепость из китовых костей. Кочи встали на якоря. Семён Дежнёв, вздыхая и почёсываясь, готовился идти говорить государево слово и требовать ясак.

- Может, для начала поторговать!? - тоскливо взглянул на Федота Попова.

Тот, пожав плечами, ответил:

– По мне так и вовсе никого ни к чему не принуждай. Захотят, сами попросятся под государеву руку.

Но чукчи, увидев кочи, выскочили из юрт в деревянных и костяных латах с копьями и луками, воинственно закричали, размахивая оружием. Суда Попова и Астафьева выбрали якоря, отошли от селения, встали в стороне.

- Ну! Иди, давай! подстрекал Дежнёва Анкудинов с поповского коча. Говори государево слово! А мы, если что, на погром!
 - Сперва торг! твёрдо объявил Дежнёв, тряхнув нависшей чёлкой. Потом, как Бог даст!

Федот сложил в лодку ходовой товар: бисер, корольки, топоры, железные полицы, которыми укрепляли щиты якуты. Со своим товаром собрались плыть своеуженники: Осташка Кудрин и Юшка Никитин. Все вооружились, надели брони и шлемы, взяли щиты-куяки. Вид береговых чукчей не предвещал ничего хорошего. Племянника Емелю Попов оставил вместо себя, за старшего.

Трое с товаром сели в лодки. Двое высадились на берег, один вернулся и переправил ещё двух своеуженников. С бессоновского коча к тому же месту поплыли для торга Фома Семёнов и Елфим Меркурьев. Остальные наблюдали за берегом, с ружьями наизготовку. Над людьми Дежнёва тоже курился дымок тлевших фитилей.

Сошедшие на берег сложили на камнях часть товара и отошли к лодкам. Не бросая оружия, к обменному добру подошли два десятка мужчин, загалдели, обнадёживая торговых людей, но, вместо того чтобы положить против понравившихся вещей свои, стали метать в гостей камни, копья и стрелы. Торга не получилось.

С судов загремели выстрелы. По воде заклубился пороховой дым. Три десятка анкудиновских беглецов яростно завыли, сели в лодки, стали выгребать к берегу. Две толпы сшиблись с лязганьем оружия. Чукчи не выдержали рукопашного удара, побежали к землянкам. Вольница ринулась следом. Дикие укрылись за камнями, стали осыпать нападавших стрелами. Пущенные из тяжёлых костяных луков, они пробивали брони. Камни, брошенные пращами, гнули куяки и сбивали людей с ног.

Федот Попов был ранен в первые минуты боя, поскольку оказался впереди всех. Осташка Кудрин положил его в лодку, побросал туда же товар и торопливо выгребал к кочу, с которого уже не стреляли, бегали вдоль бортов и тушили огнива, пущенные зажжёнными стрелами.

Чукчей отогнали от селения. Одни из охочих людей рубили и резали их лодки, другие обшаривали каменные юрты. Хозяева осыпали их градом камней. Долго держать такой удар беглые казаки и промышленные не могли и стали отступать к воде с добычей: одеялами, копьями, с рыбой и мясом. Кроме всего нехитрого добра на погроме были взяты три женщины. Одна отдалась без сопротивления, две другие визжали и вырывались.

Кто на лодках, кто по пояс в студёной воде – погромщики кинулись к судам. Семейка Дежнёв продолжал стрелять, не подпуская чукчей к воде. К нему присоединились люди Афанасия Андреева и Бессонна Астафьева. Как только ходившие на берег поднялись на суда, они стали отгребать от берега.

Погода портилась. Ветер усиливался, но был пособным. На судах подняли паруса и стали уходить на полдень. Увидев отдалявшееся селение, одна из ясырок бросилась в воду. Она не утонула, но погрузилась по грудь и, помогая себе руками, стала выбираться к суше. Другая, глядя на неё, перестала вырываться. Её держал за руку Фома Семёнов, он добыл девку в бою. Третья, приветливо улыбаясь, что-то лопотала.

Кочи всё дальше уходили от немирного селения. Федот Попов, превозмогая боль, вспорол ножом кожу на бедре, вынул костяной наконечник. Емелина якутка пережала ему какие-то жилы и остановила кровь. Рану в неудобном месте, как могли, перетянули лоскутами разодранной льняной рубахи. Попов, бледный от потери крови, едва дополз до своего места в жилухе и слёг.

За мысом пологий берег опять повернул к закату, и стал едва виден в редкой темени подступавшей ночи. Ветер плескал крутыми, невысокими волнами, которые шумно шлёпались о борт. Пантелей попытался поставить коч на якорь. Герасим Анкудинов, сменивший на корме поповского судна Осташку Кудрина, сделал то же самое и выпустил трос на всю длину, но якоря волочились по дну.

– Людей много, выгребем! – бесшабашно крикнул, кося плутоватыми глазами на корму дежнёвского коча.

Меняя друг друга, гребцы всю ночь удерживали суда в виду темневшей полосы суши. К утру разъяснились невысокие, извилистые берега, обсыхающие при отливе отмели. Промокшие и продрогшие люди увидели, что находятся в широком заливе, который мог быть губой.

Ещё сутки суда продвигались на вёслах, но ничего похожего на устье реки не было. Впереди шёл поповский коч с Герасимом Анкудиновым на корме, за ним следовал Семён Дежнёв, подобравший половину его людей. Впереди показалась гора с чёрными скалами, подступавшими к полосе прибоя, за ними тянулась долгая песчаной отмель. Вблизи гребцы увидели с десяток лежавших на ней моржей, ещё столько же плескалось в воде.

- Вот ведь, соблазн! крикнул Герасим, указывая на них. Одного зверя хватит, чтобы насытиться всем. Отощали на рыбе, потрепал ослабший кушак.
- И то дело! согласился Емеля, услышав его с другого коча. Он держался ближе всех к берегу, окликнул Юшку Никитина: Пальни картечью, только наверняка, тихо подвёл коч к отмели, так, что под днищем зашуршали песок и окатыш. Непуганый морской зверь таращился на него, как на диковину. Юшка с двух саженей выстрелил в клыкастую морду. Дым рассеялся, зверь бился на небольшой глубине. Другие скрылись под водой, лежавшие на песке ползли к морю, помогая себе клыками.

Емелины гребцы вытолкали коч на безопасную глубину и встали на якорь. Рядом с ними становились другие. Песчаное дно держало суда на месте. Люди стали спускать лодки, чтобы набрать берегового плавника и обсушиться. Осташка Кудрин с Юшкой Никитиным, по пояс мокрые, пытались вытянуть на песок тушу моржа. К ним присоединился десяток доброхотов с других судов.

Едва ли не с первых шагов песчаная отмель потрясла высадившихся на неё людей. Те, что вытягивали на сушу убитого моржа и елозили по песку ногами, вскоре бросили тушу и стали рыться в песке. Осташка распрямился, ополоснул находку в воде и поднял над головой:

– Заморная кость! – закричал. – Коричневая, сама дорогая!

Пока он кричал и размахивал зубом, показывая его Емеле, другие находили клыки крупней: в четверть пуда и больше.

– Да тут её столько, что можно загрузить все кочи! – плясали без вина пьяные промышленные.

Своеуженники, покрученники, беглые казаки высаживались на берег, выкапывали из песка жёлтые и коричневые клыки. Ласковая волна прилива весело бренчала окатышем. Те люди, что были в мокрой одежде, вскоре бросили это занятие и стали собирать сухой плавник. В стороне от кошки разгорелись большие костры. Возле них, приплясывая, сушились, пекли мясо убитого моржа, насыщались. Буйное веселье стихало, угасал удачный день, сквозь поблёкшую синеву неба проклюнулись первые звёзды. Самые ярые бросили рыть песок и стали готовиться к ночлегу, всё ясней понимая, что «рыбий зуб», валявшийся под ногами, только тогда может стать богатством, когда его доставят хотя бы на Колыму, а путь туда закрыт, по меньшей мере, до следующего лета.

– Семейка подведёт Погычу под государя, – снова стал весело язвить Анкудинов, – перезимуем и вернёмся богатеями...

Продолжение следует

Курт ГЕЙН

г. Бад-Вюнненберг, Германия

Член литературного общества «Немцы из России».

Курт Гейн родился в 1935 г. в республике немцев Поволжья. После семилетки, которую окончил в 1951 г. в селе Подсосново на Алтае, работал механизатором. После воинской службы (1956 – 1958) заочно окончил художественно-графический факультет Омского пединститута и до переезда в ФРГ (1992) преподавал в художественной школе родного села Подсосново.

Печатается в русскоязычных журналах и альманахах Германии. В России печатался в журнале «Дальний Восток», альманахе «Крещатик» и др. Автор книг малой прозы «Рассказы» и «Рикошеты пятого пункта», изданных на немецком и русском языках.

Рассказы

Раки

Стриженный под машинку белобрысый мальчик сидел на плечах отца, свесив ноги ему на грудь, которые тот крепко держал за щиколотки. Мальчик, обвив его лоб руками, смотрел вдоль заросшей травой прямой, широкой улицы с двумя узкими, пыльными колеями посередине и извилистыми тропками между дворами.

С такой высоты виден не только конец улицы, но и далёкий край степи, отчёркнутый синей, расплывчатой линией от изумрудно-золотистого неба. За ними, на противоположном конце улицы, оплывал на горизонте громадный, красный диск солнца. Всё кругом окутано горячим янтарным светом, а длиннющие, синие тени теряются далеко за околицей. Коровы уже пришли и, освободив улицу от шума и сутолоки, разнесли приглушённые звуки уходящего дня за прикрытые ворота. Дворы наполнились запахами горячих степных трав, сытой жвачки и улёгшейся пыли. Заскрипели колодезные журавли, загремели подойники, зашуршали струйки молока. Где-то громко смеются, в переулке с руганью разгоняют по домам неугомонную детвору, напротив натужно кашляет старик и далеко-далеко жалобно плачет ребёнок.

Отца не волнуют эти волшебные картины и звуки – занят разговором с дядей, который шагает рядом. О чём они говорят, мальчик не понимает, но знает, что все начальники из города любят говорить по-русски (uf rusisch). На приезжем белая гимнастёрка с красными петлицами и множеством значков на цепочках, синие галифе и высокие запылённые сапоги. Фуражку и ремень с кобурой он несёт в руке. Другой рукой он временами вытирал шею и лысину зажатым в кулаке комком грязного платка.

В конце деревни компания свернула и спустилась к большому пруду. Испуганные утки перелетели к дальнему берегу и с шумом плюхнулись на воду. Отец разделся, повесил на плечо большую рогожную торбу, которую вытащил из-под вороха прошлогоднего камыша и, оставив сына на берегу, вошёл в воду. Ага, раков ловить будут! Горожанин скинул сапоги и верхнюю одежду, в исподнем вошёл в пруд, прополоскал платок, развесил его на осоке и, подняв локти, пошёл за отцом к противоположному невысокому берегу.

Мальчик, усевшись возле одежды, наблюдал, как мужчины, переплыв глубокое место, медленно пошли вдоль берега, приседали, погружаясь в воду иногда с головой.

Уже поздние сумерки, но стайки уток ещё чётко видны на бирюзовом небе. По зеркалу плотной воды звуки скользят без помех, и ясно всё слышно. Из деревни доносится невнятный, затихающий гомон отходящих ко сну дворов. Далеко за камышами бухает выпь. В осоке бормочут, шуршат и вздыхают какие-то неведомые существа. В тёмной чаще рогоза громко заплескалась вода, кто-то ужасно заверещал и дико, по-кошачьи взвизгнув, шумно плюхнулся в воду. Всё замерло. Но через минуту опять тихо завозилось, заплескалось, заурчало. Было страшновато, но это ничего – скоро и он будет таким же большим и сильным, как папа, и совсем перестанет бояться. Чуть видно, как в темноте два расплывчатых светлых пятна шевелятся, и плеск воды слышится. Ловцы переговариваются, смеются, кашляют, захлебнувшись, и тихонько ругаются. Совсем темно стало, и множество звёзд замерцало в небе и задрожало в воде.

Громко фыркая и отдуваясь, мужчины выволокли на берег торбу, в которой шевелились и противно скрипели раки. Пропал звёздный лад на воде. Скрутив бельё приезжего в толстый жгут, смеясь и балагуря, досуха выжали его в четыре руки. Пока гость развешивал свои кальсоны и рубаху на прибрежных кустах, отец помог сыну быстренько раздеться и вместе с ним плюхнулся в парную воду.

Приезжий разложил костерок и, присев возле него, закурил, а купальщики баловались, брызгались и, сделав ладони ковшиком, гулко хлопали по тугой воде. Поддерживаемый отцом, сын плавал «по-собачьи», визжал от восторга и шумно бил по воде ногами, разбивая отражение костра в сверкающий сноп огненных брызг. Наконец уговоры уже одевшегося гостя угомонили отца и сына. Малец, попрыгав на одной ноге, чтобы вылилась вода из уха, припустил за мужчинами, нёсшими за лямки тяжёлый мешок с раками.

Мама встретила их стоя в освещённом проёме двери летней кухни. Зеленовато-бурых раков высыпали из торбы в большую корзину. Некоторые вывалились на пол и, шлёпая хвостами, скрипя страшными клешнями, пятились прочь от корзины. Мама подхватила сына и, боязливо поджав ноги, села на табурет. Мужчины, смеясь, переловили раков и вместе с другими отправили в большую

кастрюлю с кипящей водой. Мама с облегчением поднялась и подошла к плите. «Папа, а мама боится хоть и большая ведь», – сказал сын и снисходительно посмотрел на мать, сидя на высокой скамье за ярко освещённым столом. «Она женщина и раков, конечно, побаивается, но готовит их замечательно. И перца всегда в самый раз, и лавровый лист никогда не забывает и совсем редко пересаливает», - ответил отец, с улыбкой глядя на жену. Та попробовала варево и поспешно добавила в кастрюлю щепоть соли, кинула из пачки несколько лавровых листиков и потрясла перечницей над окутанной паром кастрюлей.

Наконец мама, слив воду, высыпала раков в таз на столе. Они стали красными и больше не скрипели. Ловцы, дуя на пальцы, ловко сдёргивали с шеек скорлупу и ели белое мясо. Малый тоже пытался добраться до мяса, но горячая жижа обжигала руки и текла в рукава. Его немножко поучили, как это надо делать, но, видя, что у него не получается, стали укладывать перед ним очищенные дольки. Вкуснота!

Мама вынесла целый таз скорлупы, а хозяин с трудом положил на вытертый стол громадный, полосатый арбуз. Гость даже крякнул от удивления: «Des is awr n`prächtige Schlaks!» (Какой великолепный верзила!) Папа большим ножом с треском расколол его пополам и нарезал крупными, толстыми ломтями. Запахло первым снегом и мёдом. Мать повязала сына полотенцем, но липкий сок всё равно потёк за воротник. Он утопил лицо в красной мякоти и вместе с семечками втянул в себя рассыпчатую сладость. Живот надулся, дышать стало трудно, но он попросил ещё кусок. Квартирант лукаво на него поглядел и спросил: «Willste wol heit Nacht fische gehe?» (На рыбалку ночью сходить хочешь?) Переведя дух, он ответил, что у него нет удочки. Посмеялись.

Утром проснулся рано. Было холодно и мокро. Сходил-таки «на рыбалку»! Давно уже этого с ним не случалось, ведь большой уже. Было стыдно, но мама папе не скажет, а диван, на котором ночевал приезжий, был уже пуст.

Степной оазис

Берёзовые рощи, колки, в засушливой Кулундинской степи растут там, где грунтовые воды близки к поверхности. От опушек к середине леска небольшой уклон – «блюдечко» получается. В центре этого «блюдечка» озерко. Чистое, прохладное. Дно песчаное, гладкое, твёрдое. По берегам рогоз и лебединая гречиха. Дальше камыш, потом кочкарник, заросший лозняком. Затем идёт кольцо тёмного гулкого осинника с костяникой понизу и, наконец, обруч светлых берёз с редким подлеском из акаций и шиповника. Роскошные поляны и опушки. Цветы ковром! Земляники прорва, и запах от неё такой, что собирать не надо – духом сыт. Порхающие бабочки вперемежку с искорками стрекозиных крылышек делают игру солнечных зайчиков ещё волшебней и ослепительней. Гудят шмели, и неумолчно стрекочут кузнечики, заглушая щебет птиц. Только короткая серебряная рулада иволги из мрачного осинника прерывает на миг этот непрерывный звон. Но всё это было давно, много лет назад, в волшебную пору послевоенного детства.

Потом люди почти везде угробили эту красоту. Рубили, корчевали, выкашивали, «веточный корм» заготавливали. Грузди граблями гребли, цветы охапками выдирали, земляничные поляны, и роднички скот затоптал. Ушла красота, пропал медовый аромат. Смолкли флейта иволги в чаще и стрекот кузнечиков на опушках. Духота, чахлость. Покой остался. Мёртвый...

Стоп! Назад, в сладкую память о детстве! Взрослые редко забирались в середину леса – топко, комарьё. Только мы, вездесущие мальчишки, пробирались иногда небольшой ватажкой до середины степного оазиса. И в одиночку я любил в жаркий полдень наведаться к озерку. Страшновато в глухом сумеречном осиннике! В кочкарнике топко и липко, в лозняке и камышах тесно. Комары, встревоженные вторжением, лезут в глаза, рот и нос. Скорей, скорей из тёмного, липкого, топкого! И вдруг, как в громадный радужный мыльный пузырь влетел – полусфера неоглядного неба с ослепительным солнцем не только над головой, но и под ногами в сказочном озерке дрожит, переливается! Стрекозы мельтешат над водой и чалят к торчащим из воды стебелькам, сверкая ёлочными игрушками. Ласточки на лету макают клювики в голубое бездонное озерко-небо. Кажется, что рогоз растёт и вверх и вниз, настолько чётко и ясно отражение. На его шоколадном початке сидит крохотная пичуга и безбоязненно смотрит на пришельца. Вдоль кромки растительности плывёт водяная курочка. Головка налево – толчок, головка направо – толчок. Замерла. Увидела чужака, сказала: «Кек» и... исчезла.

Здесь, на солнце, комаров нет. Снимаю рубашку и штаны, кладу на густой кустик и вхожу в озерцо. Ух! Пупок испугался прохлады, втянулся. Иду аккуратно, чтобы воду не взбаламутить. Чем ближе к середине, тем твёрже дно. Песочек, как частым ситом просеянный. Середина. Вода до подмышек. Делаю глубокий вдох, ложусь животом на воду и поджимаю колени. «Поплавок» сделал. Открываю глаза и оглядываю дно. Ага! Вот он, родничок. Прямо подо мной крутится спиралька песка. Делаю несколько глотков сладкой холодной воды и встаю на ноги. Вода прозрачна, как только что вымытое окно. Солнечные блики дрожат на золотом дне. Иду поближе к берегу, там интересней. Мошки-толкунцы над водой столбиком пританцовывают. Водомерки без аварий газуют во всех направлениях. Паучок выткал тончайшую, узорную сеть между двумя стебельками, а самого не видно, спрятался. Маленький зелёный лягушонок загорает, распластавшись на воде. Здесь мелко и вода теплее.

Погружаю лицо в воду и разглядываю подводный мир. Игра света в зарослях ещё прихотливей и фантастичней. Травинка облеплена пузырьками воздуха, а в каждом пузырьке жучок-паучок живёт. По чёрной мёртвой ветке ползёт страшное многоногое, глазастое страшилище. Караковый жук-плавунец гребёт прямо в открытое море. Всё. Пора расставаться с волшебным миром. Выбираюсь на опушку. Тётя и кузины, подремав в тени, уже тяпают картошку. Присоединяюсь.

Скачка председателей

В одном из вестернов, которые по пятницам всю ночь крутят по телевизору, белые переселенцы скакали на фургонах пять миль наперегонки, чтобы выиграть приз – ранчо в 15 тысяч акров пастбищ с водопоем. И напомнила мне эта лихая кутерьма и грохот в пыльной, бесконечной прерии другие гонки, в столь же бескрайней Кулундинской степи, осенью 1950 года.

У председателей колхозов в наших краях было заведено поздней осенью, собравшись в условленном месте, на семи-восьми упряжках объезжать поля и бригадные станы. Выбирали подходящий маршрут. Председатель «подконтрольного» хозяйства ехал впереди. Проверяли вспаханные поля, скирды соломы и сена, инвентарь, сложенный на зиму у полевых станов, крытые тока. Все хозяйства за день не объехать, и поэтому их выбирали по жребию. Завершался трудовой день в затишке у скирды, возле лесопосадки или на поляне берёзового леска. Отпускали чересседельник и чембур, разнуздывали лошадей, задавали овёс. На разостланные кошмы и брезентовые дождевики выставляли закуски: хлеб, старое сало, варёные яйца, лук, солёные огурцы, соль в спичечном коробке. И, ясное дело, у каждого четвертинка припасена. Выпивали, закусывали и судачили о делах своих председательских. Но перед этим пикником происходил ритуал, который зародился ещё до войны.

Каждый председатель являлся на эти смотры на лучшей лошади, в нарядной сбруе, впряжённой в рессорную кошеву, а то и в тачанку. Каждому хотелось похвастать статью, выносливостью и резвостью своих питомцев, да и свою удаль и мастерство показать. Места в степи хватит, хоть весь день скачи.

Мой отец, председатель колхоза, мягкостью нрава не отличался, был строг и немногословен. Однажды перед сном сказал мне: «Завтра в семь отъезжаем. Оденься потеплее». С нами поехал мой дядя, брат отца. Тоже председатель колхоза, тихий, робкий, хромой от рождения человек.

Едем вереницей. Остановятся, глубину зяби померят, помнут и пощупают солому в стогах – чисто ли вымолочено, ходят по стерне – есть ли потери. И дальше. Часа в три у посадки начали ставить упряжки в шеренгу лицом в степь. Что они затевают? Дядя шипит отцу: «Her uf, August! (Перестань, Август!) Как маленькие. В районе узнают – не сносить головы! Я сойду». «Сиди!» – коротко бросил отец.

Лошади встревожены, ушами прядут, рвутся с места. Наша пара, Лётчик и Ветер, храпят, фыркают, удилами хрустят. Отец опустил ремешок фуражки под подбородок, глаза блестят.

Вдруг протяжный крик: «Па-а-а-шёл!» Отец вскочил чёртом: «Эйя-а-а-а! Зве-е-ри-и-и!» Вопли, грохот, хлопки бичей! Я вцепился в боковину кошёвки и от страха и неожиданности разинул рот и глаза вытаращил. Слёзы от встречного ветра за уши текут. Дядя выпустил портфель из рук, хватает отца за полы развевающейся фуфайки и кричит: «Август! Ради Бога! Колесо слетит! Дурак!» От резкого толчка крик оборвался, и он схватил меня правой рукой за плечо, а левой вцепился за борт кошёвки.

Мы были крайние слева. Хорошо всех видно. День яркий, холодный. Рядом с нами держится заметный рыжий жеребец в белых чулках и лыской. За ним – большая гнедая лошадь. Остальные понемногу отстают. Крики и кнуты не помогают, отстают.

Отец ездит без кнута. Он стоит в ходке, широко расставив ноги, держа вожжи в высоко поднятых руках, и орёт время от времени: «Эйя-а-а! Лётчи-и-и-и-ик!» Он тянет это «и» долго и тонко. Папка мой – крестьянский сын, лошадей знает с детства, да и служил в конной артиллерии на Дальнем Востоке в 77-ом Немецком полку. Ездить умеет!

Мой испуг сменился восторгом. Я летел над степью под ослепительным солнцем рядом с оскаленной мордой красавца-жеребца! Его фиолетовый глаз был зол, он непременно хотел обогнать нас. Осенние паутинки блестели в его чёлке и гриве, пена летела с удил. Громадные ноздри с рокотом выталкивали воздух: «Хур! Хур!» Но тень свою синюю обогнать не смог. Она, трепеща, летела впереди, чуть слева, по золотой от солнца осенней степи. Медленно и неотвратимо жеребец отставал. Гнедая тоже ещё пыталась бороться, а остальные скакали лениво, лишь наблюдая за исходом борьбы.

Шуметь отец перестал. Фуражку с него сдуло, дядя выронил свой портфель, но всё это было теперь не важно. Все, в том числе наша пара, Лётчик и Ветер, поняли – игра сделана. Гордо и спокойно продолжают они свой бег по степи, стеля ровными волнами гривы по ветру...

Я уже не вижу суматоху на экране телевизора. Перед глазами та яростная скачка председателей в далёком детстве. Вижу рыжего коня, его злой глаз и паутинки яркого бабьего лета, искрящиеся рождественскими огоньками в его всклокоченной гриве и чёлке.

Елена ДУМРАУФ-ШРЕЙДЕР

г. Гезеке, Германия

Член литературного общества «Немцы из России». Дипломант Международного литературного конкурса им. В. Шнитке (2012), лауреат Международного литературного конкурса им. Р. Вебера (2013), дипломант международного конкурса «Лучшая книга года –2014» (Берлин). Редактор и оформитель тематического сборника стихов и рассказов «Строки, навеянные осенью...». Автор 9 книг прозы. Консультант по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни».

Муркины внуки

Рассказ

Дед Петро с раннего утра возился в своей столярной мастерской. Довольный, что жена ещё с вечера ему намекнула о необходимости заменить кроликам клетку и сделать её переносной, он с радостью взялся за работу. Это дело ему было куда более по душе, чем полоть в поле картошку, и старик старательно готовил рейки и перекладины для будущего кроличьего жилья. В его умелых руках рубанок мягко скользил по заготовкам и выбрасывал красивые душистые завитушки. Настроение было приподнятым, и он мурлыкал себе под нос знакомую с юности песенку «Мурка». Он иногда искоса поглядывал на широкую плетёную корзину, в которой на старом полушубке лежала кошка Мурка с тремя котятами. Каждый раз, когда Петро произносил в песне её имя, она поднимала голову и внимательно прислушивалась, не её ли окликнул хозяин.

- Лежи, лежи, горемычная! Вот так-то тебя наказали, тихо произнёс он смотрящей на него кошке. Филя и в ус не дует, а ты воспитывай!
 - Мяу! как будто понимая и соглашаясь с ним, ответила Мурка.
- Понимаешь? Конечно, понимаешь меня, ласково, между слов песни, обращался он к ней и продолжал мурлыкать себе под нос следующий куплет.
 - Мяу-мяу! жалостливо мяукала кошка.
- Ничего, терпи, выкормишь. Детей надо поднимать. Кто же мог ожидать от Фили такого подвоха? Вот тебе на, вот тебе и сыночек!

Возле калитки послышался звук работающего мотора и тут же смолк. Выглянув в широко распахнутые двери мастерской, дед увидел, как в калитку вбегают внуки Дениска и Дашенька – дети младшего сына Дмитрия. Они остановились у крыльца, поговорили с бабушкой и прибежали к Петру.

- Дедуль, привет, помахав рукой, прокричал Денис. А где кролики? и пошёл вокруг верстака, разглядывая лежащие на нём столярные инструменты.
 - Привет! В сараюшке ещё, ответил дед.
 - Бабуля сказала, что ты новый домик для них мастеришь.
 - Ну, коль никто не помешает, к вечеру будет готов.
- Дедушка, здлавствуй! Мы плиехали калтошку полоть, пролепетала внучка, не выговаривая букву «р».
- Как хорошо! Так и ты будешь помогать? обрадовался дед помощнице и поднял Дашу на руки.
 - Да, буду! Только у нас всего лишь две тяпки: для мамы и папы.
 - Жаль! Без твоей помощи родители не справятся!
- Справятся, справятся! Мама с удовольствием отдаст на целый день нас на твоё попечение. Она так сама сказала, радостно повторил слова матери Денис, крутя в руках стамеску.
- Осторожно! Она острая! предупредил дед. Так, значит, мужик, ты полоть картошку не хочешь? прищурив левый глаз, спросил он.
 - Не-а! Деда, я лучше с тобой домик для кроликов буду строить.
 - И я с тобой! прижалась к нему Дашенька.

Тут взгляд мальчугана остановился на большой плетёной корзине.

– Ого! Деда, а что это Мурка здесь лежит? – отложив инструмент, с удивлением спросил Денис, заглядывая в корзинку.

Дед подошёл к внуку и опустил Дашу на пол рядом с кошачьим убежищем, из которого настороженно подняла голову мамаша большого семейства. Внучка поднялась на цыпочки и с восхищением запищала:

- Ой! У Мулки маленькие мулочки, и потянула ручку к котятам, но дед её остановил.
- Дашенька, не трогай! Кошка, защищаясь, может царапнуть.
- Это её дети? поинтересовался Денис. Какие малюсенькие! Раз, два, три, пересчитал он пятнистых, чёрно-белых слепышей.
- Пока их трогать нельзя, они ещё дюже маленькие и ничего не видят. Поэтому кошка за ними следит и защищает их, пояснил дедушка.
 - В мастерскую вошёл Дмитрий.
- Здравствуй пап, кивнул он в знак приветствия и протянул руку, а потом спросил детей: Ну, что, сорванцы, вы с дедом договорились? Согласился он сегодня вас воспитывать?

Получив от них в ответ молчаливый кивок одобрения, стал давать последние наставления. Но увлечённые Муркой дети его почти не слышали. Заглянув через детские головы в корзину, Дмитрий, присвистнув, спросил:

- Во! Пап, это что, у Мурки снова котята? Филя же толком не вырос и иногда ещё сиську у неё потягивает?
- Филя, Филя! голос деда изменился, и он сердито произнёс: Никакой он не Филя, а Филина оказался!
- Как не Филя? изумился Дмитрий. Он что, не кот? и с удивлением посмотрел на отца, потом на детей, которые, молча поморгав длинными ресницами, ничего не осмыслили и непонимающе смотрели на деда.
- Да-да! подтвердил отец догадку сына. Он кошка Филина! И это не Муркины, а её дети! всё ещё негодующе, качая головой, сказал дед.
 - Вот это да! А где же тогда она, Филина? Почему котята с Муркой?
- Родила на сеновале и убежала. Бросила! Теперь современная мода детей оставлять в роддомах, наверное, и на кошек распространилась. Ушла и оставила одних! Вот уж точно, без материнского инстинкта - мачеха! - в голосе деда слышались жёсткие нотки.

Внуки, ничего не поняв, почему сердится дед, и в чём так сильно провинился их любимый кот Филя, испуганно переглянулись. Дашенька протянула ручонки к отцу, и он её взял на руки.

– А Мурка умница! – продолжил говорить дед уже более мягким голосом. – Три дня назад услышала писк малышей, притащила их к крыльцу и стала своей грудью кормить. Ну, а потом бабушка устроила им домик в этой корзине.

Поражённый новостью, что его обожаемый кот сделал что-то нехорошее, Денис сразу захотел вступиться за него. Ведь Филя такой прыгучий, ловкий и играть с ним очень весело. Денис подошёл к деду, подёргал за рукав рубахи и, заглядывая в глаза, тихо спросил:

- Дедуля, а Филя уже домой приходил? Котята это его дети?
- Приходил вчера. Только не к своим детям, а к Мурке. Сиську пососать ещё хотел. Не обращая внимания, что рядом лежат котята, мордой потянулся к её животу. Так она спину дугою выгнула, как зашипит на него, а он к ней ластится, да лапой, лапой её гладит! А она как прыгнет ему на спину, злобно рычит и лапой бьёт, бьёт. Так Филя высвободился и пулей вылетел из мастерской. В саду спрятался и пока больше не появлялся, – уже смеясь, рассказывал дед. – Ну, и дела у вас происходят! – заулыбался Дмитрий. – Это значит, Мурка своих внуков
- приняла? Молодец бабушка, внучатам не дала пропасть!
- Выходит так, одобрительно кивнул старик. Ничего, она мать хорошая, вскормит и воспитает! Молоко не перегорело, для всех троих хватает, - похвалил он кошку, и дети с уважительной благодарностью посмотрели в корзинку на спокойно лежащую Мурку, к животу которой присосались три малыша.

У бабушки и родителей на сегодня была запланирована огромная работа – прополка десяти соток картошки. Дед, покормив внуков обедом, старался довести до конца начатое утром дело. Денис и Дашенька, постояв ещё немного у кошачьего семейства, пошептались, решив, что раз Мурка кормит малышей, значит она им мама. А Филя – папа малюток. Он сбежал и поступил очень плохо, поэтому и сердится дед. Но нерадивого отца тоже было жаль, и дети пошли искать кота. Раздвигая ручонками ботву репы, моркови и свёклы, они старательно разыскивали его. Заглядывая под кусты малины, смородины и ежевики, звали по имени:

- Филя, Филя, иди домой! Кис-кис, не бойся, Мурка тебя больше не обидит, встревоженно звал Денис. - Ты же уже большой, поэтому Мурка тебя и наказала.
- Кис-кис, Филечка, котик мой, иди ко мне! звала через забор писклявым голосом Дашутка, свернув ладошки трубочкой. Как ни странно, но к великому разочарованию ребят кот так и не появился. Они обследовали огород, сад, потом кладовую комнату, заглянули в сарай, углярку и дровяник. Проверили в доме под кроватями и шкафами, но Фили нигде не было. На их зов он не отвечал.

Им так хотелось найти его, образумить, чтобы он понял, что маленькие котята – его детки и их любить надо! Они хотели принести Филю к его малышам. А Мурка добрая и обязательно простит его.

«Ведь всем детям, и котятам тоже, без папы очень плохо!» Они знали это точно по рассказам соседского мальчишки Женьки, который рос без отца. Уверенные в своей правоте, так думали они, направляясь через большой птичий двор со страшными петухами и индюками к сеновалу. Но и там кота не оказалось.

«Ему, наверное, стало очень стыдно, и он убежал далеко-далеко...», – со слезами на глазах оправдывая Филю, разочарованно решили дети, размышляя, где же они его ещё не искали...

15.10.2015.

Виктор КАЛИНКИН

г. Тверь

Лауреат VII Пражского международного фестиваля «Европа-2014» (1 место в номинации «Проза»). Дипломант «За вклад в развитие современной литературы» по итогам международного конкурса «Живое Слово – Живой Природе»; за лучшее произведение в юбилейном сборнике, посвящённом 70-летию освобождения Беларуси; Берлинского международного конкурса «Лучшая книга года 2014» как соавтор сборника «Метаморфозы», занявшего 3 место; Культурного центра Вооружённых Сил РФ по итогам VIII Всероссийского конкурса «Твои, Россия, сыновья».

Лауреат III степени международного творческого конкурса «Белая акация» в номинации «Авторское литературное слово» (2015).

Рассказы

Половское

Мои отец, дед, прадед, прапрадед – все были родом из села Половское Спасского района Рязанской области. В старину Половское было родовым поместьем одной из ветвей князей Кропоткиных. Село расположено на правом берегу реки Оки, выше по течению Старой Рязани примерно на восемнадцать километров. В этом месте лесостепь сходит к широкой пойме оврагами и буграми. Как раз на таком изломе и стоит село. В пойме – заливные озёра и бесконечные луга, на лугах – стада коров, овец, гусей, табуны лошадей. На реке напротив села и ниже ещё с довоенных времён остались песчаные косы, намытые драгой при чистке русла. В то время, точнее, в 1938 году и был найден тот древний чёлн-однодеревка, что был подарен жителями села городу и выставлен под навесом перед входом в Рязанский краеведческий музей.

Добрые 60-е. Наш дом стоит в пологой лощине в середине улицы Клем, продолжение которой ведёт через насыпь на «поляну» к Ромашиной будке над рекой. Дом кирпичный, пятистенок, заменивший сгоревшую в 1927 году избу. С крыльца виден спуск с бугра, по которому летними вечерами деревенские пацаны верхом без сёдел шумно и пыльно гнали в ночное табун гнедых и рыжих лошадей. Слева от крыльца – ворота в малый дворик, справа на стене – пластина с нарисованной лопатой, как памятка, с чем бежать на пожар, палисадник с рябиной, плетень и ворота в сад.

Если подняться на бугор, – как приедешь, бегом на глинище осмотреться, – испытаешь тихое очарование. Вид на дальние дали, Оку и луга изумительный: в небе кричат чибисы, по ночам в траве – коростели и перепела, по фарватеру шлёпают колёсами пароходы, чистый песок по берегам и на косах. Лежишь в струях воды на отмели, смотришь в высокое небо, где поршневые Як-18 из Рязанского аэроклуба, не спеша, фырча и поблёскивая, наматывают фигуры пилотажа. Каникулы!

А внизу под берёзой – наш дом и часть сельской улицы с мелкой ромашкой по краям. Хорошо становится на душе, когда ступишь босыми ногами на эту дорогу, и пальцы погрузятся в бархатную пыль, а сделаешь шаг, между пальцами выпорхнут фонтанчики пыли.

Заходишь тихо... прохлада, чудесный запах в сенях, деревенский квас на лавке. На первой половине – кухня, русская печь с лежанкой, под ней подвальчик для обогрева молодняка в холодное время года. Герань на окнах, на стене довоенный пейзаж, написанный отцом: берег Оки у Пашкиной будки, песчаных кос ещё нет. Под ним подлинный Высочайший Манифест 1905 года: «Божиею Милостию Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...» В центре стол, в его ящичке питерское фото дедушки в царской парадной форме с товарищем. Во второй комнате окна в сад, фотографии на стенах, комод, а в нём... старинные солдатские пуговицы с орлом!.. штык четырёхгранный от трёхлинейки!

Перед внутренним крыльцом малый дворик, где проходит вечерняя дойка с раздачей парного молока, на заборе – поржавевший ребристый диск от «Льюиса», шест со скворечником, в углу наши бамбуковые удочки, а черви для рыбалки предусмотрительно спрятаны от кур под крыльцо.

За домом в саду – сарай. На его ближней половине содержится всякая живность. На дальней – двухъярусный сеновал, у входа место для слесарных поделок с наковаленкой из рельса, инструмент, вдоль стены крестьянская утварь: серпы, коса с рамкой для скашивания овса, пшеницы или ржи, хомут, ремни; баллон от шасси Ту-104, вёсла... наши луки со стрелами. Пол земляной, прохладный. Крыша крыта соломой. Изнутри у её основания и по стропилам множество налепленных гнёзд деревенских ласточек, их отличает от городских красное пятнышко на горлышке.

Летом мы обычно ночевали в сарае. В притихшем саду в смородине пел соловей. Около десяти дробно пролетал по насыпи «вернадовский» скорый. Изредка доносилось постукивание деревянной колотушки, с которой жители каждую ночь по очереди обходили село, проверяя, нет ли какой беды. Лежа на душистом сене, мы болтали. Под нами вздыхала и пережёвывала траву корова, от неё же доходили всегда смешившие нас звуки: журчание и шлепки об пол. Если мы не собирались на рыбалку, то звон утренней дойки не будил нас, а возвещали нам о приходе нового дня раннее щебетание суетливых ласточек и яркие полоски света в свежем воздухе и на стенах.

Старина уходящая

Так похоже на зимнее солнечное утро начало этого ноябрьского дня! И кажется мне, что не смогу надышаться морозной свежестью. Иду, разбрасывая носками ботинок сухой и пушистый снег. Его неожиданно много для этого времени: по щиколотку. За плечом наградной «Зауэр» отца, стволы 47-го года из крупповской стали и ремень ещё тот, с которым он сам ходил. Для нашего отца этот день был особенно памятным: начало ликвидации под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Папа в послевоенной жизни ни разу не пропустил этот день, а мы с братом – его суровые рассказы о войне... О морской пехоте, по ночам поднимавшейся в вечность по крутому обрыву на правом берегу Волги у переправы, о рёве «катюш» и несмолкаемых залпах орудий ранним утром 19 ноября 1942 года... О сошедших с ума солдатах вермахта, встречавших наши атакующие цепи, о немецких гниющих госпиталях в разрушенных подвалах, о нескончаемых колоннах обмороженных пленных...

Позади деревенька Сентюрино, лес уже рядом, и вот погружаюсь в его тень, иду в ста метрах в глубине вдоль опушки. Среди сосен торжественно и тихо, только нет-нет да гулко простучит дятел или выстрелом треснет дерево на морозе. Справа в просветах вижу яркое заснеженное поле. С той стороны проникает длинными полосами солнечный свет. Лёгкий ветерок, блуждая в вершинах, нет-нет да потревожит невесомую кухту. И тогда, радужными вспышками играя, протянется седая дорожка бесшумным водопадом и медленно растает, уходя в сторону. А в феврале всё будет иначе: он зашумит, съезжая и увлекая нижние слои, так, что услышишь его шуршание метров за пятьдесят, и тяжело бухнет по насту или... за воротник! А вот и «утрешний» заячий след! Но нет, пока не хочу переключаться на него, не хочу так скоро покидать этот храм, который открыл для себя во второй половине жизни.

Пошли небольшие высотки, поросшие ёлочками. Иду то вверх, то вниз от одной к другой, отодвигая от лица припорошенные лапы и затем выгребая из перчаток с запястий снег. Когда спускался с очередного склона, услышал неясный шум. Движение чего-то живого, но не людей, не машин: странный шум, тихо и часто бухающий и шипящий. Остановился в ёлочках, присмотрелся – впереди и ниже изгибается участок дороги, уходя по пологому спуску влево. То, чего я пока не вижу, приближается ко мне справа со стороны Межево и находится за соснами, за поворотом...

Вот это да! Из-за бугра появляются и катят ко мне розвальни! Настоящие крестьянские розвальни – деревенские сани! Бежит рысью, семеня, небольшая гнедая лохматая лошадёнка в клубах пара, а в санях – мужичок. Да не просто мужичок! Он стоит на коленках, на голове ушаночка с клапанами вразлёт, в руках вожжи, и что-то вполголоса напевает. Они проехали чуть ниже и рядом, меня не заметили, повернули и скрылись за поворотом.

Такая награда мне – и за что! Да-а-а... За этим стоило тащиться ни свет ни заря, и ещё как стоило! А когда в первый раз я их увидел? А в последний? Ну, боярыня Морозова, та не в счёт. Вспомнил! Мы приехали в отпуск из Германии в Половское, на родину отца. Валя, мой старший брат, в те дни, что мы провели в деревне, ходил в сельскую школу, а я нет. Значит, то было под новый 57-й. Папа – он всегда в отпуск приезжал в форме – пока поезд стоял у перрона в Рязани, сходил к паровозу и попросил машиниста притормозить у родного села. Всё так и вышло, и мы успели выгрузиться в снег на откосе, где нас поджидал дедушка на розвальнях. Мы погрузили багаж, упали на сено и тулупы, и лошадка, крутя хвостом и теряя по дороге каштаны, повезла нас по сельским улочкам к дому...

Зима в русской деревне... А запах!.. Неповторимый запах из смеси ароматов мороза, берёзового дыма из трубы, махорки, керосина, валенок, овчин, сена, конского навоза и всего прочего, без чего был немыслим деревенский быт. И именно зимой, потому что летом его заглушают ароматы садов и огородов, тёплой земли, луговых и полевых трав, ласковый ветерок с реки. Запах малой родины – пусть не нашей, а отца – помнишь всю жизнь, и он приходит из прошлого, виновато улыбаясь: «а меня-то уж нет, брат...»

Махорочка... Её огонёк тлел по углам в сельском клубе, когда мы, затаив дыхание, смотрели, сидя на полу, «Герои Шипки». Или когда, насыпав её на ладошку, готовились к задушевной беседе дед с соседом и не касались темы разговора до той поры, пока «козью ножку» она не заполнит до краёв. Прикуривали, затягивались, перебрасываясь взглядами, и... теперь можно и поговорить. Весело потягивали её солдаты в курилке на скамье вокруг вкопанной металлической бочки. Может, оттого и запах солдата в те времена был узнаваемый, сейчас-то он никакой. Подростком изредка её покуривал и я с пацанами в подъездах, на рыбалке или в походах. А в последний раз вдохнул её аромат в октябре 84-го, когда проводили мы в последний путь нашего деда, унтер-офицера 268-го Пошехонского пехотного полка, питерского красногвардейца, солдата Ленинградского фронта.

Столы были расставлены в саду под яблонями, которые он прививал и мне, малышу, стоящему у его правого плеча, рассказывал и показывал, как это надо делать...

Примерно через час в сад зашёл высокий, сутуловатый старик. Помянул деда Андрея и встал в сторонке. Старика звали Петром. В ту минуту он готовился сделать самокруточку. Пропустить? Ни в коем случае! Подходим с Валентином. Предлагаю взамен сигареты и прошу позволить нам покурить его табачку. Взял из его запаса бумажку, насыпал щепотками валик махорки, скрутил, склеил по всем правилам, прикурил... Есть в ней что-то родное... Со слов дяди Пети после ухода деда Андрея он стал самым старшим в селе. А ещё от него мы узнали, что в Первую мировую он был солдатом Русского экспедиционного корпуса во Франции! С беззубым дядей Петей сдержанно улыбнулись некоторым

эпизодам из той жизни, и ещё тому, как он произнёс несколько французских слов, из которых мне запомнилось «мамзели».

Прошло сто лет с того времени, когда один русский солдат пылил сапогами по дорогам Белоруссии и проливал кровь в окопах под Сморгонью, а другой глотал немецкий газ в грязи под Верденом и Реймсом. А мне посчастливилось знать обоих: любить своего деда и обменяться рукопожатием с нашим земляком. Встречались наши взгляды, мои руки чувствовали и сохранили, пусть с ничтожной долей вероятности тепло обоих, но я готов поделиться им. На самом деле мы не так уж далеко отошли во времени, связь есть. А мы сегодня хотим ли, стремимся ли сохранить её?

Как-то натолкнулся в Интернете на рекламу продаваемым участкам в «уютном» месте – в селе Половское, и почувствовал неясную тревогу...

Неожиданно в начале лета прошлого года, спустя тридцать лет, смог побывать в нём. Строятся городскими из Москвы и Рязани коттеджи, закатываются в асфальт деревенские улочки, устроены свалки на «поляне» за насыпью. Ока обмелела, весеннего разлива нет, косы одичали, пляжей нет. Родовой дом поделён, ручей Клем высох. Было в селе акушерское отделение, была средняя школа, клуб. Сегодня ничего этого нет. На «поляне» не пасутся стаи гусей, нет сельского и колхозного стада и табунов, да и колхоза нет. Местные мужики спиваются. Сельская русская община уходит в небытие. Кто так решил? Почему она больше не нужна?

Памятник павшим землякам восстановлен. А иначе никак, иначе стало бы мерзко, стыдно и нестерпимо больно всем нам: и новым, и старым.

Владимир КОЛАБУХИН

г. Ярославль

Колабухин Владимир Гаврилович родился 5 июля 1937 года в подмосковном городе Коломна. По образованию юрист, окончил Московский факультет ВЮЗИ.

Член Союза российских писателей. Автор нескольких книг прозы и стихов, дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Дознание Феррари

Рассказ

Солнце медленно опускалось в лазурную воду венецианской лагуны. Его лучи ярко высвечивали площадь Святого Марка с величественным пятикупольным собором и Дворцом Дожей, десятки каналов с изумительными по архитектуре мостами и небольшую таверну «Весёлый дрозд». Здесь, в таверне, в глубокой задумчивости застыл за столиком уютной веранды, нависшей над водой Канале Гранда, необычный для такого заведения посетитель, старейший член Совета сорока – Верховного судебного трибунала республики – Энрико Феррари. Суровый патриций не замечал ни тёплого дыхания заходящего солнца, ни монументальных дворцов, инкрустированных цветным мрамором и украшенных мозаикой и позолотой, удивительно эффектно отражавшихся в зеркальной глади канала, ни тревоги тучного хозяина таверны, то и дело предупредительно заглядывавшего на веранду к нежданному грозному гостю. Феррари, вершителя человеческих судеб, давно волновало лишь то обстоятельство, в котором он оказался на закате своей судебной деятельности – один из обвиняемых, некий аптекарь Джованни Росси, на вид тщедушный и недалёкий, ускользнул от расплаты.

Феррари с трудом поднял тяжёлые веки, обвёл недоумевающими глазами террасу.

Да... именно здесь прошлой весной, вот за этим же столиком погубил доброго человека коварный аптекарь. День в день год назад, поздним вечером, он распил со своим молодым помощником Рикардо кувшинчик красного вина, и через несколько минут Рикардо умер в муках. Было учинено расследование. Когда проверили остатки вина в обеих кружках, оно оказалось отравленным. На Джованни, оставшегося живым и здоровым, пало подозрение в убийстве: аптекарь имел дело с ядами и, по слухам, волочился за женой Рикардо, красавицей Анжелой. Однако, прямых улик не было – пили вместе одно и то же вино. Правда, как удалось установить Феррари, незадолго до роковой выпивки в таверне аптекарь резко изменил ритм жизни – стал спать не по ночам, а днём. Совет сорока счёл его поведение странным, но не уличающим и отпустил Джованни на свободу, несмотря на возражения Феррари.

С того самого дня 1503 года многое изменилось в Венеции, у людей появились новые заботы. Но Энрико Феррари потому и оказался сегодня в этой старой таверне у Большого канала, что никак не мог забыть о злодействе.

Беспокоила и загадочно-насмешливая улыбка, скользнувшая по лицу Джованни, когда тот, довольный решением Верховного трибунала, покидал его мрачные стены. Да и весь многолетний опыт Феррари, его ум и чутьё, подсказывали, что худосочный, блудливый аптекарь и есть тот еретик, сгубивший доверчивого Рикардо. Но как это доказать? Ведь аптекарь тоже пил отравленное вино и... остался жив. Невероятно!.. Может, и впрямь, как ему рассказывал однажды знакомый лекарь, близкий к роду Борджиа, и знавший толк в ядах, организм людей обладает неодинаковой устойчивостью к смертельным дозам различных веществ в зависимости от времени их введения в течение суток? И что в

один период времени они могут убить, а в другой, даже в большей дозировке, остаются безвредными, а наивысшая сопротивляемость им – поздним утром?

А Джованни? Пил отравленное вино вечером. Или для него это было утро?

В голове его будто разорвалась молния. Он рванул на груди тесёмки чёрного атласного плаща, чтобы легче дышалось, и громко хлопнул в ладоши:

- Хозяин!

Тот словно ждал этого зова, мгновенно вырос перед столиком.

- Слушаю, сеньор!
- Бутылочку вина и пару бокалов.
- Можно? услышал Феррари знакомый вкрадчивый голос, и сердце его замерло на миг.

Да! Аптекарь не изменил привычке проводить воскресные вечера в таверне, и значит, он, Феррари, просто обязан не упустить сегодня свой шанс раскрыть, наконец, тайну Джованни Росси.

Он повернулся к двери.

– Входи, Джованни, входи. Я давно жду, – отозвался Феррари и указал на свободный дубовый стул. – Садись.

Вошедший – невысокий, узкоплечий, лет сорока мужчина, одетый в скромную поношенную блузу зеленоватого цвета, испуганно попятился.

- Ну что ты, Джованни? Смелее. Это же твоё любимое место.

Аптекарь нерешительно топтался в узком проёме.

- Отведаем? - предложил Феррари, показав на бутылку.

Тот неуверенно кивнул.

– Скажи мне, Джованни, – опять обратился к нему Феррари, когда они отпили из бокалов, – всё-таки это ты отравил Рикардо?

Аптекарь вздрогнул и отрицательно замотал головой.

– Ну-ну, Джованни. Опять ты за своё. Уж покайся, облегчи душу.

Джованни и на этот раз не произнёс ни слова, лишь нервно потянулся к бокалу. Осушив его, он продолжал молчать. Феррари ждал. И вот лицо аптекаря порозовело, он осмелел и с дерзкой ухмылкой бросил:

- Кто теперь докажет?
- Я, сказал Феррари.
- Как же?
- Фактом твоей смерти, невозмутимо ответил Феррари. Отказавшись покаяться, ты подписал себе смертный приговор и сегодня умрёшь.
 - Вы не посмеете... Верховный трибунал не простит вам, он признал меня невиновным.
 - Посмею, Джованни, посмею. Своей смертью ты оправдаешь меня.
 - Как это?!
 - Я дал тебе яд, ты выпил его с вином из этой бутылки, и теперь часы твоей жизни сочтены.

Феррари буквально впился глазами в лицо охваченного страхом аптекаря. Тот вдруг застонал и схватился за горло.

- Вы дали мне яд?
- Да, жёстко ответил Феррари, так что покайся, и, быть может, я успею позвать лекаря.
- А для себя? Вы тоже пили это вино!
- Я последовал твоему давнему примеру не спать по ночам. А вот ты, как я слышал, вернулся к прежнему образу жизни. Значит, организм твой сейчас готовится ко сну и не будет сопротивляться отраве. Я разгадал твою тайну, Джованни? Ты ведь так поступил с Рикардо?

Джованни сполз со стула и, скорчившись, закатался по полу.

- Помогите, - сдавленно простонал он вновь.

Феррари встал, шагнул к нему и спросил:

- А ты покаешься, Джованни?
- Да. Да...

Уловка Энрико удалась. Да иного исхода и быть не могло.

Феррари выпрямился, хлопнул в ладоши:

- Хозяин!

Тот мгновенно вырос перед ним.

Слушай и запоминай.

Аптекарь же, стоя на коленях у ног Верховного судьи, уже торопливо каялся в содеянном злодеянии.

Неожиданно он захрипел, глаза его закатились, на губах появилась пена.

Что-то дрогнуло в душе Феррари. Прежняя неприязнь к аптекарю сменилась тревогой: «Уж и впрямь не отошёл бы он в мир иной».

– Что с тобой, Джованни? Я согрешил, сказал тебе неправду.

Но тот судорожно дёрнулся и снова упал, раскинув руки.

- Святая мадонна! воскликнул хозяин таверны. Он опустился рядом, с Джованни, расстегнул его блузу, приложился ухом к груди.
 - Умер, сказал он со вздохом... Сердце, должно быть, не выдержало.

Феррари устало закрыл глаза и перекрестился: «Прости всех нас, господи!..»

Светлана ЗАБАРОВА

г. Санкт-Петербург

Член Союза писателей России. Член редколлегии альманаха «Пятый угол и его обитатели» (г. Москва). Автор книги малой прозы «Тень беркута». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Зверь любви

Повесть

Вчера старик сильно напился на свадьбе племянника, потеряв всякую солидность, приличную возрасту.

Сегодня к сильному похмелью примешивалось чувство стыда.

От этого чувства и пробудился, как вздрогнул... и ещё что-то, помимо стыда, мучило, что – не понял пока...

Хуже всего было то, что он в приступе «зверя любви» целовался и обнимался с «мафией».

Мафия была из Караганды, – друзья племянника, который имел с ними «шуры-муры» на контрабанде сайгачьих рогов (пантов).

Рога эти переправлялись в Китай, и там уже местные «авиценны» мастрячили из них средство для поддержания мужской силы в «нефритовом жезле».

В последние годы, когда расшаталось государство, отстрелы сайги уже никого не волновали, и степь пропахла парной кровью... по аулам и летовкам валялись обожравшиеся требухой псы, горы протухшего мяса распространяли зловоние, забивая чистый запах степи; племянник связался с этим греховным делом и с этими людьми, он же, старик, их знать не хотел, но вчера напился...

Знал он за собой это дурное свойство: когда в глотку попадал самогон, а потом растекался по крови и жилам, то будил в нём этого странного «зверя любви» ко всему живому: двуногому и четвероногому. Он тогда не делал между ними разницы – все требовали его любви и жалости. Всех надо было обнять, обласкать, проявить отцовскую нежность.

Когда трезвел, потом дня три не мог показаться людям на глаза – стыдился.

Спозаранку уезжал вдаль, по направлению к закату на своем Каракале (степной барс, в переводе) – проветрить мозги и набраться у степи спокойного созерцательного настроения.

Ехал так: между рассветом и закатом, то есть с востока на запад, и когда солнце красным, уставшим за день зрачком упиралось в зрачок старика – поворачивал обратно.

Сейчас, проснувшись, он не пошевелился, а лежал так, будто ещё спит, и даже дыхание старался держать между рёбер, хоть дышать было тяжело — воздух в нос попадал пропитанный чужим потом и перегаром: кто-то сопел рядом, чьё-то тепло мягко текло к нему в спину, но тепло это почемуто казалось ему враждебным и хотелось отодвинуться подальше, а лучше вскочить и убежать... но, вначале, прежде чем он обнаружит себя проснувшимся, надо вспомнить подробно, что вчера произошло...

Он ещё не мог вспомнить, как оказался лежащим в этом месте, и что за место – где он проснулся, и что вообще случилось: мозг, отравленный алкоголем, был бессилен и вял, но что-то иное, что-то в душе, – тягостная пустота, томление, – сообщало, что вчера он, пожалуй, сделал что-то недопустимое... что просто стыдом не излечится, а будет хуже, много хуже...

Про мафию он сразу вспомнил, это было, конечно, плохо, – целоваться в губы с людьми, которых не то что не уважал, презирал, но уже давно стойко ненавидел...

Он вдруг вспомнил, как пахло изо рта Нурланбека (старшего из карагандинских) – гнилью от застрявшего в зубах мяса, тухлой кровью, которая поднималась со дна желудка – плохой запах, не живой... как у гиены... так пахнет пасть гиены, – ему ли, степняку, не знаком этот запах!

Но в тот момент он почти любил этого Нурланбека, с его красной взмокшей в жирных складках бритой шеей. По вискам бедняги текли капли пота, рубаха не держит живот, натянута, вот-вот треснет, крайние пуговицы отлетели и в распах виден посиневший от дурной крови и натуги вывороченный пупок, от которого по животу распластался зловещий рисунок вен, – больная печень. Бедный Нурланбек однажды умрёт от пьянства и обжорства.

Племянник очень гордился этим знакомством и самим Нурланбеком, а уж как заискивал, - глядеть было противно.

Ещё спозаранку, до начала свадьбы, всё оглядывал степь, – будто не на своей невесте Саулет женится, а на этом самом Нурланбеке.

А когда вдали запылило, заклаксонило, загорланили, и потом, из песков, прямо без дороги, через кочки, показались, подпрыгивая и взрёвывая, две черные, лаковые, как навозные жуки, машины – совсем потерял голову, – бросился отворять скрипучие на ржавых петлях жердевые ворота, прикрикнул на мать и на него – чтобы пошевеливались...

Тогда старик не выдержал, сплюнул:

- Кто приехал? Что? Отца встречаешь?

Здесь был тонкий намёк, язвительный. След застарелой обиды.

Отца у племянника не было: то есть когда-то был – старший брат старика, но взял и ушёл на войну, причём добровольно, хотя его даже и не позвали... и там пропал без вести: может, прямое попадание получилось, а может, и плен...

У жены старшего брата было двое детей – девочки, и старик помогал их поднять на ноги, он-то на войну и вовсе не попал, вначале по возрасту, а потом уже и война кончилась...

Они так и жили, как будто он – «часть» брата, которую тот оставил для помощи своей жене, успел с ней пожить два года – между двух дочек. Кто-то ещё грубо пошутил, что девочки к войне родятся.

И хоть жена брата была старше почти на шесть лет, но такой красивой женщины он больше не встречал и привык считать её чуть ли не своей женой.

Он мог бы и жениться, да и родственники советовали взять в жёны: женщина спокойная, хорошая хозяйка и подолом не метёт. Пока не случилось очень странное событие.

У жены брата вырос живот, в 1957 году.

Этому не было объяснения, но женщина вела себя уверенно и спокойно. Когда родился мальчик, женщина сказала, – это сын брата, – и стояла на своём.

Некоторые из семьи решили, что это он, старик, пробрался в запретные места, и собственно большого греха в этом нет, зачем только скрывать? А другие думали, что эта женщина от тоски по мужу тихо сошла с ума, и не помнит, кому отдалась с горя, – может, первому проезжему, приняв его за мужа.

Решили скандал не поднимать, а так и было принято всеми, что Баглан и есть последний, самый желанный ребёнок брата... и в метриках вписали имя старшего брата.

Кто бы что ни говорил потом, – когда степь удивлялась несоответствию в датах, как бы ни смеялись на летовках, но с течением времени все как-то привыкли, что пропавший в сорок третьем году брат смог родить сына в пятьдесят седьмом.

Тем более, что подросший Баглан был в точности как брат, на последней перед отправкой на фронт, карточке.

Этого своего племянника, из загадочного 1957 года, старик полюбил особо – иногда он подумывал, что, может быть, напившись, в приступе «зверя любви» и не удержался, а жена брата проявляет воспитанность и деликатность, что не «помнит» об этом. И мог ли он сам так и не «вспомнить» того, что, может, между ними случилось...

Эта «загадка» окончательно припаяла его к семье брата и его жене, потому что на протяжении всей своей последующей жизни он пытался отыскать на неё ответ.

Он и не женился.

Не то, что у него не было в жизни женщин, были, но это всё были женщины, которых он имел, но не хотел, а та, которую хотел – не имел. А прожил с ней бок о бок всю жизнь, и видел, как она стареет – красиво и невозмутимо. Да, бок о бок прожили, но постели у них были разные.

Когда был молодой, лежал подолгу без сна, представляя, как жена брата за стенкой укладывается в свою постель. Как снимает верхнее платье, потом рубашку, наверное рубашка пахнет потом, набранным за целый день забот по хозяйству; какое под рубахой молодое тоскующее по мужчине тело, какая грудь, что уже познала мужскую руку и губы, и соски, в которые ещё недавно впивался рот младенца, когда кормила своих детей...

Он трогал своё тело, выгнутую кость ключицы, жёсткий впалый живот, упругую нежную складку внизу живота, между ног, и мягкий островок волос, вокруг того самого главного мужского, что таил в себе желание, набухший от застывших внутренних соков; поглаживал себя, представляя, как бы это сделали руки жены брата; однажды не выдержал и заплакал от невыносимой сладкой боли, – ему казалось несправедливым, что его тело пропадает зазря, без ласки любимой женщины.

Жену брата звали Жанат, что в переводе с арабского означало Сад Наслаждений.

И вот этот Сад был заперт войной на вечный замок!

Да, вот такую фразу, что, мол, «отца встречаешь», он умудрился сказать своему племяннику, хоть и не был ещё пьян, а был просто раздражён и унижен таким неприятным поведением Баглана, племянника, которого считал своим сыном, и только увидел, как вдруг застыло лицо жены брата, Жанат, и стало белым, как нарядный белый платок вокруг её головы...

Город портит человека, – уверен был старик, – он лишает человека самого себя, принижает его, не остается времени на раздумья, притупляется вкус и обоняние...

В степи ты на сто километров можешь быть один, и виден, и сам себе, и виден земле и небу, – сам принимаешь решения; в городе таких, как ты – тыщи, всё человеческое уплотняется, подгоняется под один размер, подстригается, как декоративный кустарник ровненькой кромкой; там сидишь в правилах, как зверь в клетке, но правила не продиктованы природой, а часто придуманы против природы вообще и против природы человека.

Зверь же не создан природой, чтобы сидеть в зоопарке или выступать в цирке, – это насилие, которому учат взрослые детей.

Чему люди радуются, когда видят, как бьётся о прутья боками ягуар или молча и загадочно стоит в глубине неволи степной волк. Пусть лучше взглянут волку в глаза, разве в тех глазах веселье? Нет, в глазах волка живёт тоска по воле и ещё – ожидание... волк ждёт любой оплошности, чтобы вцепиться в глотку мучителям, он, старик, это знал, он знал сущность волка, потому что не раз встречался с ним там, на свободе, в степи...

И когда привёз маленького Баглана в Караганду, в амбулаторию, чтобы врач посмотрел рахит ребёнка, то зашли в «приезжий» зоопарк, и когда стояли у клетки с волком, старику показалось, что

они с волком друг друга поняли, и он пожелал степному брату – воли... а Баглана увёл прочь из этого места, которое люди называют зоопарком.

Но, человек, разве не сидит в такой же клетке из своих правил и запретов? Только он уже не тоскует, он живёт хуже зверя, потому что презрел законы природы и уже не тоскует...

А когда ему, городскому, - тосковать? Некогда!

Городской человек занят другими вещами: он толкается в очереди за продвижением по службе, толкается в очереди, чтобы купить мопед; он покупает мопед, машину, телевизор, серванты, – на всё это уходит целая жизнь... Он вкладывает жизнь в вещи, потом вещи стареют на свалке, куда их свалят его дети, чтобы купить себе новые, ещё более красивые и удобные вещи...

Вот у него, старика, есть котёл, – остался ещё от деда, и лучше этого котла, который вполне исправно трудится уже не одно десятилетие, ему не надо. Он, старик, привык к своему котлу, он знает, как с ним обращаться, он знает вкус еды, который получается в этом котле, зачем ему новый?

Или сапоги. Он носил сапоги столько, сколько они могли прожить; а когда стёрлась подмётка, и уже не покрывалась латками, купил себе другие, новые; а его ноги ещё долго тосковали по старым – удобным и разношенным.

Так, примерно, рассуждал о городе старик, но всё же отправил Баглана учиться. В Караганду.

И что привёз Баглан из города вместе со знаниями?

Привёз старику снисходительное презрение ко всей прожитой им, стариком, жизни...

Когда старик однажды рассказал вслух свою мысль «про сапоги и котел», то приехавший на каникулы и сильно поумневший в городе Баглан поднял его на смех:

– У вас, ага, деструкт мозга! – (Что такое «деструкт», старик не знал, решил, что, может, опухоль, и побоялся спросить). – Это из-за войны, наверное! Я не спорю, тяжёлое было время, но уже пятьдесят лет прошло! Всё изменилось! Вы представьте, что все так будут рассуждать, и перестанут покупать себе сапоги и одежду, тогда лёгкая промышленность загнётся, а вместе с ней машиностроение и, вообще, индустрия! Цивилизация встанет из-за таких вот! Вы поперёк цивилизации легли и не желаете видеть новое, хорошее! Но она вас переедет и даже не заметит, кто это там валяется раздавленный, в кювете, ха-ха!!!

Тут Баглан, если можно так выразиться, оседлал «городской мопед» и застрекотал по асфальту рассуждений:

– Если вам лучше без вещей, зачем тогда вы на паях с Агулбеком купили трактор? Так бы и вспахивали поле мотыгами, чего там! А движок? Движок вам свет даёт, а то сидели бы впотьмах, как суслики! Ну и выбросьте его, раз без света лучше в темноте на звёзды глазеть! А мать? До сих пор моет посуду в тазу! А вы знаете, что в городе придуманы такие машины, чтобы посуду мыть? Знаете? Посудомойка называется. Когда женюсь, наперво такую машину куплю! Моя жена руки будет душистым вазелином мазать, они у неё будут мягкие и гладкие, а у матери ладони как наждак, пораниться можно!

Старик угрюмо буркнул:

- Я не против всех вещей, я другое сказал!

Он чувствовал, что Баглан специально не хочет понимать его мысль, как-то легко её переворачивает наоборот и показывает смешной стороной...

И получался при этом правым, а он, старик, выглядел дураком.

Особенно его задело упоминание про руки жены брата, Жанат.

Это было справедливо, но и жестоко, и несправедливо одновременно.

Он вспоминал, какая была радость и праздник в семье, когда в семьдесят первом году они купили стиральную машинку с ручным отжимом.

Это было летом, её установили прямо на дворе, все собрались вокруг, даже соседи: среди них и друг Шашубай, – притащился с другого края плато, – вставные металлические зубы этого Шашубая обмывали неделей раньше (пусть мягкой будет земля для него: мир его праху и его челюсти), и Альберт, немецкий поселенец с молочной фермы, которая располагалась в разъёме между двух склонов тургайских гор, километрах в десяти от хозяйства старика.

Приехал важный и серьезный, как врач, мастер. И долго прилаживал провода машины к движку, и какие-то шланги внутри и снаружи «стиралки», – так назвал её, с лёгким налётом превосходства человека над техникой; бренчал инструментом и матерился, пока машинка, наконец, глухо зажужжала; в неё набрали воды из цистерны, засыпали порошка...

Когда стиралка прыгнула, у Шашубая вылетела в песок челюсть, сверкнув на солнце металлом.

А машинка, набрав обороты, тряслась, и пенилась, и подпрыгивала в радостном движении стирки. Получился такой смешной и весёлый, немного диковатый танец стиральной машинки, стирающей бельё семьи, отчего мастер упал на спину, потеряв важность, и ржал, как лошадь.

Вначале все онемели, потом испугались и разозлились, – хотели поколотить мастера: думали, он специально испортил им машинку, чтобы ещё содрать денег сразу и за починку; но, мастер, вытирая выступившие на глазах слёзы, объяснил, что надо иметь ровную поверхность, – пол лучше кафельный, и хорошую мощность электроподачи, чтобы машинка работала, спокойно стоя на месте. И дал язвительный совет: «Вы её стреножьте, а то ускачет в Караганду»...

Ещё у машинки к задней стенке были пристроены два валика («в инструкции называется «вальцы», – прочитал Баглан) с блестящей металлической ручкой. Ручка ослепительно сияла в свете солнца, и когда бельё простиралось, то жена брата вставила кромку простыни в губы вальцов,

завертела ручкой, как будто у колодца, и вальцы своими плотно сомкнутыми тугими резиновыми губами стали со скрипом прожёвывать бельё, и на той стороне оно выходило плоским длинным влажным языком, и смачно падало в подставленный таз.

А потом пузырилось и хлопало на верёвках, сияя намытостью, и быстро сохло под солнечным ветром; ветер набивал поры белья запахом степных трав, и когда, впервые, старик лёг на эти выстиранные и высушенные на верёвках простыни – то ему показалось, что он попал в рай.

Конечно, бельё и раньше стирали, но редко, – берегли воду, и поэтому, пропитавшая его человеческая кислота и жир, отбиваемые палкой, а потом зашварканные хозяйственным мылом, у которого у самого был резкий щелочной запах, – не пропадали, и бельё, после такой стирки и сушки на жердях ограды, постоянно пахло кислятиной, тяжёлым трудом, и унынием...

Даже было неловко своё тело располагать на такой чистоте.

В тот раз он никак не мог заснуть и всё пристраивался поудобнее, а в душе замкнуло — всё вспоминал взгляд Жанат, когда она вертела ручку вальцов, и смотрела на него, тихо улыбаясь; не избегала смотреть прямо на него, как обычно, не скользила взглядом мимо, а ровно и долго смотрела из-под съехавшего на лоб платка, и что-то там внутри её глаз теплилось, мерцало изнутри тени, если б он осмелился так подумать, то подумал бы, что – любовь.

Вот ведь, в данном случае вещь помогла проявиться чувству, значит он не может её отрицать совершенно.

Все тогда получили свою порцию впечатлений: Шашубай тайно радовался, натирая рукавом халата пластмассовое нёбо в оградке металлических зубов, – что челюсть просвистела мимо машинки: потому что он не смог бы пережить бряканье своих зубов внутри центрифуги, а вдруг бы стиралка их навовсе растворила? Мастер, просто был доволен, – что даже в пустой дикой степи мог наладить сложный современный механизм; немец-фермер, тому, что у него стиралка работает без сюрпризов, и стоит, как и положено, на ровном покрытом лаком настиле; жена брата – свежести белья, облегчению в хозяйстве и заботе старика, а он, Санжар, понятно чему...

А Баглан, которому в том году было четырнадцать, тому, что смог поважничать перед приятелями в школе-интернате Агадыря: «Стиралку летом купили, подумаешь! Прыгает, как лягушка».

И вот, в том разговоре, Баглан смог произнести такие несправедливые слова, в отношении материнских рук!

Разве она виновата, что машинку смогли купить только в 71-м году? В этом году «стиралке» стукнет двадцать лет! Хоть замуж выдавай!..

Он бы мог объяснить Баглану, что раньше даже и хотел, но не хватало денег, и возможности такой не было! Вначале подрастали девочки, на них тоже тратили – на форму, на тетрадки и учебники, на лекарства; потом сколько лет копили на движок, еще несколько лет копили на цистерну для воды: жизнь не строится внезапно, но обустраивается необходимым постепенно.

Вот в этой точке между ними нарастало напряжение и непонимание.

Баглан хотел сразу!

Он не имел терпения, почему-то старик не воспитал в нем терпения перед жизнью.

Вначале он хотел мопед, транзистор и джинсы.

Совсем пропадал в городе, что там делал – не говорил, но всё, что хотел, – приобрёл...

Теперь транзистор отдал старику, и он слушает через треск радиоволн передачи и музыку. «Алматмыздиректермыз», – стрекочет женским голосом транзистор. – «Давай, давай, слушаю тебя», – отвечает старик, прилипнув ухом к динамику.

Баглан посмеивается – опять правда на его стороне, старик, застигнутый врасплох возле транзистора, сердится, будто его уличили во вранье.

Себе Баглан купил бобинный магнитофон. «Астра».

Мопед тоже быстро надоел. Стал говорить: «Ну разве можно мопед сравнить с мотоциклом! Это, всё равно, что Ил-96 сравнить с кукурузником! Мотоцикл скорость берёт сразу и летит над шоссе бесшумно, а мопед стрекочет, как веялка – на всю степь слышно! А в городе мопеду никто дороги не уступит... на нём школьники ездят, а серьёзный человек – на мотоцикле и машине». Уже наперёд определил себе задачу на будущее.

Разговоры про «вред и пользу» у них возникали раз от разу, когда Баглан приезжал из города. По сути, это был один бесконечный разговор, как песнь акына, только с паузами-отдыхом, а потом опять возобновлялся...

- И всё же, некоторые вещи, делая добро, приносят зло, например, ракеты! заводил старик, когда они вечером усаживались на лавке под стеной дома.
 - И какое вам, ага, зло от ракет? Вы их даже в глаза не видели!
- Когда запускают, все знают, что потом три дня дует ветер. А кто-нибудь изучил этот ветер? Что в нём содержится, может он несёт плохое для степи и людей! Когда ракета там в небе свои дела делает, ладно, пускай. Но когда у нас в степи находят её части, это к чему? Шашубай, тот, у которого ещё зубы вылетели, когда ставили машинку, нашёл большой кусок дюраля, и покрыл себе крышу дома, а сам загнулся от рака. Целые куски легких выхаркивал на землю. И всё из-за ракеты!
 - И при чём тут ракета?
 - Его крыша фонила, как АЭС!
 - АЭС не фонят там реактор под колпаком!

- А что фонит?
- Радиация!
- Когда счётчиком крышу проверили, он трещал, как резаный!
- Зачем ваш Шашубай всякую дрянь из степи в свой дом пёр?
- Ага, значит, был вред Шашубаю от ракеты!
- Даже от спичек таким дуракам, как вы с Шашубаем, может быть вред!
- Как ты смеешь нас с Шашубаем дураками ругать? Шашубай имел Орден Труда! А ты что имеешь, кроме мопеда?
 - Не в мопеде дело! Гагарина весь мир знает! А вас кто знает?
- А зачем нас знать? Мы сами себя знаем и хватит! Один лектор приезжал, про космос рассказывал для овцеводов, говорит, скоро арбузы будем выращивать на Луне. Я его спрашиваю, зачем мне арбуз с Луны, сколько он будет стоить? Пять лет надо работать, чтобы такой арбуз купить!

Баглан расхохотался:

- И что он ответил?
- Сказал, трудно вашу дремучесть выкорчёвывать, но они выкорчуют... корчеватели...
- Арал зачем убили? всерьёз завёлся старик. Теперь за Каспий взялись. Вы цивилизацию делаете, только пока сделаете земля загнётся! От твоего мопеда одного вони на всю степь, а от машин какой выхлоп, мой трактор тоже воняет... мне это не нравится, что портится в степи воздух...
 - У вашего Каракала гавно тоже воняет! Что он, ирисами срёт, что ли?
- Это естественный запах! Ты что, кизяк не месил? Забыл уже? Иди под навес понюхай! Может, вспомнишь! Кизяк пахнет теплом и едой! Домом пахнет, твоими дедушкой и бабушкой! Руками твоей матери! Вот чем пахнет кизяк! Нет лучше этого запаха для казаха, который в степи родился!
- Ладно, ладно, старая песня... лучше признайтесь, что заблудились в своих рассуждениях, лучше поменьше думайте! Да, кстати, о Каракале... чего вы с ним возитесь, он уже слепой совсем.
 - Это тебя Нурланбек надоумил такое сказать?
 - При чём здесь Нурланбек? Лошадь ваша, не из-за Нурланбека состарилась, а от времени...
 - Вы лучше про Каракала не начинайте, и близко не подходите, а то застрелю!
 - Да кому он нужен! Его место на скотобойне давно, там заждались...
 - Сказал уже!

Санжар встал, ушёл в дом, обида жгла за Каракала! Почему у Баглана такое беспамятное сердце? Разве не его, Багланчика, старик вывозил в степь на спине тогда ещё молодого адаевского жеребца, разве Каракал хоть раз взбрыкнул или выразил недовольство? Разве мопед, или вот, мотоцикл, могут полюбить Баглана? А Каракал Баглана любил, и каждый день ждал, когда племянник из города приедет, и ждал, когда к нему подойдёт, и потреплет гриву или подует в глаз, как это раньше делал, пока не увлёкся своми железками; но Баглан совсем перестал обращать на коня внимание, всегда ходил мимо...

Что Каракал любит Баглана, – это старик знал доподлинно, уж он-то всё знал про своего коня. А вот за что Баглан невзлюбил Каракала, понять не мог.

А какой он был красавец, это ж настоящий адаевец, степняк! – помесь казахской и туркменской пород, самый для пустыни верный конь, самый быстрый и выносливый! Его мускулистое ладное тело отливало светлым благородным золотом, сухие тонкие ноги до бабок, грива и хвост были угольночёрными, как будто пролетел на всем скаку над палом, только и опалило слегка...

Старик вздыхал и шёл объясняться с конём, шептал ему в ухо:

– Ты не обижайся на Баглана, он ещё стригунок, ну не подошёл в этот раз, в другой раз вспомнит: сердце у него не злое, только лёгкое пока, тарахтит без толку, как погремушка, не знает страданий, пока что... не сердись, – и скармливал ему пару яблок «белый налив»: очень Каракал уважал белый налив. Когда другие яблоки давал, – розмарин, апорт или лимонку – ел, но без удовольствия...

Этот первый разговор о судьбе Каракала произошёл, когда в их жизни уже появился Нурланбек.

А спустя месяц Баглан влетел, едва не свалив ворота, на новеньком мотоцикле.

- В его моторе сорок лошадей, а таких, как ваш Каракал, и все пятьдесят! Целый табун!
- Откуда деньги взял?
- Нурлан одолжил, теперь я на него работаю...
- «Вот как, уже по-свойски называет Нурлан, нашёл себе ровню!»

Этого старик стерпеть не мог, он собрался ехать в город и как следует поговорить с Нурланбеком. Разве для этого человека он вырастил племянника как своего сына, а может, даже это и его собственный сын, так неужели он отдаст его такому вот Нурланбеку? Он скажет, что может продать и трактор, свою часть трактора – свой пай, а если не хватит, то и новый движок, если не хватит, то всё, что есть на дворе и в доме, продаст, чтобы выкупить у Нурланбека своего сына, а если не поможет, то обо всех их делишках расскажет в милиции, – там разберутся как следует!

Когда наступил сентябрь, не в самом его начале, а ближе к концу, он оседлал своего, заслужившего честь этого похода Каракала, пусть конь и неважно видит: его левый глаз постепенно затягивался бельмом, словно белая тучка набежала на зрачок, но правый был горяч и чёрен, как в юности!

А ноги у коня были по-прежнему крепки и уверенно пробивали копытом затвердевшую от первого ночного заморозка землю. Разве что зад стал костлявым, и кости крестца выпирали при каждом шаге. И «волос» уже не шелковился, не отливал степным золотом, а посивел...

Ещё с собой он взял фотокарточку Жанат и челюсть своего друга Шашубая, которую тот завещал ему.

– Пусть она хранит для тебя мою улыбку, – так сказал, умирая, Шашубай и подмигнул, – последний «прикол».

И старик понял, что имел в виду умиравший: пусть сохранится весь их юмор, все «приколы», которые они устраивали друг другу в жизни, и что все будущие невзгоды старика судьба перемелет так же, как это делала челюсть Шашубая, разгрызая бараньи мослы! Старик поцеловал тогда Шашубая в пустую впавшую щеку.

– Потом заберу, ты же ещё не умер, а вдруг поправишься? Ещё твоя Жанар скажет – украл! – невесело пошутил.

Шашубай ответил, поддержал друга:

– Тогда обратно заберу. Жди. Смотри, не продай!.. – и хоть не хотел огорчать напоследок Санжара, но всё же сказал: – Зря я связался с этой ракетой, видишь, уморила меня...

Никто не мог переубедить Шашубая, даже доктор, что ракета здесь ни при чём, доктор даже накричал:

– Хватит нести этот бред!

Скорее опухоль могла образоваться после удара копытом в грудь, когда Шашубай участвовал в козлодрании наравне с молодыми, семь лет назад: но доктор был из города, из Караганды, из центра.

А степь не очень-то доверяла «красивым сказочкам», которые «пели» из телевизора и газет.

И Санжар верил своему другу Шашубаю, с которым был знаком ещё с детства, когда в одном арыке пускали дощечки-кораблики. А не чужому пришлому человеку, пусть и медицински образованному.

Это было долгое путешествие в его жизни, то есть дорога туда... впервые он ехал, чувствуя себя воином, человеком, который едет сражаться за жизнь и судьбу другого человека, своего сына, – это его роднило с душой брата, он как бы чувствовал его незримое присутствие и одобрение...

На Каракале старик собрался проехать сорок километров до посёлка Агадырь, там крупный железнодорожный узел: он, как в кулак, собрал все рельсы Центрального Казахстана, и из этого кулака, потом в разные стороны разбегались стальные нити, по которым шли товарняки, гружённые углём, и пассажирские дальние, и местного назначения. Ему тоже нужен был поезд местного назначения: от Балхаша до Караганды, поезд проходил через Агадырь в час ночи: он будет тащиться, останавливаясь у каждого переезда, и каждого мазара, собирая степных жителей со всех окрестностей.

Коня он оставит у знакомого «директора переезда». Это была старая история, — «прикол», в духе Шашубая.

На переезд понадобился стрелочник, зарплата пятьдесят рублей, развесили объявление, и даже один младший чиновник прокатился на «ниве» по аулам, с уговорами. Никто не хотел за пятьдесят рублей работать стрелочником: поездов много ходит, – только успевай туда-сюда «крутить реле»! За какие-то пятьдесят рублей!

Тогда кто-то догадался и повесил другое объявление: «Требуется директор переезда без высшего образования». Что тут началось! Чиновники чуть не свихнулись! С утра уже, ещё до открытия конторы, толпился народ, едва дверь не снесли, – всем хотелось в директоры! Думали, раз директор, значит, и кабинет дадут, и машину.

А первым оказался Тельжан, даже пришёл с портфелем, правда, пустым, внутрь насовал старых газет «Агадырская правда», чтобы бока у портфеля были раздуты, – как будто там важные бумаги... Жена потом ругалась, что эти газеты она берегла под обои, как в городских домах!

Шашубай и Санжар потом долго потешались над «директором переезда» Тельжаном.

- Где твоя новая машина, Тельжан, колёса меняешь?
- Отстаньте! Уже на всю степь прославили!
- Нет, ты скажи, где прячешь секретаршу, наверное, красавица тебе чай подает прямо на рельсы! И где твой портфель? Небось, начальство думало, что у тебя в портфеле коньяк, а не газеты, вот и поторопились дать работу, хи-хи...
- Дело не в портфеле! Работа ответственная, почти уголовная, а вдруг засну, не опущу шлагбаум, что тогда будет, умники? Авария случится! Или стрелку не переведу состав с рельсов сойдёт, так что заткнитесь, я люблю своё дело! Командую безопасностью, чтоб вы знали, идиоты!

После этого Санжар и Шашубай больше не терзали своими подколками стрелочника, а в народе его так и стали звать: «директор переезда» – ну, в самом деле, он был куда важнее, чем какой-то надутый шишак, просиживающий штаны в конторе, – про таких говорили: плоскозадый.

Хорошие это получились сорок километров до «переезда директора»...

Степь, конь и он, Санжар.

Ехал шагом, изредка, минут на пять переходя на рысь, чтобы Каракал размял мышцы: до сих пор любил, задрав хвост, поиграть движением – то иноходью, то аллюром...

В этот раз Санжар двигался на восход, только небо с утра было затянуто плотно, и лишь там, где должно было быть солнце, был светлый неровный кружок, будто в этом месте кто-то от усердия протер до тусклого блеска серое сукно.

Ветер дул ровно, вбок, без нарастания и порывов... так что через какое-то время заледенела левая половина лица, которая оказалась на пути ветра, ветер выбил из глаза слезу, и она застряла в подглазном мешочке; брезентовый плащ совсем затвердел и похрустывал при движении.

Какой-то это был очень ранний заморозок: степь к нему была ещё не готова, и поёживалась под первым холодным ветром. Это из узкой щели между кромкой неба и кромкой земли, несло понизовым холодом, кажется, что там, за горизонтом, сидит кто-то сердитый, надувает щёки и вдувает в степь своё ледяное дыхание...

Может, не хочет, чтобы Санжар ехал, куда ему надо.

Как только отъезжал от дома, что того уже не было видно, - начинал томиться по Жанат.

Он ничего ей не сказал о цели своей поездки, а она, как всегда, не спросила.

Для других такие отношения были непонятны. Молчаливые, – почти не употребляли друг с другом слов. А он уже так привык к их общему молчанию, что, удивился и, пожалуй, бы испугался другому: он привык понимать её по жестам, по взгляду, по запаху, по дыханию... – это было какое-то первобытное чувствование женщины, – так, наверное, самец животного чувствует свою самку, только свою.

«Дорога Жанат», - так назвал он свой путь.

Можно было спокойно поразмышлять о ней, о брате, о себе. Когда Жанат была рядом, он старался о ней не думать, — был уверен, что она прочтёт его мысли, и это нарушит равновесие их жизни. Но когда выбирался надолго в степь, то давал себе волю...

Любовные игры в степи никого не удивят – всё на виду: и как жеребец свою кобылу оплодотворяет, и как тазы* на самку влезает, и возит ее по двору, и роды всех: овец, собак, лошадей, – на всеобщей видимости, и при помощи человека происходят.

И среди людей степи, живущих на таких сквозных просторах тесно, впритык друг к другу, в юртах или зимовьях, – взаимные чувственные отношения, с одной стороны, очень практичны, – для пополнения рода, для потомства: очень важно для семьи рождение сына... но, в то же время, поэтичны, – сама природа здесь человеку улыбается, подбадривает его.

Но то, что в юности увидел Санжар, случайно, сильно поразило его.

В тот день, с пацанами из соседних становищ, Шашубаем и Агулбеком, они уговорились сходить за мумиём в горы, что располагались грядой, километров за пятнадцать от их плато. Мумиё можно было потом свезти в Агадырь и сдать как сырец – врачевателю Али; врачеватель платил по тридцать копеек с килограмма. Али потом выпаривал из сырца смолу, из которой приготовлял настойку и мазь. Эти самопальные снадобья пользовались большим успехом у местных, для лечения ран, ревматизма и омолаживания всего организма.

В голове не укладывалось, как это обычный мышиный помёт, с годами, под воздействием горных вод и воздуха, превращался в целебное лекарство. На такой вопрос Али мудрёно ответил: «Процессы окисления».

Впрочем, друзья мало об этом задумывались, главное, что этот промысел приносил деньги.

Это было небезопасное дело.

Можно было нарваться на конкурентов, - такие встречи не раз заканчивались дракой.

Но и сам процесс требовал ловкости и бесшабашности.

Нужно было пролезать фактически туда же, где сновали мыши, – в узкие щели, что находились на крутых карстовых отвесах, так что потом весь живот был располосован царапинами, как будто его выстирали на «кварцевой щётке»; можно было попасть под камнепад или застрять: так случилось годом ранее, с Шашубаем – внутри щели, гора схватила его за ступню и не хотела отпускать...

Друзья тянули его за руки наружу, а гора внутри сжимала каменными пальцами ступню и не возвращала Шашубая. Тот орал от страха и боли, но и Санжару с Агулбеком тоже было страшно, не меньше Шашубая. Хоть и не больно. Всё же уговорили гору отдать обратно Шашубая, пусть и с посиневшей распухшей ступнёй, зато живого.

Но Шашубаю хоть бы хны – быстро забывал плохое: в тот день тоже с ними пошёл, в «поход за гавном» – он это так называл, без церемоний.

И вот, именно Шашубай нашёл хорошую пещерку, в неё можно было влезть на карачках: снаружи она густо заросла диким шиповником, поэтому конкуренты прошляпили, а внутри все камни понизу были густо замазаны чёрной липкой массой, и сумрачно-маслянисто поблёскивали в сквозном неясном свечении; даже попадались отдельные хорошие куски смолы, – прямо «урожай», только успевай отколупывать металлическим крюком, который специально гнули из кручёных проволок, чтобы зацепить облапленный смолой камешек – набрали из этой пещерки килограмма по полтора.

Пещерка оказалась сквозной, – вот откуда был свет, – и выходила на ту сторону горы. Первый высунулся Агулбек и замер, стал отчаянно махать руками – глаза его были круглы и рот округлился в немом возгласе: «O!»...

Внизу, на берегу прозрачного, ещё не успевшего пересохнуть ручья, дремал вороной жеребец, похлёстывая хвостом бока, от насевших слепней.

Ручей в ярком жарком свете бликовал между золотистым галечником, вода в нём ходила радужными кругами, играла...

В ручье стояла абсолютно голая девушка, к которой со спины приник абсолютно голый парень, он обнимал ладонями её грудь и целовал в шею возле уха.

Ручей был так прозрачен, что им сверху были видны щиколотки девушки, которые чёрным пульсирующим венцом окольцевали головастиков, и пощипывали ей ноги, в то время как парень всё ласкал и ласкал её тело своими руками, перебегая пальцами то вверх к горлу, то опускаясь всё ниже и ниже, к чёрному треугольнику волос. Охваченная мужскими руками, девушка стояла неподвижно, закрыв глаза: её лицо казалось даже спящим, но по нему то и дело проносились лёгкие судороги наслаждения и даже боли... иначе, с чего бы ей вздрагивать и постанывать...

Потом парень уложил обмякшую, и будто спящую девушку в ручей, а сам налёг сверху, так что были хорошо видны его напрягшиеся смуглые и круглые ягодицы и хребет спины в ломком напряжённом изгибе, пальцы ног его упирались в галечник ручья и то и дело соскальзывали, как будто он всё собирался оттолкнуться от дна ручья и унестись в небо, потом он вдруг стал вначале медленно, потом всё увереннее, потом уже быстро-быстро, толчками, продвигаться внутрь девушки, она вскрикнула и «проснулась», её ноги вскинулись и обхватили накрест спину парня.

Это длилось какое-то время всё отчаяннее и отчаяннее. Казалось, что вся жизнь их вот-вот закончится... Они оба стали кричать... их крики звучали всё громче и стремительнее, потом оба крика слились в яростном и победном вопле «зверя любви», который помчал их прямо вверх, отталкиваясь от гор, к слепящему диску солнца...

Что было дальше у ручья, никто досматривать не стал: в ужасе быть обнаруженными, пацаны съехали внутрь пещерки, и, не говоря друг другу ни слова, выскочили на прежний склон, ободрав тело и одежду о шиповник, ссыпались по склону и неслись, не разбирая пути, пока не забилось дыхание...

Только спустя полчаса вспомнили, что забыли свои мешки с мумие там... внутри... но возвращаться никому даже и в голову не пришло...

Вечером, на крупе вороного, Санжар обнаружил, притороченными к седлу мешки с мумиём.

– Не знаешь, чьё это добро? – спросил брат. Санжар недоумённо пожал плечами. – Откудава? – брат хмыкнул. – Ну-ну...

Но не стал настаивать, хотя, конечно, мешок Санжара не мог не узнать, – там была суконная латка, заметная, которую сам же брат и делал...

Этот миг у ручья ожёг Санжара навечно.

Он боялся этого воспоминания, мучился им, и всё же травился им, раз от разу, и год за годом.

Тогда он был очень благодарен Шашубаю и Агулбеку за деликатное молчание, – они ни звука не проронили про этот момент. Ни тогда, ни потом.

Но Санжар поневоле вспоминал, какие у них были лица.

Он помнил, как самого его трясло, как естество налилось и готово было взорваться, это было впервые и страшно до отвращения, до отвращения к себе, к своему «балакаю» (мальчуган), или «емип журген кулыну» (жеребенок-сосун), «кишкентаю» (меньшой) – (так, по-разному, называл «его» отец, когда обмывал маленького Санжара в тазу или на озере), – к тщедушному и спрятавшемуся на животе, приникшему к животу в страхе и жалости, но полному запретных желаний; и отвращения к Жанат: зачем она так? как могла быть такой? – от этого его уже ночью неудержимо рвало и обметало жаром, – он сказал, что объелся перепрелым одичавшим урюком...

Сколько ему тогда было... пятнадцать или четырнадцать? он уже не мог вспомнить... – канун войны, всё это было в канун войны...

Потом у Жанат было два живота и две дочки; но он знал, видел воочию, как это всё с ней происходило, чтобы потом получились эти две черноглазые девочки...

В отношении к брату у него тогда возникло раздражение и чуть не злоба...

Когда брат положил как-то ему на плечо руку, он, не успев подумать, резко сбросил её... ему было неприятно любое прикосновение брата, и он стал примечать, что у того есть дурная привычка причмокивать губами во время еды, что он шумно высасывает мозговые кости, и при этом у него ещё двигались уши – это раздражало, раздражала и походка брата – и его смех, вообще эта способность быть весёлым... и уж особенно, когда он по-хозяйски «потискивал» Жанат...

Всё это прервалось с уходом брата на войну...

Жанат полдня валялась в пыли на дороге, мертвее мёртвой, никто и не думал пойти и поднять её. Это её горе, к которому никто не смел приблизиться...

Когда Брат прощался с ним, то крепко обнял, очень крепко, так что губы Санжара невольно, до боли, впечатались в жёсткую грудную кость в распахе рубашки, и потом на губах сохранялся вкус брата: потный, горьковато-полынный, – он потом боялся невольно облизнуть губы, чтобы этот вкус не исчез, он хотел, чтобы пот навсегда впитался в губы и хранил запах и вкус брата; пока он это мгновение стоял в прощальных тисках, в его голове бешено крутилось колесо. То самое колесо, без камеры, с железякой-крючком, которое когда-то ему, пацану, смастерил брат из ржавого велосипеда проезжего геолога... Сквозь спицы яростно било солнце. Внутри колеса вращался «зверь любви» и ему было не выбраться... он сейчас завращается до смерти:

– Ааа, – забился в крике Санжар... потом затих. Обмяк на руках брата...

Уходя, брат сказал:

- Оставляю тебе Жанат...

Вначале это казалось естественным, он один оставался мужчиной в семье, – все остальные умерли своим ходом...

Потом стал думать, почему брат сказал то, что сказал. Что значит: «Оставляю тебе», – дарит, что ли, ему Жанат, отдает навечно? Если не так, должен был сказать: «Поручаю тебе свою жену и детей, береги их до моего возвращения»...

Но он сказал так, как сказал: «Оставляю тебе»...

Так не говорят, когда собираются вернуться... только в июле сорок первого года он не мог знать, что не вернётся никогда... никак не мог.

Над этой фразой Санжар думал всю войну, и после войны все прошедшие годы, и сегодня, когда ехал на «переезд директора» – тоже о ней подумал.

Зачем ему так сказал брат, а может быть, надо было взять Жанат и жить с ней как муж с женой... поговорить, рассказать ей о словах брата, – не упустил ли он самое главное, ради чего всё?

Но именно так произнесённая братом фраза и мешала всю жизнь Санжару, – она вводила его в желание... в плохое желание, чтобы брат не вернулся...

Это была страшная пугающая мысль, которая нет-нет да и пробиралась в голову Санжара, - если брат не вернётся, то Жанат останется ему, Санжару...

И когда однажды он ясно это пожелал – чтобы брат, которого любил как отца, не вернулся с войны, то готов был расковырять себе мозг, чтобы достать оттуда эту мысль и раздавить её, как гадину, каблуком...

Эта мысль, всё равно что – пуля, которой он выстрелил в спину брата, там, на войне...

Степь запасмурела: небо уплотнилось, налилось свинцовой тяжестью, опустилось совсем низко, вдали, практически легло на землю и создавалось впечатление, что Санжару вместе с конём не пролезть в узкую щель горизонта, за которым скрывался Агадырь и «переезд директора».

Ветер внезапно стих, и минут через десять безветрия, бесшумно западала белая крупка, тут же покрывая землю седыми клоками, будто их кто дерганул с головы мёртвой старухи, скапливалась в следах копыт, забивала сусличьи норки, горизонт скрылся за мутной завесой... Санжар надвинул на голову капюшон и поплотнее запахнул брезентовый плащ...

От брата пришло пять писем, и всё. И потом, только через полгода – извещение, что «пропал без вести». Опять неопределённость, что значит пропал?

Всю жизнь эта разъедающая неопределённость во всём...

После получения этой бумаги-извещения, Санжар стал думать, нет ли его вины в этом «пропал без вести», не было ли такой звериной силы в его мрачном желании, что она встала на пути возвращения брата домой, может она оказалась действеннее ожидания и тоски Жанат.

Жанат тогда сказала: «Он живой, вернётся». А он не сказал, но подумал: «Нет».

И оттого, что он так подумал – «нет», чувство вины всё росло с годами, и мешало подступиться к жене брата, кроме, возможно, вот той ночи в пятьдесят седьмом году.

Ему тогда было тридцать один, и он уже вполне освоился с умением напиваться.

Подростками они с Шашубаем и Агулбеком накуривались анашой до свинячьего хохота, а потом узнали и водку с самогоном, а если самогонку настоять на выпаренной эфедре, то это такое получалось... что на следующий день лучше было не просыпаться... а просыпаться дня через три... И конопля росла в степи, и эфедра. Узбеки коноплю в плов добавляли... потом все ходили «обдолбанными» – веселуха.

После одной попойки с Шашубаем и вырос у Жанат последний третий живот.

Но слишком много в тот раз забухал Шашубай эфедры в самогонку, так что только зыбко маячил смутный хвост воспоминания, что видел над собой то самое «спящее» лицо «девушки из ручья»... лицо, покачиваясь, плавало во мгле – как луна, то приближаясь, то удаляясь ввысь к звёздам... и ещё, пугающее ощущение ямы, пустоты между ног в паху... даже взглянул, всё ли там на месте...

Когда Санжар осмелился выйти в общую комнату, там на коврах уже раскинул ноги Шашубай, вокруг лба его был накручен платок и ещё из пиалы бедолага поливал водой темя.

Жанат подала Санжару миску с айраном, сказала: «Выпей» и ушла на двор. Всё как обычно, ничего нового в её лице или жесте, в том, как подала ему миску, в тоне, каким сказала: «Выпей», – для себя не услышал...

Он тогда здорово разозлился на Жанат и швырнул миску с айраном о стену.

Он иногда на неё злился.

Неужели она не видит, как он мучается желанием, не чувствует притаившегося в нём «зверя любви», не чувствует смертной тоски «зверя» по ней, не ощущает его мужского первобытного запаха, его силы... почему не отзовётся её душа, её плоть, которая скоро, ещё несколько лет и превратится в труху!!!

Разве его тело хуже, уродливее тела брата, разве не развилась за эти годы его грудная клетка вширь, разве его спина не имеет твердости и гибкости, разве руки не могут быть такими же нежными и любящими, как у брата? Разве он не смог быть таким же страстным и мощным, как брат у ручья? А его «кишкентай» давно превратился в «Сары-арку»!*

Он его уже сколько раз проверил, когда «драл» в Агадыре «лёгких» девок, те сами лезли на его... вопили, раздирая горло, когда он раздирал их изнутри до самой матки, когда шуровал там раскалённым затвердевшим жезлом, с победной мощью и силой...

После таких вылазок он возвращался домой заматерелым, чувствуя себя состоявшимся мужчиной, пропахший вязким и кисловатым соком «любви», «запахом жеребца», и поглядывал на Жанат с усмешкой и свысока... – таким она его побаивалась.

Как-то Шашубай привёл свою кобылу, чтобы Каракал её покрыл.

Они стояли возле загона и посмеивались...

Проходившей по двору Жанат Санжар бросил: «Погляди, вот как это делается!»

Жанат с испугом шмыгнула по ним взглядом, задёрнула лицо платком и почти бегом скрылась в доме. Больше в тот день не показывалась.

Вечером Санжар робко подёргал занавеску над проёмом двери её комнаты – хотел извиниться за вырвавшуюся грубость.

- Уходи, - глухо сказала.

Он потоптался у занавески, вздохнул: «Ээх», - и убрался восвояси.

Да, это был самый сложный период.

Когда он мужал и хотел от жизни подтверждения своему возмужанию.

Особенно тяжко было зимой.

Их саманный с плоской крышей дом торчал посреди ровной тарелки тургайского плато, продуваемый ветрами.

Зимой же отчаянные и свободные, не знавшие удержу буранные ветры исхлёстывали стены дома и запелёновывали его снегом по самую крышу. Крышу же так заваливало, что она постанывала и грозила вот-вот рухнуть внутрь дома.

Когда бураны стихали, Санжар выбирался и целый день только и расчищал дом и подворье до следующих буранов.

А внутри дома только в большой комнате печь хорошо протапливала помещение, и все собирались поближе к теплу. Жанат чесала козью и верблюжью шерсть, потом мотала из неё нитки и валяла носки и малахаи. Санжар чинил всякие рабочие причиндалы, в доме толклись ягнята и собаки. Жанат всё время была на глазах, каждую минуту... как было себя удержать...

Он брал с собой на ночь палку и грыз её зубами...

Легче стало, как ни странно, когда у Жанат стал подрастать живот.

Санжар чувствовал, как там внутри, в таинственном и желанном ложе, зреет новая человеческая жизнь, к которой он мог быть сопричастен, и это новое материнство вознесло для него Жанат на какую-то недосягаемую вершину.

Её лицо округлилось, по нему разлилось спокойствие, и вся её располневшая в сиянии женственности фигура и наливающийся выпирающий из-под платья живот утихомирили желание, а возникло новое, до этого неизвестное, – жалость к её телу и страх, что оно может повредиться: он готов был сторожить её живот день и ночь...

Те, прежние её «животы», у него тогда вызывали отвращение, тогда он ко всему причастному ей относился с отвращением, и к тому же, учился в интернате в Агадыре, видел её мельком и старался избегать встреч... поэтому не видел вот этого каждодневного созревания ребёнка внутри материнского тела.

Теперь же находился на расстоянии двух дыханий от её живота...

Запомнился вечер: прямо на линии горизонта выкатилась круглым желтоватым шариком маленькая луна, небо было цвета горечавки – глухо-синее; по степи, за двором, небрежно и редко были разбросаны жёлтые чашечки тюльпанов, воздух, насыщенный запахом полыни, слегка горчил.

Жанат стояла так, что её силуэт с большим, чуть опустившимся, уже готовым к родам животом и напряжённой вогнутой спиной, которую она придерживала руками, чётко обрисовался на этом фоне.

И этот тревожный силуэт женщины в ожидании родов как-то заместил в сердце Санжара ту, прежнюю, девушку из ручья.

Он неслышно подошёл и стал рядом... вечер застыл, даже цикады примолкли.

Жанат взяла его руку и положила себе на живот: он ощутил под своей ладонью упругость и натянутость её живота, так что стало не по себе, и вдруг откуда-то из глубины, его что-то толкнуло в ладонь, раз и другой, он почувствовал, как из живота выперло что-то маленькое и твердое, и оно толкается в его ладонь...

Лицо Санжара, видимо, выразило такой испуг и изумление, что Жанат рассмеялась:

- Его пятка.
- Чья?! почему-то шёпотом спросил Санжар.
- Его, скоро увидишь...

Теперь он находился на расстоянии одного дыхания от её живота... который она доверила ему потрогать. Впервые, так открыто, «по её доверию», он к ней прикоснулся, но это прикосновение не вызвало у него того прошлого, неистового желания, а только тихую мягкую нежность и печаль... которая затопила степь до самого горизонта.

Это было за два дня до рождения Баглана...

Анатолий СПИВАК

г. Кемерово

Спивак Анатолий Владимирович родился 19 ноября 1949 года. В 1972 году с отличием окончил Кузбасский политехнический институт по специальности конструирование и производство горных машин и комплексов. Автор нескольких изобретений. Преподавал в институте «Детали машин». Более тридцати лет работал инженером-конструктором и технологом. Профессиональная деятельность — разработка технических документов, наложила отпечаток на литературный стиль автора — это короткие рассказы с максимальным количеством информации в малом объёме текста. Публиковался в журнале «Новый Свет» и газете «Перекрёсток Виннипег» (Канада). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Одесский «дурачок»

Рассказ

В 1969 году Берта приехала в родной город Одессу, из которого чудом спаслась на последнем пароходе в 1941 году. Убегали тогда от неминуемой гибели всей семьёй: пожилая мать Берты, старшая дочь-подросток, новорождённая месячная дочка и две сестры. Все они, кроме Берты и её старшей дочери, впоследствии умерли от тифа в эвакуации. Муж Берты Яков, убеждённый коммунист, в первые дни войны ушёл добровольцем на фронт, и в скором времени на него пришла похоронка.

Послевоенный город встретил Берту и её внука Виктора обычной суетой.

– Пойдём в мой двор, где я выросла и жила до войны, – сказала Берта. – Вдруг знакомых встречу, хотя столько лет прошло. Вон там мой дом, на углу улиц Чижикова и Канатной. Сейчас их переименовали, но для меня они остались прежними.

С волнением вошли в арку типичного одесского дворика.

- Видишь, на третьем этаже балкон нашей бывшей квартиры.

На деревянной лавочке, приткнувшейся к стене, в тени отдыхала пожилая женщина.

- Дама, дама! громким гортанным голосом окликнула она вошедших. Вы случайно не Берта?
- Клава! Ты ли это!? Вот так встреча! присмотревшись, радостно воскликнула гостья, и женщины обнялись.
- Вот, приехала из Сибири, посмотреть на свою Одессу, на родной двор. Ты в оккупации была? Расскажи скорее, что случилось после того, как пришли фашисты!
- Страшное творилось тут! Клава помолчала, и вдруг её глаза недобро заблестели. Помнишь Борю-дурачка?
 - Конечно, помню.

Берта отчётливо вспомнила тихого неприметного идиота, который ходил с глупой улыбкой и никому зла не делал. Он был, казалось, здесь всегда и не менялся с годами. Его жалели и подкармливали. Только дети его боялись. Дурачок любил внезапно схватить пальцами за щеку и больно ущипнуть. Дети жаловались родителям, да что с убогого возьмёшь?

Клава вздохнула.

- Оказался он вовсе не дурачком, а офицером немецкой разведки. Кажется, майором. Приходил в немецком мундире.
 - Дурачок Боря!? Немецкий офицер!? Не может быть! возглас удивления вырвался у Берты.
- Так и было. Секретов от дурачка не прятали, он всё про всех знал. А когда пришли фашисты, он явился с местными полицаями и всех на погибель отправил: евреев, коммунистов... Твоего соседа Иосифа увели куда-то, и больше мы его не видели. А девяностолетнего парализованного деда Герша по приказу дурачка полицаи выбросили с балкона. Не захотели тащить старика с третьего этажа. Прямо вот здесь он и разбился насмерть.

Слёзы навернулись у Берты. Женщины помолчали.

Впечатлительный Виктор, не видевший ужасов оккупации, сам едва сдержал подступивший к горлу комок. Ему почудилось кровавое пятно на месте падения несчастного старика.

– Многих тогда увели, – продолжила Клава. – А помнишь Полю-дворничиху? Она умерла лет пять назад. Её сын в войну был полицаем и тоже участвовал в расправах. Отсидел своё и сейчас живёт в материной квартире. Пьёт беспробудно... Живёт, собака! А убитых не вернуть...

Женщины замолчали, вспоминая дорогих людей, сгинувших в кровавой мясорубке.

По тенистым улицам Одессы Виктор молча шёл с бабушкой Бертой и мучительно пытался представить, как могли люди, годами жившие рядом, в одночасье потерять человеческий облик, грабить и убивать своих вчерашних соседей.

А перед мысленным взором Берты то всплывал образ Бори-дурачка, который половину жизни прикидывался и жил недоумком, то возникал лощёный немецкий офицер, хладнокровно руководящий расправой над беззащитными соседями.

Эх, люди-звери...

Мартин ТИЛЬМАНН

г. Бонн, Германия

Член литературного общества «Немцы из России». Автор книг «Юность Виктора Коха», «Пропавшая невеста», «Das Geheimnis der Berge», изданных как на немецком, так и на русском языках.

Юбилей

Рассказ

«Я очень люблю свою бабушку. Для меня она самый близкий человек на свете. Мы часто сидим вместе на диване, укрывшись пледом, и она мне рассказывает о своей интересной жизни. Оказывается, моя бабуля великая путешественница. Объездила весь мир, сохранила огромное количество фотографий и воспоминаний, которыми делится со мною. И рассказывает так интересно, что часто я могу представить все её приключения, как будто сам принимал в них участие. А у неё от приятных воспоминаний светятся глаза, и от них разлетаются добрые лучики-морщинки. Скоро у неё 80-летний юбилей! Я долго думал, чем бы её приятно удивить, чтобы снова увидеть блеск её глаз, и решил сделать сюрприз. Я подумал: вот было бы здорово, если бы люди из разных стран прислали ей поздравительные открытки! Лучше и приятнее подарка для моей бабушки-путешественницы не найти!»

И тогда необычное объявление с просьбой поздравить бабушку с 80-летним юбилеем появилось в газете «Иностранец». Прочитав эту просьбу внука, я проникся к нему симпатией и начал фантазировать: «Кто бы мог откликнуться на такое объявление и как сами внуки подготовились к этому мероприятию».

Повествую от имени внука:

– Юбилей приближался. Я ежедневно встречал почтальона, и когда, наконец, пришло первое поздравление, я открыл свою тайну ему и попросил, все поздравительные открытки на имя бабушки, вручать мне. Ведь это всё должно стать сюрпризом.

Мы, пять внуков, никак не могли сообразить, что же купить бабушке к её 80-летию. Когда люди достигают такого почтенного возраста, у них уже всё есть. Чего им обычно не хватает, так это человеческого тепла и общения с добрыми людьми.

Мы решили ничего не покупать, а подарить бабушке фотоальбом, отображающий её жизненный путь. Мы выбрали из её фотографий самые интересные, сделанные в разных странах, обошли всех родственников и попросили дать нам на время имеющиеся у них фотографии бабушки. К нашей радости, нашлись фотографии с детских лет и до настоящего времени. Мы обратились в фотоателье и попросили сделать копии с этих фотографий. Втайне друг от друга, мы стали сочинять комментарии к этим снимкам. Потом мы устроили конкурс на лучший комментарий, пригласив в жюри свою бывшую учительницу по литературе, которую посвятили в наши планы.

Мы купили красивый альбом и написали на обложке: «Жизненный путь нашей бабушки», в нижнем правом углу написали: «От любящих тебя внуков». Затем разместили в нём, в хронологическом порядке, все фотографии с комментариями.

Люди со всей нашей планеты откликнулись на объявление в газете «Иностранец», и поздравительные открытки стали поступать со всего Света. Их было так много, что пришлось купить специальную корзину для них. Тайну об открытках я не выдал даже своим братьям. Корзину с открытками я украсил гирляндой цветов, а открытки рассортировал по континентам с соответствующей надписью. Таким образом, весь Земной шар с добрыми пожеланиями для моей бабушки разместился в корзине. Даже с Антарктики пришли две открытки... Я ликовал, предвкушая триумф!

День рождения бабушки совпал с субботой, и все были дома. Напротив дома, где жила бабушка, был кафетерий с залом для семейных торжеств. Его-то мы и арендовали для нашего торжества. Мы украсили длинный стол юбилейными свечами с цифрой 80 и ромашками — любимыми цветами бабушки. А во главе всего торжества должна была восседать бабушка. И вот, в праздничной обстановке мы все собрались в этом зале. На этот раз гости пришли без опозданий.

Первым бабушку поздравил мэр города, вручив имениннице большой букет роз. Затем мы, внуки, вручили ей альбом. Газета «Иностранец» тоже прислала свои поздравления с годовым абонементом на газету. Потом поздравляли наши родители – бабушкины дети.

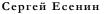
И завершая вереницу желающих поздравить нашу бабушку, я преподнёс корзину с открытками со словами:

– Дорогая бабушка, то, что мы, твои внуки, всем сердцем тебя любим, ты знаешь. Однако чего ты не знаешь, так это то, что о твоём юбилее знает вся планета Земля. Об этом свидетельствует вот эта корзина с поздравительными открытками. Сейчас мы не можем тебе все эти открытки прочитать, ибо обед стынет, но у тебя будет ещё много уютных вечеров, когда ты сможешь их все прочесть и ответить на них.

Так я закончил свою необычно длинную для меня речь. У бабушки, да и у гостей тоже, при виде этой удивительной корзины с конвертами заблестели глаза, и лучики-морщинки радостно прищурились.

Сюрприз удался на славу!

Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных. Я хотел бы затеряться В зеленях твоих стозвонных.

لتر الا

Поэзия принадлежит к народному воспитанию. Василий Андреевич Жуковский

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Республика Казахстан Член Союза писателей России. Председатель Казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Заведующий отделом международных литературных связей журнала «Северо-Муйские огни».

Переводы Джона Китса

Бывал я часто в сферах золотых, Порой их красотой был удивлён. И даже жил на островах таких, Где бардов вдохновлял сам Аполлон.

О месте говорили мне одном, Гомер владел им, правил много лет. Я воздухом земли той опьянен, И Чапмен мне открыл её секрет.

Но я повёл себя как наблюдатель, Что на планету устремил свой взор. Иль как Кортес, конкистадор – мечтатель, Он водной глади полюбив простор,

Со свитой покорил немало стран, И тут увидел – Тихий океан.

2015

Ода к греческой вазе

1

Тебя зовут невестою покоя, С тобою безмятежность, тишина. И тот, кто сотворил тебя такою, Напишет пусть стихи тебе сполна. Легенда окаймлённая какая Витает над богами день и ночь В Аркадии долинах, без прикрас? Как этим людям чем-нибудь помочь? Чтоб без борьбы – погони избегая, Свирели, бубны, бешеный экстаз?

2

Чарует слух мелодия сполна, Звучит лишь слаще нежная свирель. И душу радует собой она Как это делает весной капель. Не расстаётся с песней юный друг, Его влекут деревья красотой.

Он сам любовник, жаждет поцелуя, Желая с милой избегать разлук. Перед собой не видя цель другую, Он будет жить одной своей мечтой.

3

Ах, эти ветви полные удачи!
Они не сбросят листья до весны.
И музыкант счастливый, не иначе,
Им песни новые сотворены.
Любовь он воспевает много раз,
Всегда горячую и молодую,
Трепещущую нежную всегда,
Но страстную безудержно подчас.
И сердце выселит печаль любую,
В нём места ей не будет никогда.

4

А кто идёт на жертвоприношенье? Ты назови алтарь такой, о, жрец. Ведёшь ты тёлку явно на мученья. Она мычит и чувствует конец? И это странный город у реки, А может быть, у моря, с цитаделью. Людьми покинутый он на рассвете? В нём не слышны на улицах шаги. Лишь тишина, совсем не до веселья. Никто там на вопросы не ответит.

5

Аттическая форма! Красота – Из мрамора толпа дев и мужчин, Лесные ветви, жизни суета. И для бесед нет тем и нет причин. Холодная как вечность Пастораль! Так времена сменяют поколенья, Ты станешь посреди другого горя. И человеку скажешь, без сомненья: «Есть в правде красота». Вот только жаль, Что путь к её познанью часто горек.

2015

Анатолий ГОРБУНОВ

г. Иркутск

Член Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского с вручением медали (за книгу стихов «Чудница», 1975), Всероссийского конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена (грамота Королевского посольства Дании и Фонда «НСА-2005»), премии Международного конкурса детской и юношеской книги им. А. Н. Толстого. Награждён Знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», дважды лауреат премии журнала СП России «Сибирь». Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Слезятся утренние кичиги*...»

Снежный барс

В. Выборову

Костерок понемногу дымился. Безмятежно гоняли чаи. И откуда он здесь появился?! Человечьи следы, кедрачи...

Грозный гость из дремучих поверий Тихо рыкнул и замер на миг: Отраженье пятнистого зверя О каменья сломал Утулик.

Появился внезапно на кряже И внезапно, как призрак, исчез. Снежный барс... Не поверилось даже... Житель вечных снегов и небес!

- Это знак, нам ниспосланный выше, - Заикаясь, мой друг произнёс. – Мы нашли мумиё... Толя, слышишь? – И с улыбкой кивнул на утёс.

На охоте

В. Козлову

Черпал воду и замер в поклоне: Как загадочен мир и велик! Что ни плёс – на текучей иконе Отражается Господа лик.

Так и хочется петь от восторга, Быть святым, не рубить, не стрелять. Жить и здравствовать долго-предолго, Любоваться на струйную гладь.

Просыпаться под райские песни И ласкать всё живое, любя, Твёрдо знать, что из манны небесной Ждёт готовая каша тебя.

Втихомолку, стыдливо, шипицей Безысходность кольнула в груди: Вон дрова и убитая птица... Надо ужин готовить идти.

Ночь мелькнёт, снова жить как придётся, И кормить свою грешную плоть... Может, плачет, а может, смеётся На текучей иконе Господь?

Севера

Дикое, знобящее раздолье. Наледи. Сугробы. Тишина. Сломанные жерди да околье –

Бывшая великая страна Истребили птицу и скотину. Растеряли походя добро. Облепило вербы да осины Чёрных птиц угрюмое юро. Разбрелись по свету посельчане. Некому работать на земле. Жизнь и смерть на зимниках венчая, Волчьи стаи мечутся во мгле. Обживает лютое заморье Брошенные нами севера -Золотом набитые сугорья, Полные распадки серебра. Сивый снег скрипит, как половицы. Негде приютиться на постой... Посадили чёрта на божницу -Надругались сами над собой.

Российский алмаз

Отчий берег маячит далёчко. Чайки стонут на все голоса. Течь дала омулёвая бочка. Прохудились насквозь паруса. От Байкала исходит сиянье, И гольцы Акатуя седы. Налегай на весло, россиянин, За обманчивым небом следи. Баргузин ли, сарму проворонишь – Тут же хищник сверкнёт над тобой, Из тяжёлой державной короны Жадно вырвет алмаз голубой.

Пастушок

Слезятся утренние кичиги.* Окно до пояса во льду. Обую тятенькины ичиги И за околицу уйду. Почуяв кровь, собаки ссорятся. Горят высокие костры. Деревня к празднику готовится, Острит брусками топоры. Задорно в избах кукарекают, Скот отпевая, петухи. Бычки с объинистыми веками Ломают прясло из ольхи... В глушь забреду путями странными, Не видеть чтобы, не страдать, Как будут белыми туманами Их души в небо улетать.

^{*}**Кичиги** – три звезды.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России. Редактор, автор переводов, статей, вступлений к книгам, рецензий. Автор 7 книг стихов. Заведующий отделом публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

«Трамбуя грунт исповедальный...»

Золотая свадьба

Поэма благодаренья

Настал торжественный момент, где слиток слов есть тот же орден. «Да здравствуют отец и мать», – звеним мы золотым аккордом.

Да здравствуете оба вы, вам здравствовать ещё бы много, да стали зимы холодны, да стали медленнее ноги.

А начиналось – через край, лилось рекой, само, несметно, лилось и било об пол грань. И лихо впало в лихолетье.

Когда кричали «горько» вам в застолье людном, блюдном, пьяном, не думали там о словах, обряд – он должен быть стаканным.

Не знали там, как верен крик утробно властный, сладострастный, и из каких составлен игл тот штамп татуировки счастьем.

Как 33-й, чтоб спасти, начнёт для вас отсчёт мотаний. Как меток будет чуть спустя прицел свинцовых попаданий.

Как жадно будут восемь ртов глотать навар кокор с крапивой. И недоимок как зато отмена будет справедливой.

И сколько ношек – всё серпом – нажать, принесть для той, мычащей, что всех спасала молочком сырым, горячим, как кипящим.

Да, это точно – среди всех тех ношек не было амбарных или скирдовых, или тех, что носят длинные карманы.

И в передрягах вы спасли бессребренность – святое знамя... И вот из множества спасиб какое выразить, не знаю.

Спасибо вам за мою шерсть фамильную, ей знаем цену. За вопреки ей радость лезть на печки тёплую μ

Когда, подушку обласкав, я сладко спал, спал, как убитый, при *каганце*² шёл труд облав на бденье мелких паразитов.

Спасибо позднее моё за детства век недолговечный, не обеспеченный ремнём, один единственно беспечный.

За привилегию тайком расти неслышно, будто травы. За замечательное право пастись по росам босиком.

За то, что отнятый отцом «у зайца» рафинад был чудом, хоть замусоленный, с овсом и в табачинках сорта гундий.

За двухголосье *«гаем-гай»*, где удаль – в выдохе с печалью. За то, что душу в них влагать вы не у моды *позычали*³.

А может, у таких же баб, чьи *гуканья*⁴ теперь в почёте, чей втиснут вековечный скарб в диск на Апрелевском заводе.

У девок тех, что *закликать весняночку* себе умели и молодо сидели, как русалки на *гряной*⁵ неделе.

У Клима Шмата, что как есть пел лазаря и пел *«Достойно»*, и *«Воскресение*, – пел, – *днесь»* за шмата вещество ржаное.

Он христарадничал. Ему – Христа уже и помня вряд ли – совали что-нибудь в суму, пожалуй, больше сердца ради.

Он шёл с туманом на зрачках, с басищем шёл неразведённым, не помещавшимся в церквах, шёл с лирой, плакальщицей томной.

Теперь ей выпало стоять в консерватории, музейно. И зрячие на ней рыдать не смеют, да и не умеют.

И думаю я: что тебе, столица, в этих звуках пленных? «Днесь» уже нет, а есть – «теперь». Теперь поют не те куплеты!.. Но каждый звук ваш – внук времён тех, где *Софония, Митуса*⁶ ль, нелепо ли, но плакал он, земеля мой, – о «Земле Руской»!

Спасибо вам, что я застал его последний звон приветный. Я верю всё ж, что красота его останется бессмертной.

И тонок пусть культурный слой – магнитный слой кассетной ленты, – как на заслуженный покой в него уйдя, не канет в Лету.

Вот только знаю ещё то, что красоте воспроизвесться тем проще всё ж, чем больший ток записан на кассете сердца...

Спасибо вам ещё моё, что знаю запах, помню радость вносить в людей житьё-бытьё телка родившуюся слабость.

Что натуральность всю пути от коноплины до рубахи я видеть мог, мог поднести *замашки*⁷ маме-тонкопряхе,

шершава чья была рука, мороз стирающая с кожи... За мягкотелость языка из глаз вытаскивать порошья.

За то, что всех наследств ценней и сундуков прочней приданых вы кость наследовали мне, опорную мою крестьянскость.

И шарик мой, каким качу, трамбуя грунт исповедальный, обрёл брюшка величину меж молотом и наковальней.

Ну а добро – не в коробах и не в пуховых малакучах, добро копили вы в горбах, не счесть его, не иссундучить.

Вам смысл добра от A до Я был явлен с детства, несомненно, – на тесность бедствий отвечать души широким преломленьем.

Нам жить всегда бы потесней, как пальцев общество простое, да разлучились по стране пятиконечною звездою.

Поразлетелись кто куда, кустарность предпочтя артели, рассажены по городам кусты Брян-Кустич⁸, все отдельно.

Но родины великий зов нас посещает в час беззвучный, являясь вдруг в обитель снов, в их тайный промысел тягучий. И проявляясь, не секрет, в везенья час, в час пешедрала, когда не нужен уж билет ни мне, ни фибрам чемодана.

Когда доеду я сойти на стёжку в липах густокронных, где столько гнёздной лепоты и всё обкаркали вороны.

Где как-то я два брутто нёс и шла крестьянка пожилая – «Помочь?» – потряс меня вопрос, он был без фокусов, я знаю.

Затем локаторы ушей наполнить заповедной рощей, вниз-вверх, вниз-вверх – и вот уже похлопать дом по рёбрам тощим.

Качнуть крыльца скрипучий строй, не обойти порог вниманьем – и плеч былых обнять сухой остаток немонументальный.

Поставить за столом на вид пример, собою однозначный: жизнь из ошибок состоит, но всё-таки не неудачна.

Дырява пусть была она, вы все нули позалатали, пусть из соломы купола и только свадьба золотая,

в ней перепало кой-что нам... Так хлобыстнём же позолотцы, пусть золотой налив вина по веткам нашим разольётся.

За вас, прекрасные мои, кузнец и жница, серп и молот, чтоб не в последний раз могли, как говорится, дай Бог снова.

За естество таких минут, пока блаженство есть встречаться, прошу вас сил найти на труд обоим здравствовать всечасно.

1978

- ¹ *Чарена* плоский верх русской печи.
- 2 *Каганец* самодельная керосиновая лампа с фитилём, скрученным обычно из ваты.
- ³ *Позычали* брали в долг.
- 4 *Гукальные* песни («гукать» звать), или *веснянки*, которыми *закликали* весну прийти поскорее, являются частью сезонных славянских песнопений, восходящих к языческим временам.
- 5 *Гряная,* или *русальская,* неделя седьмая неделя после Пасхи, накануне Троицы, зелёные святки.
- 6 *Софония, Митуса* предполагаемые, по разным версиям, авторы «Слова о полку Игореве».
- 7 *Замашки* конопля мужская (бессеменная), волокно которой шло на изготовление полотна.
- 8 Брян-Кустичи, или Кустичи Бряновы село на Брянщине, прародина автора. Колёсная лира слепого брян-кустичского нищего певца по-местному, старца Клима Шматова, на которой он исполнял духовные песни, хранится в Московской государственной консерватории.

Малгожата МАРХЛЕВСКА

г. Гдыня, Поморское воеводство, Польша

Главный редактор издательства «Прекрасный мир». Галерейщик, переводчица прозы Альберта Лиханова, Александра Потемкина, Варвары Рязанцевой, Елены Петровой-Ройгно, Жанны Лельчук и стихов Ольги Харламовой, Игоря Елисеева, Галины Щербовой. В России стихи публиковались в «Литературной газете» (Москва), альманахе «Рукопись» (Ростов н/Д).

«Потайной взгляд...»

*** будь как Везувий а я Этна что в прошлом спрячет пыль и лаву

а пурпурно-бархатные

маки расцветут над каждым нашим словом когла мысль последняя бледной тенью

за нами закроется ЭTΩ наши сердца раскалённые

как фонари дорогу показывают

нам

и мы оказываемся счастливыми

уже навсегда в пасмурный

безнадежно безнадежный

мрачно-серый

судный день

Вэтой конюшне лузитанка чубарой масти соседствует с большим грустным гнедым мерином они тоскуют

пο зелёным просторам худой

Филипп нервно

подсчитывает

доход ΩТ одного стойла я благодарю

Тебя за эти уроки

возвращаюсь

как обычно к коням людям мечтам Любовь между

перегородкой

паддоком псевдо

парадное облачение

безвкусно

поцелуй это сонное изображение

под бровями потайной взгляд затуманенных глаз как на стыке моря и туч легкая полоса горизонта я всматриваюсь чтобы

уловить этот проблеск правды о нас

отраженный в Твоих мыслях

я читаю

новые буквы словно капли на зеркальной глади моря

через минуту

мне не останется даже

крошки сомнения твое молчание я втискиваюсь как в тёплое облако

в плечи

которые не позволят мне опуститься на землю

Перевод Игоря Елисеева, Ростов-на-Дону

Алексей БОРЫЧЕВ

г. Москва

Член Союза писателей России.

Кандидат технических наук. Лауреат литературной премии Арсеньева (журнал «Литературный меридиан», номинация «Поэзия», 2013). Награждён литературной медалью «А. С. Грибоедов», дипломом «За верное служение отечественной литературе» (СП РФ). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«И сияет звезда надо мной...»

Звезда и тайна

Пульсирует ночь и пульсирует день, Врастая в свои очертанья, Дары принося бесконечной звезде, В которой скрывается тайна.

У тайны закрыты глаза и уста. Она просыпаться не хочет. Ей тихие песни слагает звезда, Всегда молчаливая очень.

И ты не тревожь понапрасну звезду, О тайне не думай ты больше. А лучше живи, отвергая беду, В какой-нибудь старенькой Польше...

Смотри, как пульсируют ночи и дни, В себя непрестанно врастая; И тихая скука тебя сохранит, Привычная, злая, простая!

И был этот день...

И был этот день... и земля... и звезда. По рельсам осенним неслись поезда, По лунным блистающим нитям, По мгле, по судьбе, по событьям...

И кто-то стоял, разливая вино По тёмным бокалам и глядя в окно, Где олово дня остывало, Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме, В осенней кисельно текущей сурьме, Блуждали пространство и время, Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил, Допив из бокалов остатки зари, И слышал, как тихо шептались Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов, И осень ему показалась звездой, По небу летящей на север, Где ветер бессмертье посеял...

Фиалковая высота

Четыре огня и четыре сосуда. Фиалковая высота, Где звёздное небо и солнце – посуда Для тайной вечери Христа... Чего же ты просишь? Чего же ты хочешь?.. У времени короток путь. Танцуют канкан тёмнотелые ночи. Так пой же! О прочем забудь.

Забудь полувросшую в землю сторожку И магний тоскующих лиц, И небо, где ворон кружит осторожно, И злобу запретных границ.

И время взовьётся, и когтем царапнет Костлявую грудь бытия... Гляди, как с небес, да по звёздному трапу, Спускается осень твоя.

Мотыльковый туман по реке

Мотыльковый туман по реке. Облепили зарю мотыльки... Там, за омутом, невдалеке, Лиловатое сердце реки.

Тихо бьётся оно в глубине – Родниковым пульсаром добра... Милый друг, вспоминай обо мне, Если чёрная будет пора. Если лезвия слов или снов Искромсают судьбину твою...

...Помню, давней земною весной Повстречал тебя в этом краю.

И взошла над рекою звезда, Мы глядели с тобой на неё. И – казалось – теперь навсегда Будет сладким вином бытиё!

Но звезда отняла у меня – И тебя, и мечты, и покой. Вот, иду я, печалью звеня, Этой северной тихой рекой.

И везде ты мерещишься мне – И в туманах, и на небесах, В голубиной сквозной тишине, И в лугах, и в полях, и в лесах.

И сияет звезда надо мной, Что навеки тебя отняла, Чтобы в сумрак небес ледяной Окунуть, беспощадна и зла!

Я иду в камышах на зарю, И порхают вокруг мотыльки... Ах, вернись, я тебе подарю Лиловатое сердце реки!

Сергей ЧЕПРОВ

г. Темрюк, Краснодарский край Член Союза писателей России. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Время... время...»

Услышал кто? Иль не услышал? – Эх, знать бы мне наверняка! Тревога душит: слово лишнее Опять слетело с языка.

Косыми взглядами исколота Давно уставшая душа. Твержу себе: «Молчанье – золото. Вот поздоровался и – ша!»

Так нет же... Будто дерзкий бес Тебя за язычишко тянет... А слово, словно воробей, – Махнет крылом и в небе канет.

Себе порхает средь других, Случайных, но не беспричинных... А после эхом даст под дых, Свернув небесный свод в овчинку.

За чайком, за пивком ли, за квасом, В задушевных беседах иль вне, – Я не вижу рабочего класса По моей необъятной стране.

Не отпетый злодей, не пугайтесь, – Мне с улыбкой представиться рад То банкир, то стилист, то бухгалтер, То топ-менеджер, то адвокат.

Даже тренер по уличным танцам, Даже сваха с дипломом здесь есть... А охранников и консультантов – Тех, по-моему, просто не счесть.

Мне навстречу сквозь улицу льётся Беспрерывно людская река... Может быть, хоть один отзовётся, Кто сегодня стоит у станка?!

Зона отчуждения

А чернобыльский дым всё явственней Оседал в наших душах болью. Здесь ни жить уже, ни хозяйствовать Целый век. Может, даже и более.

Лишь одно в оглохшие уши Пробивалось средь правд и врак, Что всему, под солнцем живущему, Радиация – злейший враг.

Представлялась нам зона эта Страшным кладбищем без креста. Тридцать лет нога человека Не ступала в эти места. Заглянули и удивились: Есть здесь жизнь. Несомненно, есть! Столько живности расплодилось: Кабанов и косуль – не счесть.

Развивающаяся буйно, Жизнь течёт по своим законам. Даже рыси и мишки бурые, Что доселе были в диковину...

Мир учёный, слегка насупившись, Всё ж довёл до нас информацию: Человеческое присутствие Пострашней любой радиации.

А тревоги, горести и жали Камнем лягут в омуте на дно... Наверху, в заоблачных скрижалях, Нам судьба расписана давно.

С кем по жизни мне не расставаться, Чьи душе дороже имена... Хоть одним глазком бы постараться Мне взглянуть на эти письмена.

Хоть в полглаза б только разрешили, – Вмиг поправил все свои дела. Много меньше было бы ошибок, Много больше – света и тепла...

Только я на Бога не в обиде. Бог, он справедлив, хоть и суров. Наперёд события предвидя, Сколько б наломал я нынче дров...

Где когда-то жизнь плескалась, – Всё крапива-лебеда. Время... время...

Не осталось

От деревни и следа.

Грустен люд был или весел? Мирно жил иль шёл на «вы»? – Не расслышать прежних песен В тихом шорохе травы.

Отрешишься на минутку – Кто-то машет сквозь туман И зовёт, зовёт как будто... Приглядишься: нет. Обман.

Лишь в сторонке, на пригорке, Спит, по-прежнему, уют. Понимаешь сердцем горьким: Вот кресты, они – не врут.

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым

Президент Крымской литературной академии.

Член исполкома Международного сообщества писательских союзов – правопреемника Союза писателей СССР. Директор регионального отделения Республики Крым Общероссийского Литературного сообщества. Вице-президент Клуба детских писателей Крыма. Заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым.

Лауреат Международной литературной премии им. А.И. Домбровского (2004, за философскую лирику и сохранение традиций А.И. Домбровского в деятельности Союза русских, украинских и белорусских писателей АРК), Международной премии им. М.А. Шолохова в области литературы и искусства (2008, за книгу «Радость грусти»). Автор двух десятков книг прозы, публицистики, поэзии. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Пушкинское пространство

Яблоня-Россия

Россия! Свет твой золотистый От древнерусских куполов Звучит, как чистый зов горниста И как бряцанье кандалов. А над полями безысходно Дымится утренний туман -Твоей Судьбы высокородной Непостоянный талисман. И оттого мне так тревожно За то, что будет впереди. О, будь Ты трижды осторожна, Не оступись, не повреди Свой нимб Избранницы Небесной, Несущей Лад и Доброту. Останься навсегда Невестой, Подобной яблоне в цвету. Я верю: что бы ни сулили, Чем ни пытались б угрожать -В Тебе всегда достанет силы Высоко голову держать. И, испытав Тебя на прочность, Завидуя Твоей Судьбе, Отступники поодиночке Вновь на поклон придут к Тебе.

Был Углич хорошо присыпан Снежком, хрустящим под ногами. Мы шумно им хрустели сами, И в храм дверь подалась со скрипом. А в нём нас сразу обступили Сюжеты Нового Завета, И радовали краски светом, С которых слой белил слупили. Их тщетно в прошлые года Пытались тщательно замазать... Надеюсь, мы от той заразы Оздоровились навсегда?! Но нужно время, чтоб смогли Все повреждения поправить И души по пути направить, Где ни следа от смутной мглы. А в Угличе от давней смуты -Палаты и высокий храм, Два памятника скорбных драм, На кои был горазд Малюта. Кровь сына царского и стражи

Была здесь пролита на травы, Предшествуя поре кровавой Лжедмитриев, престола кражи. Теперь тут – снег и тишина, И матери с детьми в колясках. Им кажется подобьем сказки Чуть слышимая старина. И впрямь, что было в веке раннем И заросло травой полынной, Мы про себя зовём былиной, А вслух – народным достояньем.

Пушкинское пространство

Держит Пушкинское пространство К Поэту большая любовь. Она питает вновь и вновь Незыблемое постоянство. Подходит Пушкин нам; он - идеал В сырую кровью пахнущую пору. Он часто пистолет дуэльный брал, Но, слава Богу, не стрелял в упор он. Он тоже был безудержно ревнив, За что и был безжалостно убит, А, как корабль за рифом риф, Бывало, брал сердца Харит. Он был как мы, он жил как мы, Но наделён был высшим даром. От Вислы и до Колымы Всё обновил, что было старым. С чинуш сбил спесь и черепа, Всем чувства сквозняком проветрил... Вся стихотворства чепуха Слетела с палубы корвета, Когда он в Крым с Кавказа плыл, Своё пространство раздвигая. Чуть поостыл в нём юный пыл, Но приоткрылась даль другая... Дух резонировал от шири -В пространство врос степной Урал, За ним виднелась даль Сибири, В осеннем Болдино привал... Поэзия сменялась прозой -Её история сместила... Но вот ветров увяла роза, Взошло полночное светило. В расшитом звёздами убранстве, Избрав замест венка лозу, Шло вдаль и вширь его пространство, Душа которого – Гурзуф.

Мила МАШНОВА

г. Харьков, Украина

Член межрегионального Союза писателей Украины. Юрист и заместитель руководителя клуба поэзии «Авал». Серебряный призёр интернет-конкурса «Город» (ноябрь, 2013). Победитель конкурса «Осенний марафон» (2014), поэтического конкурса «Ода любви» (2015). Золотой призёр международного ежегодного литературного конкурса духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек. Судьба. Эпоха» (2015). Золотой призёр международного ежегодного творческого конкурса «Грани мастерства» (2015). Лауреат поэтического конкурса «Платиновый Век-2015». Член жюри и оргкомитета международного ежегодного литературного фестиваля «Авалгард-2015». Автор сборника стихотворений: «НеОна» (Харьков, 2013).

«Я к этим женщинам сама принадлежу!..»

От немоты белеют губы, Слова на кончике пера. Купи мне радости на рубль, Чтобы закончилась хандра.

Черно́ внутри. Больны колодцы Души. В них мёртвая вода. Лишь эхом гулким донесётся Мой стих в другие города...

Имбирный чай. Октябрь. Вечер. Луна лимонной долькой в блюдце... Трамвайной линией рассечен Мой город. Страшно прикоснуться К его холодным капиллярам, Пронзившим улицы, проспекты... В осеннем макинтоше старом – Велеречив, могуч, эффектен.

Притворство – общая зараза Людей. Но город – исключенье. Я наблюдаю раз за разом Его ночные откровенья. Душа моя деревенеет, Пустот стеклянных смог глотая. Потуже шарф на хрупкой шее... И снова злобный лязг трамвая...

А ночь вывешивает флаги, Азартом дерзким заражая. Вхожу в её астральный лагерь Со светом тьму перемежая.

Грудная клетка – частокол, Прочней ограды кованой. И взор икон уходит в пол, Грехами зарубцованный.

Всё горе мира собрала Я под высоким куполом, Но не звонят колокола, Их немота окутала –

Печальней, чем сама печаль, Чем сны без сновидения – Моих усобиц Трансвааль, И Сретенье, и бдения... Здесь переходит в рай заря, Здесь небо – виноцветное. Не разглядеть за тенью ряс Венца едва заметного...

А что будет с нами завтра: Война или сразу смерть? Молитва теперь – на завтрак, На ужин – число потерь.

Живым кто придёт из боя? Кого предадут земле? ...Мы встретим невзгоды стоя, С морщинами на челе...

Мне тебя не забыть, даже если падут небеса, Даже если Земля прекратит круговое вращенье, Среди тысяч других, я твои распознаю глаза, Даже если их встречу в ином, неземном измеренье.

Солнце может устать совершать ежедневный маршрут, Время ластиком может стирать мою хлипкую память... Мне тебя не забыть ни на миг, ни на десять минут – Ты вплетён в ДНК, как единственно верный орнамент.

Не спрашивай

Не спрашивай, о чём молчат в постели Поэты – женщины в вечерние часы. Когда стихи – озлобленные псы, Что сорвались с цепей, достигнув цели –

Клыками времени вгрызаясь, осмелели И вдаль рвались кусками эха, э-ха... Не ведая ни страха, ни адеха... У этих женщин рифмы – цитадели, Сплетенье мыслей – вычурный ажур...

Я к этим женщинам сама принадлежу!

Николай ТЮТЮННИК

г. Днепродзержинск, Украина

Член Союза писателей СССР с 1988 года. Родился в Белгородской области (Россия), со школьного возраста вместе с родителями — в Донбассе. 15 лет проработал рабочим в угольной шахте, г. Первомайск. Первая книжка «У реки Лугани» вышла в 1982 году. Публиковался в периодических изданиях Луганска, Донецка, Чернигова, Кировограда, Киева, Вильнюса, Москвы и Урала. Автор более тридцати книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных премий, в том числе Международных премий им. Николая Гоголя «Триумф» и им. Владимира Даля, тетралогия о шахтёрах «Лугари» отмечена премией им. Алексея Стаханова, книга переводов поэзии Николая Рубпова на украинский язык — двумя дипломами: «Золото переводов» и Международного конкурса «Звезда полей» (Москва); исторический роман в стихах «Маруся Богуславка» — четырьмя литературными наградами. Полный кавалер «Шахтёрской славы». Создатель и руководитель Межтородского литературного объединения имени Бориса Горбатова. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Стихи разных лет

У памятника Татьяны Снежиной В Луганске

Унеслась куда-то, в даль безбрежную, Хоть зови теперь, хоть не зови... Только здесь и встречу Таню Снежину, – Светлую от песен и любви.

Кто-то мимо пробежит рассеянно, Ничего не видя, — ну и пусть! У неё ж в глазах — тоска Есенина И почти есенинская грусть.

Это ж не глаза, а наваждение. Жаль, их свет безвременно угас. Но она одним своим рождением Всё же осчастливила Луганск.

Ветер клёны раздевает наголо. А в ушах — её щемящий стих. Где же были, Таня, твои ангелы В тот кошмарный и прощальный миг?

Самая далёкая и нежная, Что тут скажешь, если се ля ви... И стою я, чуть касаясь Снежиной, – Полон тихой грусти. И любви.

По Новому Свету

Друг мой, друг мой... *С. Есенин*

Друг мой, друг мой, на возраст не сетуй, Ни к чему нам замшелая грусть. По вечернему Новому Свету, Как когда-то, вразвалку пройдусь.

Не семнадцать уже, ну, и что же... Почудить ещё можно вполне. Прикурить даст пугливый прохожий, Поднеся робко спичечку мне.

Сразу мысли, как пошлые осы Зазудят, мол, не слишком ли груб? Как прищепкой, зажму папиросу В уголке плотно стиснутых губ.

Да не груб я, и не был я грубым. Это всё... ну, положим, броня. Ведь не раз чьи-то сальные губы Оплевать норовили меня.

От босоты спасала сноровка, А точнее — тяжёлый кулак. А от этих, что спаяны ловко, От холёных, зажравшихся — как? Друг мой, друг мой, на возраст не сетуй, Ни к чему нам замшелая грусть. По вечернему Новому Свету, Как когда-то, вразвалку пройдусь.

И сниму я по ходу вопросы. Ну, хотя бы вот этот вопрос: Я давно не курю папиросы, Да и нет их сейчас, папирос.

Разве что сохранилась кепчонка, Приблатнённое кепи моё. Но уже не прельщает девчонок – Не фирма и уже не новьё.

Да и я к тем девчонкам не очень. И не то, чтобы старый уже. Просто ждут меня серые очи Там, на пятом моём этаже.

Поднимусь, и звонок словно трактор: Дзинь-дринь-тринь...
– Сколько можно гулять?!
– Да, – совру, – снова чёртов редактор Задержал на работе опять!

На родине

Ну, здравствуй, белгородская земля!.. Стою, как встарь, на дедовском пороге, Где чахленькие наши тополя В пыли по-стариковски греют ноги.

Здесь мой исток. Начало всех начал - Весёлое, как тройка с бубенцами! Какой простор меня, мальца, встречал, Окрашенный пунцово воронцами!

И я веснушки лет до двадцати Носил, как память о далёком лете. За долгое отсутствие прости, Мой милый край, единственный на свете.

Ведь я всю жизнь вдали от этих мест, Где терриконы подпирают небо, И памяти своей тяжёлый крест Несу за то, что здесь так долго не был.

Уже и солнце не позолотит Моих волос – наполовину белых Как время-то безудержно летит, Роняя дни, как нива колос спелый.

Так здравствуй, белгородская земля!.. Я, наконец, на дедовском пороге, Где чахленькие наши тополя В пыли по-стариковски греют ноги.

Виктория АСТРАХАНЦЕВА

г. Братск, Иркутская обл. Заслуженный архитектор РФ, Советник Российской академии архитектуры и строительных наук. Председатель правления Братской организации Союза архитекторов России. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«В капельках дождя ночные звёзды...»

Аромат архитектуры

Аромат профессии – особый, тысячи оттенков, все не счесть, Научиться отличать их чтобы, говорят, пуд соли надо съесть. Им наполнена большая мастерская или закуточек небольшой, Частная, не частная, любая, жизнь, в которой провели с тобой.

Запах деревянного каркаса старого подрамника в углу.
Треснул ватман, он стоит напрасно, выбросить его? Нет, не могу.
И не важно, что теперь смешными, кажутся «каракули» на нём.
Что ни говори, они родные, в них мгновенья жизни узнаём.

Бесшабашность, тайные порывы, ночи за проектом, ревность, злость, Получалось или шло с надрывом – так уж в нашем деле повелось. Чёткий контур плана на ГОСЗНАКе с качеством заметным на просвет, В конкурсной «интеллигентной драке» каждый новый возникал проект.

Дух или душок, и это было.
Разочарований череда.
Всё забыла, всем и всё простила,
даже, показалось, навсегда.
Нет, сидит там, глубоко и больно,
правда, поутихла боль теперь,
Всё ж, бывает, вспомнится невольно,
а захлопнуть хочется ту дверь.

Ароматы, запах вспоминаю:
пахнет мамочкина «Красная Москва»,
Я архитектуру постигаю,
чту её, познав едва-едва...
Нравится упорствовать ночами,
лишь под утро падать на кровать,
С красными счастливыми глазами
с чертежом на кафедру бежать...

Запах общежития знакомый невозможно спутать ни с каким, С ним сюжеты возникают снова милых сердцу и смешных картин. В карандаш испачканные руки, в акварели щёки, нос, планшет. Светская профессия – не знаю? Сколько сил и сколько нужно лет,

Чтобы к ней приблизиться немного, опыт обрести и право быть, Чтобы осознать свою дорогу, о себе достойно заявить. Силуэт склонившейся фигуры в антураже будней и ночей... Хрупкость – не про нас, в архитектуре нежность – только «с милым в шалаше».

Ароматы новые с годами нас сопровождают, в том резон, Чувствовать нюансы, их меняя, например, на терпкий Poison. Позже был Jadore, Chanel, Fa, Gucci – всё приметы лет, они со мной. Радость или творческие муки, с ними суть профессии такой.

Стала я с годами осторожней и, пожалуй, реже их менять, Новый запах – кажется знакомым, полутон сумею распознать. Удивить, порадовать – сложнее, обмануться – вовсе не могу. Вкусы обновлю свои, точнее, духу времени сопутствовать хочу.

Пусть флюиды прошлых лет чудесных кружат ароматом надо мной, Жду ещё проектов интересных, и пока не снится мне покой.

2014 г.

Возвращение

В капельках дождя ночные звёзды, Небо под ногами – чудеса! Непривычно выглядят берёзы. Ёлки потянулись в небеса,

Будто кавалеры обступили Тёмным фоном нежный абрис их. Веточки промокшие склонились, Отлетает одинокий лист.

Тучки прочь. Туман. Бежит полёвка. Солнца луч протиснулся, как смог, Появились тонкою штриховкой Тени ёлок поперёк дорог.

Умиротворенье беспредельно! Миг блаженства – скоротечен он. Путь окончен, лес уж поределый. Будни обнажил ближайший склон.

2015 г.

Константин БЫЛИНИН

г. Челябинск

Член областного литературного клуба «Светунец» им. Вячеслава Богданова при Союзе писателей России. Член Комитета литературных объединений Челябинской области «Литера Артель». Лауреат второй степени 13-х и 14-х «Каслинских литературных чтений» (2014-2015). Лауреат первой степени 11-го областного литературного конкурса «Прекрасен наш Союз» (2015). Дипломант второй степени всероссийского литературного конкурса «Моя Родина» (номинация поэзия, 2014). Автор книги стихов «Нарисованный город без лиц» (Челябинск, 2013).

В сердце Урала

В небесную синь полыньи вонзаются ели и сосны, а ветер хватает за космы зелёную свежесть земли.

Умеют небесные воды прочесть в щебетании дня язык разноцветной природы, – излив свою радость в меня! Январь, 2015 г.

На землю

Вот я к Богу пришёл налегке сквозь уральское пенное небо. Лунный шарик в ночном уголке зарастает декабрьским снегом.

Непривычно дышать наравне с тем, кто выдумал небо и космос, тёплый ветер, пришитый ко мне, и любимой – космический голос.

Непривычно остаться в живых после незабываемой смерти. Бог прочёл меня будто бы стих и отправил на землю в конверте.

Март-апрель, 2015 г.

Уральский день рассыпался на звёзды, И снегопад – в глубокой тишине, А мне любить и жить совсем не просто, Я говорю с тобой наедине:

Что надо мной клубится тень природы, Когда стою под снежным рукавом И прошлое мешаю, словно воду, В которую мы больше не войдём...

Мне прошлого совсем немного надо. Мне прошлого не нужен водоём. Мне б капельку любви ночного сада, Где моё сердце станет снегирём.

Альфа

Кто не считал твоих ступенек, скажи, осунувшийся дом? И жизнь снимая, как ошейник – ушла по небу босиком моя любимая овчарка, в зубах с зелёным поводком.

Мне дорога российская природа – вишнёвых глаз приятный огонёк, и муравей, что в роли пешехода, дорогу переходит поперёк.

Мне дорога зернистая развилка степных дорог в разливах тишины, и дальних гор туманная косынка, где облачные взвились буруны.

Мне дорога российская природа лесных трущоб, накрытых синевой, и плеск травы у кромки небосвода, где горизонт кончается со мной.

Смотри, как разлинована дождём зелёная уральская равнина! Пернатый лес, подвязанный ручьём, у солнечного греется камина.

За далью даль ложится в синеву, где тлеет день в серебряном раскате, и счастлив я, что в этот миг живу, как первоцвет в подлунном палисаде!

В сердце Урала

Урал! Люблю твои просторы И тёмный каменный оскал. Я все ручьи, леса и горы Стихами к сердцу привязал!

Я зачерпнул немало света С твоих серебряных озёр, Где камышом шуршало лето, Как бы зиме наперекор.

Вот на земле вскипают травы, Где тонким запахом грозы Обшиты хвойные дубравы И хрупкий сон внутри осы.

И никому твою природу, Урал, в стихи не поместить. Но, как любимую у входа, Хотя бы взор твой сохранить.

Урал! Люблю твои просторы И тёмный каменный оскал. Я все ручьи, леса и горы – Надёжно к сердцу привязал!

Наталья ЗАВЬЯЛОВА

г. Братск, Иркутская обл.

Инженер-химик-технолог. Студенческие годы прошли в Ленинграде. Стихи пишет с юности. Публиковалась в журналах «Край городов» (Рязань, 2006), «Легенс» (Санкт-Петербург, 2010), в газете «Школьник» (Москва, 2010), а также в коллективном сборнике «Новые сказки» (Новокузнецк, 2014). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Перезагрузки природного сервера...»

Я - осень под названием весна...

Я сильная, страдаю от бессилья, Свободная, не выбраться из пут. Летящая – подрезанные крылья, И... странная, – решил досужий люд.

Я певчая, безмолвны мои песни, Горизонталь – изогнута углом, Цунами, да под воду в безызвестность, А каждый новый дом идёт на слом.

Состарилась – в душе гуляет юность, Познала мир, но ум стремится ввысь. Я разрушаю всё, чего коснулась, И оживляю павший жёлтый лист.

Я нежная, слова мои колючи, Я страстная, но внешне холодна. Я – засуха, прольюсь дождём из тучи, Я – осень под названием весна...

В моей неласковой судьбе Стихи – непрошеные гости: Кресты на стареньком погосте И объявленья на столбе.

Слоятся строчки, как слюда, И катит боль бильярдным шаром, Я не склоняюсь пред ударом, Не убегаю в никуда.

Мои стихи, быть может, блажь И незатейливая драма, Где рифмы простенькая рама Напоминает антураж.

Мои вирши...

Это просто стихи:

мысли, думы, бессонные ночи.

Это просто слова

на родном для меня языке.

Не ищи тайный код,

не выискивай скрытых пророчеств,

Я здесь вся на виду,

в то же время, как ёжик в клубке.

Есть стихи ни о чём,

где красивостей больше, чем грязи:

Тривиальная рифма,

в катренах «гуляет» размер.

В них придуман сюжет,

заурядный сюжет без фантазий, Вперемешку сезоны, века, Херувим, Люцифер.

В них обыденность жизни сливается с таинством смерти, Морем плещутся будни, сменяя отливом прибой. В них судьба незатейливо крестики-нолики чертит, А в конечном итоге выходит опять про... любовь.

Романс «Нам не дано...»

Моих сомнений светлую печаль Я обряжу нарядными словами, Какими мы беседовали с Вами, Срывая с дум ута'енных вуаль.

Нарочно на пол уроню листок, Но так, чтоб Вы увидели случайно, Что Вам дано в мою проникнуть тайну, Да не дано узнать, каков итог.

От злых бессонниц смятую кровать Я застелю атласным покрывалом... Как мало Вам вчера я рассказала, Как много Вам мне не дано сказать.

Моей надежды скромные черты Я затушую чёрными мазками, Как не дано мне следовать за Вами, Так не дано нам перейти на «ты».

31 марта

Город болеет весенней распутицей, Кашляют скверы, чихают дома. Март состоялся, апрель скоро сбудется, Далее май, лето, осень, зима.

Падает снег на дороги и лужицы, Тают снежинки, коснувшись земли, А водостоки грохочут натруженно: С крыши вода, на асфальте ручьи.

Солнце взяло выходные бессрочные, В небе висит серо-белая хмарь, И облака прорисованы точками, Будто сейчас не весна, а январь.

Мёрзнут набухшие почки на дереве, Зябнут от ветра нагие кусты. Перезагрузки природного сервера По расписанию и непросты...

Сергей ШУБА

Падает наискосок свет,

г. Новосибирск

Родился в 1983 году в городе Курган-Тюбе (Таджикистан). В 2005 году окончил Ростовский государственный строительный университет. С 2007 живёт в Новосибирске.

Участник поэтических («Experiences» – 2010, 2011, 2012, 2013) и музыкальных («С.Ш.А.» – 2008, 2009, 2012) фестивалей. Публиковался в альманахе «Ликбез», «Aesthetoscope», журналах «Гостиная», «Вольный Лист», «Город Пэ», «Ното Legens», «Топос», «Плавучий мост», «Южная звезда», «Сибирские огни». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Кусочек глины, пропитанный небом...»

Слепец

- В мире ничего нет, кроме этого стола... Я чую запах ковыля, там дыбится холмом степь, пробует ногой клеть золотистых, иссохших трав Брат Кузнечик. Он, как всегда, прав, что над этим всем можно взлететь... И взлетает. Вот бы крылья иметь!

Сутяга свесил тощие носки, Оттаяли блины, покуда в сон Мил провалился, то есть он не мил, Но серым ветром вдоль отягощён.

По рюмочке, по пятнышку, руке Оставив базис, внутрь по делам Расчистить лес, возненавидеть хлам И хамов на суконном поводке.

Пронзить лицо скоплением перил, Увидеть свет, ушедший в Никуда Вернувшийся, пока горит Звезда Сказать ему: я лишь тобою жил.

Антону Метелькову

Борный зайчик засверкал, Разом скушал часть зеркал. Мы его послушали, Пошли другою сушею. Так и стало нам смелей: Сто огней на сто очей, Вихрь, выверт, мрак и сад, Полный яблоков ушат. Дядя, дядя в декабре Я кусаюсь всех больней. Полно, полно, я запомнил, Набегают дни как волны. Мы друг другу смерть прощаем, Встретимся с изнанки рая.

Я знаю, ты была волна И колыхалась в нём вовеки, В безумном, слабом человеке, Бросая между явью снов И нереальностью амбиций. От пораженья до победы Несла его сквозь рощу, ведая...

Неумолимо божество: Похищенное торжество, Дары и посвященье бреда.

Остатний плёс облает пёс, Пройдёт чужак, что камень нёс, И будет в этом мир.

И грянет гром в краю морском, Жизнь запорхает мотыльком. Кого укроет скит?

Кому от мира нет преград? Кто отвечает невпопад – Чужак, что камень нёс.

Он за высокою водой, Под небесами, он живой. Тебя, наверно, ждёт.

Так вот и сметаешь себя в коробку, Как нежеланную воблу, как сухую пробку, Как расстояние между двумя линиями: Одна из них Герострата, другая – Плиния.

Так вот и скитаешься по размокшему снегу От горизонта до неба – две минуты бега. Так и утешаешь себя рысьим знанием: От тебя до добычи – миг и расстояние.

Но добыча безвоздушна, глубока. Вязнет, тонет в расстоянии рука.

Терновник, яблоко – вечный выбор. Но когда на зубах скрипит пустота, Обезумевший, слышишь – глаголют рыбы. Пыля, по дороге едет арба... И везёт твоё счастье. В краю липы цветущей Слишком легко всё отпустить И лениво следить: уложили в ящик Кусочек глины, пропитанный небом И зёрна яблонь, и ветви тёрна Готовить обед, пусто жить.

Александр КОБЕЛЕВ

г. Новонукутск, Иркутская обл.

Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни». Член Иркутской областной писательской организации. Лауреат-победитель международного поэтического конкурса «Звезда полей–2012».

«Не нужна мне в ладонях синица...»

На книгу Г. Гайды «Посмертное»

От книги вдруг бессонница, Снотворным не помочь. Хотел лишь ознакомиться, А просидел всю ночь.

Слова обыкновенные, Обычный строй строки И мысли сокровенные Понятны и близки.

Он патриот отечества До кончиков волос. Сказать мне больше нечего, Но есть один вопрос.

Мне не понять, наверное, Поэту от сохи, Как в сборнике «Посмертное» – Бессмертные стихи.

Людмиле

Я вспоминаю до сих пор Быль-небыль эту – Июльский день, иркутский двор И сигарету.

Изящно пальчиком своим Ты сбила пепел. И как же близко мы стоим! А день так светел.

Я молча на дымок гляжу И в нём витаю. Ну почему я не скажу – О чём мечтаю?

Врата, мечтаю, распахнуть Земного рая, Чтоб словно факел полыхнуть, В любви сгорая,

Чтоб смерть пришла, косой звеня: «Ты где, придурок?» А там остался от меня Один окурок.

Мальчик на крыше

Он уселся птенчиком Прямо на конёк, Зазвенел бубенчиком Детский голосок.

Там на крыше, чудится: Потянись слегка, И желанье сбудется – Схватишь облака.

Прадед гонит борова, Семенит смешно. Что на крыше – здорово, Позабыл давно.

Мальчик ветром тешился – Весело, свежо! – Ты куда утрешшился? Жвахнешься ужо!

Вот петух завозился ранний... Он, юнец, так доволен собой, Словно миру пропел побудку. «Утро» А. Хромовских

Не проспят и минутка в минутку, когда только проклюнется день, заиграют крестьянам побудку вековые часы деревень.

Старикам вы играете, что ли? Ведь сбежала давно молодёжь, а бесплатно горбатиться в поле добровольцев уже не найдёшь.

Лишь осталась опора Союза, юность прежняя прежней страны, что теперь государству обуза, раз к работе уже не годны.

Вековечные пасынки власти, не пойму, за какие грехи... Вы им утро бессонное скрасьте, вы попойте для них, петухи.

Журавлик

Не нужна мне в ладонях синица, Я журавлика жду по весне. Прилетай, моя добрая птица, Надо мной покружи в вышине.

Ты, как символ духовной свободы, Сквозь пространство и время лети, Улетай в мои лучшие годы И с собою меня захвати.

Mostrieckasi koaoiika

Максим СЕНТЯКОВ

г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия Окончил Удмуртский Государственный университет по специальности «Юриспруденция». Создатель и руководитель творческого объединения Удмуртской Республики «Поэты Ртутного Века». Автор 4 книг стихов и малой прозы. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Витрины

Кажется, витрины стали ярче, Впитали свет от солнечных идей, И очень просто открывался ларчик, Который твой и более ничей.

И я сижу в машине, дожидаясь, Вдыхая свет, как стёкла тех витрин, Я тоже грел, но только я теряюсь, Глоток впивая сонных грузных вин.

И как мне знать про эти расставанья, Мы не были с тобою никогда, И, словно луч, сходящий с расстоянья, Я грею воды, хоть я сам вода.

Сидит и ждёт меха армейской шапки, Когда придёт смеющийся герой, Свой верный луч из солнечных охапок, Горячий луч, вернувшийся домой.

Челнок

Несётся брошенным потоком Чредой бездомных вечных вод, Пережидать удары рока, Упав в теченье, небосвод.

Такая синь ласкает лица, Из сердца тянет свой лоскут, Что лодки, словно стали спицы, Взрезают волны и плывут.

На сих местах, средь топких далей, Где ветер с водами – свояк, Для тех, кто плыл – даёт медали, Устав лететь и сбавив шаг.

Челнок по этим снам несётся, Вдыхая воздух деревень, Он спит на водах и проснётся, Когда угаснет этот день.

Во тьме, средь вод глаза откроет, Узрит небесный тонкий стан, Что лаской волны успокоит, На отдых встанет караван

Идей и дум, что как сиянье С небес спадают мимо лжи, Покоя страстное желанье: На тёмных водах синь вяжи.

Дмитрий МАНАЕВ

г. Саратов

Родился 29 июля 1979 года в г. Саратов. В 1998 году окончил Саратовский авиационный техникум. Стихи пишет с 14 лет. Постоянный участник областного фестиваля актуальной поэзии «Центр Весны». Автор 4 книг стихов и малой прозы. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Закрывая глаза, каждый из нас становится на секунду лёгким недоразумением. Темнота настигает, словно ответ на половину вопросов. Всегда - только наполовину. Иллюминатор стиральной машины сможет ли он подсказать, для чего белизна этих рук, для чего невменяемость синего глаза, для кого из разорванных в клочья ещё расцветает тупая весна? Вот бы знать на десяток шагов, вот бы помнить о всех переделках не постараться, не опуститься до пустоты, а неминуемо быть в каждом десятом углу. Ловить мановением век тьмы безразличной подарки. Оставаться слегка в полутоне секундным недоразумением где-то по эту сторону, небрежно и беспричинно закрывая умершие глаза.

Три тени

Слепящее сознание воюет свысока, покуда неприкаянные сны несёт река.

В безмерном отдалении над тишью гробовой три неприметных тени становятся – судьбой.

И круглость дыр изведанных, направленность дверей, – что, в сущности, тебе до них? Ведь Ты же тьмы черней!

В протяжности беспамятства, стремителен, как ложь: уходишь, возвращаешься и вызываешь дрожь.

Но глянь, грядёт мгновение целебной пустоты, три неприметных тени: Ничто, Никто и Ты.

Сергей ФИЛИППОВ

г. Москва

Родился 19 августа 1953 г. в Москве. В 1976 году окончил Московский институт химического машиностроения, инженермеханик. Член литературной студии «Вешняки».

Всё до мелочи знакомо И обыденно весьма, Сонных улочек истома, Деревянные дома.

Те же запахи и краски, Что и двадцать лет назад, Жизнь без каждодневной встряски, Устоявшийся уклад.

Так всё вышло, так сложилось, Тот же круг из тех же лиц, Их природная сонливость Непривычна для столиц.

Это свойство всех провинций, Их всеобщего родства, Где размеренность, как принцип И как форма существа.

Часы мои не мной заведены, Стремительно бегут они куда-то. Застигнуты врасплох бываем мы Очередной не радующей датой.

Их мерный ход нельзя остановить, Я знаю, что они не виноваты, Но хочется неистово бранить Холодную бесстрастность циферблата.

Часы мои торопятся, спешат, Их стрелки, как судьба, неумолимы. Неповторимы каждый жест и взгляд, И молодость, увы, неповторима.

Часы мои очерчивают круг, Определяя чёткие границы, Под стрелок скрип и маятника стук, Мои мгновенья таят по крупицам.

Часы мои заведены не мной, Стремительно бегут они куда-то, И может оказаться роковой Любая цифра и любая дата.

Когда о самом сокровенном Сказать желаешь каждый раз, Так трудно вырваться из плена Дежурных и банальных фраз.

Дар красноречия – искусство, Но, мысль, конечно, не нова – Когда преобладают чувства, С трудом находятся слова.

И юноше при первой встрече, И мужу зрелому не в срок Влюбившемуся, косность речи И робость, право, не в упрёк.

Юлий СТОЦКИЙ

г. Москва

Прозаик, публицист. Член Союза журналистов Москвы. Член Международного сообщества писательских союзов. Заслуженный деятель телеискусств ток-шоу России, бронзовый призёр 2011 года Всеевропейского конкурса русской прозы.

Записки на полях гороскопа

Два окна. Ночь длинна.

Лев-Овен, как будто играя, Шутя, положил на Весы Кусочки забытого Рая.

И зачем я купил гороскоп? А второй мне зачем подарили? Море бреда пронзил перископ, Море бреда у берега гнили.

И не встанет Луна в энный час. Солнце светит и людям, и гадам. Вопль судьбы превращён в парафраз И командует странным парадом.

Не спеши исчезать навсегда, Гороскоп, дай прочесть предсказанье!!! Застывает в каналах вода. Телефон битый час уже занят...

О, прости, разлюбезный Восток, Что на Западе всходит светило... Взвесив боль, как всегда, на глазок, Дробь копыт мостовую мостила, Всё, что грело – всё прочь уносило...

1998

Восход луны

Луна бессильно наблюдает Ночной бурлящий непокой. И совесть наша не скрывает, Что мы боимся быть собой.

Уж навсегда отрыта Троя, Обратный невозможен ход... И вместо тихого покоя Мы все, наверное, хотели – Чуть-чуть из строя, чуть вперёд.

И не увидеть знаки света? Лишь тень ложится на плечо. Украдкой радует нас лето, Но не поставит нам зачёт.

...Мы все, наверное, хотели и парк, и старые качели...

2013

Юрий ТАБАЧНИКОВ

г. Ариэль, Израиль Член Израильского отделения международной актёрской ассоциации ЭМИ, драматург.

Снова во мне звучит полузабытый вальс.
Он, вопреки годам, снова встречает нас.
Вихри седых невзгод, в нас оставляя след,
В юность опять вернут тропкой ушедших лет.

Словно в плену душа документальных лент. Горе бы нам забыть, только забвения нет. Кадры войны идут, серо-бесцветный фон. Осколком пробит, лежит раненый патефон.

В нас этот вальс звучал в гетто и лагерях. И выживать помогал в смертных судьбы когтях. Так же, как мы, горел и подымал на дот. Кто там однажды был, тот и без слов поймёт.

Пусть он всегда живёт, не умолкая в нас. Светлый и молодой, не убиенный вальс. Будет всегда звучать, и мода тут ни при чём. Жизни бессмертный код, видно, заложен в нём.

Кто сказал, что героев давно уже нет? Уверяю вас, в это не верьте. Они там, где есть зло, они там – где навет, Возникают преградою смерти.

И не знаешь, порой, вот он рядом с тобой. Ничего в нём геройского нет. Но когда нависает беда – первым в бой, Без сомнений уходит в рассвет.

Там, в рассвете, где грозы гремят поутру. Зарождается солнце лучами. Там герои стоят, чтобы мрачная тень Не нависла однажды над нами.

Нет – не трусы, но часто не знаем, как быть. Мы – обычные, мы незаметны. Но случится беда, – нас не надо будить, Мы уходим в туман предрассветный.

Сколько нас вот таких, незаметных.

Сергей ТУМАКОВ

г. Усть-Кут, Иркутская обл. Член литературного клуба «Причал». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Как жить, не знаю, А тем боле почивать. Но числа в календарике, как зуммер. Оп! День рожденья, слава тебе, мать! Знать, нынче я пока не умер.

Не художник, но портрет Про себя бы написал: Касса, где билетов нет, И совсем пустой вокзал.

Аллюр

Я был обманут, маленьким не знал: В конце туннеля света вовсе нет, А ждёт нас переполненный вокзал, Где каждый платит сам за свой билет.

Остерегусь теперь седлать коня, Пускай его копыта отдохнут. Мудрее утро вечера и дня, Да снова мысли в ночь меня несут

Аллюром, сумасшедшим табуном, Вздымая в пене потные бока. Не помнят, оголтелые, о том, Что нет там... никакого далека...

Жить хотите? Не неволим. И в подарок вам пиджак, А на вырост – счастья с горем По карманам и пятак.

Приходите, выживайте! Не жалейте, не убудет. В кружке с пивом пена с краю. Это люди, просто люди...

Про протоптанной тропе Не пройти вперёд, чтоб тело, Ладно сшито по тебе, Не жирело, не толстело.

Задарма бы в закрома (Больше в жизни нет желаний). Там в меню – комбикорма Из похвал и наказаний.

Ни при чём здесь колдуны! Песни звонки да лихи Раскололи колуны Не на щепки – на стихи.

Авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни»

Творческий совет журнала

Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия) Кривчиков Валентин Алексеевич (Северомуйск, Бурятия) Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.) Гутовская Елена Николаевна (Северомуйск, Бурятия) Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия) Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия) Тимошенко Надежда Михайловна (Ангарск, Иркутская обл.) Никифоров Сергей Гаврилович (Ангарск, Иркутская обл.) Веселов Эдуард Игоревич (Ангарск, Иркутская обл.) Головизина Ольга Павловна (Липецк) **Лангольф** Екатерина Андреевна (Ангарск, Иркутская обл.) Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край) Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.) Ткаченко Михаил Петрович (Ангарск, Иркутская обл.) Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.) Луданова Галина Васильевна (Иркутск) Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия) Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск) Александрова Александра Александровна (Красноярск) Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия) Линник Ольга Владимировна (Омск) Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия) Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург) Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.) Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск) Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.) Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург) Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна Председатель правления совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни» Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

Журнал «Северо-Муйские огни» осуществляет свою деятельность без государственной регистрации и без приобретения прав юридического лица.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- •всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- •укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- •участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- •оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- •развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1..2. Основные задачи:

- •осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- •осуществлять издательскую деятельность;
- •участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- •осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- •сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.